

В. П. ЯЙЛЕНКО
V. P. YAILENKO

**ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. I. О ПУБЛИКАЦИИ НАДПИСЕЙ
АРТЕЗИАНА. II. ТЕКСТОЛОГИЯ И ПРОСОДИКА ОЛЬВИЙСКОГО ГИМНА
VI В. К ГИЛЕЕ. III. В ЗАЩИТУ ВОТИВА IOSPE I² 188 ИЗ ОАМ
EPIGRAPHICAL NOTES. I. ABOUT PUBLICATION OF THE INSCRIPTIONS
FROM ARTEZIAN. II. THE OLBIAN HYMN OF VI CENT. BC. III. IN DEFENCE
OF THE VOTIVE INSCRIPTION IOSPE I² 188 FROM MUSEUM OF ODESSA**

I. О публикации надписей Артезиана¹

Статья С. Ю. Сапрыкина, Н. И. Винокурова, А. В. Белоусова [2014] посвящена двум эпиграфическим памятникам, найденным на городище Артезиан в Восточном Крыму, – граффити на обеих сторонах амфорного черепка, также эпитафии к рельефу лапидарного надгробия. По содержанию статья состоит из 4 разделов; открывает ее содержательное археологическое введение [с. 134–138] Н. И. Винокурова, который много лет успешно ведет раскопки памятника, результаты освещены им в ряде публикаций. Городище существовало в I в. до н. э. – II в. н. э., в этой статье он дал характеристику его крепостного сооружения («цитадели»). На ней найдено некоторое число граффити и надгробная стела с эпитафией. Наиболее интересны два граффити на обеих сторонах амфорного обломка, им уделены с. 139–147; раздел о граффито на внутренней стороне черепка написал А. В. Белоусов, разделы о граффито на внешней стороне, об эпитафии да рельефе надгробия (с. 148–159) написаны С. Ю. Сапрыкиным.² Все, за исключением археологического введения Н. И. Винокурова, вызывает серьезные нарекания, именно поэтому важно не критиковать совокупно всю троицу, но адресоваться к конкретным авторам комментариев к надписям.³

¹ § 1 этой заметки I существует в электронном варианте – в журнале МАИАСК [Яйленко, 2017, с. 471–483]; здесь я переработал ее и дополнил новыми материалами. На нее последовал ответ А. В. Белоусова и С. Ю. Сапрыкина [2018, с. 246–269], которую рассмотрю ниже, в § 3.

² В статье 2017 г. я приписал публикацию всех трех надписей А. В. Белоусову, но оппоненты поправили атрибуцию: в статье 2014 г. ему принадлежит раздел о граффито на внутренней стороне черепка, разделы о граффито на внешней стороне и эпитафии написаны С. Ю. Сапрыкиным. Приношу А. В. Белоусову свои извинения за приписанные ему огрехи С. Ю. Сапрыкина и делаю в данной статье соответствующие исправления, отметив, тем не менее, что этого не произошло бы, укажи соавторы, кому что принадлежит в статье 2014 г. И в статье 2018 г. они не указали, кому какой раздел принадлежит, поэтому снова приходится гадать об авторстве; резонно думать, что оно осталось прежним, но поскольку раздел о граффито № 1 (с. 249–254) подан во множ. числе («считаем», «отметим» и т. д.), адресуюсь к обоим оппонентам, хотя по стилистике видно, что он написан в основном С. Ю. Сапрыкиным. Раздел о надписи № 2 определенно написан А. В. Белоусовым.

³ Уже после появления моей заметки в Сети Н. И. Винокуров любезно предоставил мне фотографии обоих граффити, за что ему большое спасибо. Моя благодарность также А. В. Подосинову, который оперативно прислал мне статью А. В. Белоусова, С. Ю. Сапрыкина 2018 г., также И. А. Снытко за фотографию большого алтаря Ольвии и его жене Елене за фото кинбурнского пейзажа (ниже, рис. 5, 6).

1. Любовное и obscene граффити на обломке амфоры

Две надписи на обеих сторонах амфорного черепка тонкой оранжевой глины с серо-бежевым ангобом, 8,2 x 11, 8 см. Судя по контексту, первой сделана надпись на внешней стороне (№ 1), второй – на внутренней стороне (№ 2). Им, как сказано, уделены с. 139–147 публикации, автор раздела о граффито № 1 С. Ю. Сапрыкин, автор раздела о граффито № 2 А. В. Белоусов (ср. и [Белоусов, 2015, с. 205]). По историческим обстоятельствам мы датируем граффити 20–55 гг. н.э., чему соответствует и графика их письма (см. ниже).

Tergo. Любовное граффито (№ 1). Это основная, 6-строчная надпись (рис. 1, 1а, 1б): сначала написано имя Σαλας, далее полный алфавитный ряд от *альфы* до *омеги* (стк. 1-2), что выдает принадлежность надписи школяру. То, что это обычный для школьных упражнений (см. о них Яйленко, 1988, с. 54–60) ученический остракон, показывает повторное написание букв Π, Ψ, Ω, причем после *пси* ошибочно вырезана не должная *омега*, но *омикрон*, что обязано смешению долгих и кратких гласных в реальном произношении римского времени. Издатель справедливо констатировал, что алфавитный ряд написан правильно, но непозволительным для первоиздания надписи образом вовсе не отметил повторное написание учеником букв Π, Ψ и Ω вместо должного Ω. Ему следовало бы отметить, что школьные упражнения на написание алфавита порой сопровождаются указанием имени ученика (обычно эти упражнения делаются на черепках битой чернолаковой посуды, которыми уснащены дворы и улицы поселений). Так, в надписи IV в. до н. э. из Пантикапея ученик сперва начертил свое имя в род. падеже – Κίσσοῦ, ниже буквы алфавитного ряда Ζ, Η, Θ [Ib., с. 58, № 20 и рис. 20 на с. 55]. В другом упражнении из Пантикапея на одной стороне черепка школяр вырезал начало алфавитного ряда – [Α, Β], Γ, Δ, Ε, Ζ, на оборотной стороне свое имя [Δί]ομήδ[ης] [Толстой, 1953, с. 136-137, № 240].⁴ В упражнении из Тиры ученик полностью выписал алфавитный ряд и под ним похвалил себя: [--] ος καλός «*имярек* молодец!» [Яйленко, 1988, с. 55-56, № 1 и рис. № 1 на с. 55]; от имени ученика сохранилось окончание -ος (вряд ли это двойное написание слова καλός, см. ниже). Упражнение на написание отдельных букв алфавита, слогов, односложных слов и их склонения березанский ученик III в. до н. э. предварил своим именем: Φῶκο[ς] [Яйленко, 1982, с. 306-307 и рис. на с. 233]. Таким образом, Σαλας, – имя автора граффито № 1, так что в дальнейшем будем именовать его надписью Саласа. Существо ее содержат стк. 3-6, текст которых, по С. Ю. Сапрыкину, таков: [... Δόλ]ηι χαίρ<ε>iv | [...] χαίρ<ε>iv | [... Απ]άτουρος | [... κα]λός Δολης μοί. Перевода этой надписи он не дал, что удивляет. Дополнение им в стк. 3 имени Долес вполне вероятно, ибо далее оно фигурирует в стк. 6. Напротив, неряшливое написание имени Долеса в стк. 3 с ударением, а в стк. 6 без него; каждый автор вправе в

⁴ И. И. Толстой счел надпись магической, но отсутствие каких-либо других указаний на это – знаков, символов, монограмм и прочего, что присутствует в магических записях, указывает: это простое ученическое упражнение.

затруднительных случаях ставить ударение или не ставить на имени собственном по своему разумению, но, приняв решение, надо выдерживать одну линию. [Ἀλ]άτοῦρος стк. 5, по мнению публикатора, «Апатур – общепоспорское святилище» Афродиты близ Фанагории. Такая трактовка маловероятна по той причине, что в граффито речь идет о гомосексуальной любви мальчиков ([κα]λὸς Δολῆς, см. ниже), тогда как посвятительные надписи Афродите Апатуре вполне определенно указывают, что она была покровительницей естественной любви мужчины и женщины, ибо сделаны в равной мере теми и другими, в том числе супругами.⁵ Даже в этиологической легенде о происхождении эпиклеса Афродиты Ἀλατοῦρη говорится о сексуальной связи мужчины и женщины – богини домогались гиганты.⁶ Таким образом, поскольку в коротеньком тексте граффито фигурируют личные имена – Салас, Долес, таковым следует счесть также [Ἀλ]άτοῦρος. На Боспоре многократно засвидетельствовано имя Ἀλατοῦριος (КБН, с. 851), но один раз и женское Ἀλατοῦρη, по которому как раз и могла быть образована форма мужского рода Ἀλάτοῦρος. Можно также признать – и это наиболее вероятное решение, что *iota* случайно пропущена автором записи, т. е. следует читать [Ἀλ]ατοῦρ(ι)ος (такое решение допускает и издатель, но вариант со святилищем для него бесспорен). Что [Ἀλ]άτοῦρος личное имя, а не название святилища Апатуры, свидетельствует и то обстоятельство, что издатель не смог вписать его в общий контекст надписи (скорее всего, по этой причине он и не дал перевода надписи).

Далее, неприемлема транскрипция издателем глагола χαίρειν как χαίρ<ε>iv по причине, которую он и сам указал: тут ι – результат обычного в надписях римского времени сокращения дифтонга ει, так что форму χαίριν содержат надписи как раз I в. до н. э. – II в. н. э. КБН 262, 635, 723, 1019, 1088 (см. об этом фонетическом явлении [Доватур, 1965, с. 803]). Следовательно, в этих случаях надо сохранять написание подлинников, по поводу чего уже дано разъяснение [Яйленко, 2010, с. 546, № 262]. Далее, в международной лейденской системе эпиграфических символов в угловые скобки заключаются случайно пропущенные резчиком буквы (см., к примеру [Meiggs, Lewis, 1969, р. XIII]), так что в нашем случае они неуместны (С. Ю. Сапрыкин вообще пользуется ими по разным поводам). Вовсе неприемлемо чтение им слова μοί в конце стк. 6; тут сразу после имени Долеса он вычитал букву Μ, которую соединил

⁵ Приведем список посвятителей от времени Спартокидов по III в. н. э., включив также votives без упоминания святилища Апатуры, но с эпитетом Афродиты θεά, поскольку он присутствует в полной формуле – «Афродита θεά, Урания, владычица Апатура» (КБН 35). КБН 31 – муж и жена; 35 – Хрестисон; 75 – Перисад IV, Камасария и ее муж Аргот; 971 – Аполлодор; 972 – Кассалия, дочь Посия; 1041, 1043 – дочь Перисада I Акия и безымянная дочь Федима, жена Стратия; 1045 – Савромат I; 1055 – Юлий; 1111 – Демарх. Также безымянная жена (?) Спартока [Белова, 1970, с. 70; ОХБ, с. 828]. Здесь и далее сокращение ОХБ = Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. (СПб. 2017).

⁶ Strabo, XI, 2, 10: она приглашала гигантов по одиночке в пещеру, где их убивал Геракл. Зная ветреный характер Афродиты, наверняка можно сказать, что она не оставила избавителя без своей благодарности.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

с буквами ΟΙ, написанными выше, над сколом. Все у него ошибочно: и на его фото и на прориси у скола нет никакой буквы Μ, тут сохранился левый нижний уголок *дельты* или псевдоархаической *альфы*; далее следует скол, уничтоживший 2 буквы, над сколом сохранилось οι.⁷ Предположительно читаем тут слово δ[οι]οί «два, оба», оно эпическое, т. е. употреблялось в поэзии, но в римское время проникает и в прозу: согласно Thesaurus linguae Graecae, его употребляют авторы II в. н. э. – писатель Афиней, астролог Веттий Валент, медик Аретей (других авторов называю ниже, в § 3). Оно вполне вписывается в контекст надписи, так как Салас называет два имени – Долеса и Апатура (Апатурия).

Неясно, вопреки издателю, было ли что-нибудь написано перед вторым χαίριν, ибо никаких остатков между этим словом и сколом слева нет; соответствующим образом не было текста и перед [κα]λός последней стк. 6. При этом у нас нет повода думать, что у стк. 3-6 был единый старт, поскольку и стк. 1-3 не имеют его: свое имя, алфавитный ряд и стк. 3 Салас написал на разном расстоянии от левого края черепка. Иначе говоря, у строк 1, 2, 3 не было единого старта, поэтому отсутствие букв или их следов перед вторым χαίριν не дает основания для дополнения тут чего бы то ни было; то же относится и к слову [κα]λός – перед ним тоже ничего не было написано. Ввиду сказанного второе χαίριν относится к написанному под ним имени [Ἀπ]άτορος, и начертание их не в одну строку обусловлено тем, что χαίριν уперлось в прогибающийся книзу дугой алфавитный ряд; уперлось в него также имя [Ἀπ]άτορος.⁸

В результате изложенного текст стк. 3-6 следует читать так:

[? Δολ]ηι χαίριν, | χαίριν | [Ἀπ]άτορος, | [κα]λός Δολης, δ[οι]οί (? sc. καλοί)
«[? Доле]су привет; привет, Апатур; красавец Долес, оба красавцы (?)».⁹

Таким образом, для автора надписи Саласа *красавцы* (дословно красивые) как раз носители двух упомянутых им имен – Апатур и Долес. В нашем тексте обращает

⁷ Иначе говоря, после *дельты* Салас повел текст вдоль правого края черепка вверх. Так же и в алфавитном ряду, дойдя до правого края черепка, Салас повернул его на 90° и продолжил алфавит. Н. И. Винокуров любезно прислал мне 4 фото этой надписи и на всех у скола справа хорошо видна горизонталь под диагональной чертой, при этом они так аккуратно исходят из одной точки, что нет оснований думать о случайном происхождении горизонтали. Между тем для вычитанной С. Ю. Сапрыкиным буквы Μ эта диагональ слишком склоняется направо вниз, ср. Μ алфавитного ряда, мачта которого более вертикальна. *Дельту* Салас тоже писал с более вертикализованной боковиной, но в обоих случаях поразному (стк. 2 и 6), что дает основание для предположения и третьей формы с более пологой боковиной. Что до предположения о псевдоархаической *альфе*, то она маловероятна: она присутствует в имени Саласа, но переключается не в левую боковину, а, как положено, в правую, что не соответствует рассматриваемым остаткам буквы.

⁸ На всех 4 упомянутых фото Н. И. Винокурова χαίριν да [Ἀπ]άτορος упираются в алфавитный ряд, но на прориси С. Ю. Сапрыкина в публикации 2014 г. картина совсем другая – между χαίριν и алфавитным рядом такое расстояние, что туда поместилась бы еще одна строка. Вряд ли причина в курватуре черепка, так как на всех фото тут свободного места нет. Из сообщения А. В. Белоусова [2018, с. 256] выяснилось, что С. Ю. Сапрыкин сделал прорись по фото, потому она неточна, см. ниже, § 3.

⁹ Тут и далее дополняемый в надписи или подразумеваемый текст дается курсивом.

на себя внимание сочетание χαίρν сначала с дательным падежом имени – [? Δολ]ηι, затем с номинативом – [Ἀπ]άτορος. Для этого глагола обычна первая конструкция, но в римское время входит в употребление и вторая, как в КБН 605, 649, 664, 723 (все I-II вв. н. э.). Такая смена конструкции имеет ситуативный характер, т. е. изменяется в зависимости от контекста – смысловых, эмоциональных и прочих обстоятельств. Так, например, в эпитафии I в. н. э. КБН 137 сначала употреблено χαῖρε с номинативом личного имени, а далее в зависимости от контекста χαίρειν с дательным падежом. В эпитафии с Артезиана, к которой мы перейдем в следующем параграфе, при χαίρετε имена двух умерших поставлены в вокативе, а третьего – в номинативе.

Recto. Общественное граффито (№ 2). Любовную концовку рассмотренного текста на внешней стороне черепка продолжает уже общенная надпись на внутренней его стороне (рис. 2, 2а, 2б), тут проблем с ее пониманием у издателя больше, хотя сама надпись совсем короткая – в 3-4 слова, начертанных в две строки. А. В. Белоусов дает чтение С. Р. Тохтасьева: ληκάσα(ς) μοῦ Δο{δο}λης, с переводом «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!». Это чтение издатель счел оптимальным, согласившись с Тохтасьевым, что Δ в конце стк. 1 и Ο в начале стк. 2 составляют начало имени Долеса, а следующие буквы δο стк. 2 – диттография (забраны в фигурные скобки – {δο}). Признав это, тем не менее А. В. Белоусов приложил на всякий случай и свое чтение: ληκάσα(ς) μοῦ δ' | ὁ Δόλης. Основные положения его комментария: глагол ληκάω «вообще имеет такое же значение, как латинский fellāre»; он синонимичен глаголам λαικάζω и λείχω (со ссылкой на Д. Бэйна). Отметив, что в аористной форме ληκάσα(ς) ожидалось бы удлинение *альфы* в *эту* (т. е. ληκήσας), он счел α-основу дорийской, указывающей на стихотворный характер надписи.

Здесь работа А. В. Белоусова изобилует эпиграфическими и филологическими ошибками. Начнем с эпиграфических, т. е. с текста граффито. Станным образом он игнорирует его графические детали, которые существенно корректируют текст. Нет нужды дополнять в глаголе ληκάω конечную *сигму* (ληκάσα(ς) издателя), поскольку у левого скола сохранились остатки округлого *эпсилона*, так что читается форма 1-го лица ἐλήκασα.¹⁰ Этот *эпсилон* отделен от следующей *ламбды* чуточку бóльшим расстоянием, нежели остальные буквы слова, но пример разного расстояния между буквами дает и написание имени [Ἀπ]άτορος. Следующее слово также требует коррекции, ибо тут, в правой части этой строки, А. В. Белоусов вовсе не обратил внимания на две вертикальные черты, в которые вписан *омикрон*: |Ο|. Между тем они требуют объяснения, так как очевидно, что после Μ были вырезаны именно они, а не *омикрон*, который вписан уже между вертикалями (на это указывает отсутствие дужки Ο слева, тут прямая вертикаль). Поскольку этот *омикрон* вместе со следующим Υ образует отрицание οὐ, следует заключить, что сначала автор граффито намеревался написать отрицание μί, но ввиду отсутствия глагола в

¹⁰ На фото видно, что сохранилась нижняя часть окружности минускулярного ε и половина язычка; средняя и верхняя часть буквы уничтожена сколом.

последующем простейшем тексте грамотно написал простое отрицание οὐ.¹¹ Вписав кружок меж двух вертикалей, он убрал почти написанную *эту* прежнего отрицания μή, но, видимо, забыл зачеркнуть букву Μ. Изложенное дает следующий текст:

ἐλήκασα, {μη} οὐδ' | ὁ Δολης, Α(πάτουρος) «я развратил, а не этот Долес, Α(патур)».

Судя по контексту, надпись на внешней стороне сделана первой, эта на внутренней стороне продолжает ее. Существо второй надписи составляет утверждение ее автора, что именно он развратил кого-то не названного по имени, а не Долес. Поскольку в первой надписи фигурируют три персонажа – Салас, Долес, Апатур, а во второй лишь Долес, резонно думать, что речь ведется о первенстве в совращении Апатура или Саласа. В связи с этим обращает на себя внимание акцентирование имени Долеса артиклем *ὁ*, имеющим указательное значение – *ὁὗδ' ὁ Δολῆς* «а не этот Долес»: это прямо адресует к Долесу, упомянутому в первой надписи. Данное обстоятельство подтверждает, что и не названный тут совращенный персонаж – упомянутые в первой надписи Салас или Апатур. А. В. Белоусов хорошо подметил, что надпись № 2 сделана иной рукой, нежели № 1 (добавим от себя: они разные и по характеру письма: в граффито № 1 оно минускулярное, в граффито № 2 – маюскулярное). Следовательно, поскольку автор первой надписи Салас, вторую сделал Апатур, он-то и похвастается тем, что совратил Саласа. Апатур подтверждает это (в том числе и для нас) инициалом своего имени А, которым закончил свою надпись (это *a-supinum*). Стало быть, Салас, говоря на жаргоне, петушок. Сексуальные отношения в подростковой и молодежной среде существовали в Греции с самого раннего времени [Percy, 1996].

Теперь о филологической проблематике. А.В. Белоусов искажил смысл надписи: его перевод «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile!)» ошибочен, ибо ληκάω отнюдь не равнозначно латинскому fello «сосу», оно и по смыслу и по происхождению то же, что λαικάζω «развратничать, блудить, бля..вать», см. LSJ, s. v. ληκάω, с убедительной отсылкой к существительному ληκώ «membrum virile» как исходному источнику (это сближение считают возможным также П. Шантрэн и др. [Chantraine, 1974, p. 636, ср. 613]). Слово λαικαστής А. В. Белоусов переводит как fellator «сосун» (т. е. «сосущий»), что, позволим себе каламбур, высосал из пальца. Он некритически воспринял это мнение, расхожее у нескольких филологов последних десятилетий, занимавшихся obscenной лексикой, которое, однако, не имеет ни одного определенного для такого заключения контекста. Ввиду отсутствия сколь-нибудь доказательной текстами базы нет оснований отклоняться от общепринятого значения слова λαικαστής, – например, как у авторов нормативного словаря LSJ, s. v.: wencher («развратник, бабник»). А что оно точное, показывает, к примеру, глосса Свида. К фразе Аристофана (Thesm. 493), вложенной в женские уста, – ληκώμεθα τὴν νύχθ' «ночь напролет предаемся блуду» лексикограф Свида (s. v.) дал пояснение: ληκώμεθα· κινώμεθα. А глагол κινέω «двигать, толкать вперед», употребленный при

¹¹ В философской надписи III в. н. э. КБН 731 вместо должного $\mu\eta$ поставлено $\sigma\theta$ [Доватур, 1965, с. 831, § 9-9].

слове γυναικα (примеры: LSJ, s. v. κινέω II, 4), имеет значение, которое приличия ради переведем древнерусским глаголом *яти*, *пояти* (в сексуальном смысле). В «Ахарнях» Аристофана (ст. 79) посол похваляется: мы считаем мужчинами тех, «которые могут много есть и пить», на что аттический крестьянин Дикеополь отвечает: «а мы считаем *мужчинами* блудников и педерастов» (λαϊκαστάς τε καὶ καταπύγονας, асс. pl.). Свида так разъяснил значение слова λαϊκαστής в комментарии к этому стиху: λαϊκαστάς δὲ τοὺς πόρνους, т. е. «λαϊκαστάς – то же, что «развратников / блудников» (πόρνος означает «развратник, блудник»). Аналогично у него значение того же слова женского рода: καὶ λαϊκάστρια ἢ πόρνη «и λαϊκάστρια означает «развратница / блудница»». Резюмируем: смысл надписи артезиански чист: ληκάω означает «развратничать, блудить» (подробней рассмотрим этот вопрос ниже, в § 3).

Сомнительно в чтении А. В. Белоусова сочетание этого глагола с родительным падежом, – разумею его ληκάσα(ς) μοῦ. Ясных контекстов в этом отношении у глагола ληκάω нет, что может указывать на его непереходное значение «развратничать, блудить» (так и в моем чтении: ἐλήκασα, {μη} οὐδ' ἢ ὁ Δολης «я развратил, а не этот Долес»). Параллельный ему глагол λαϊκάζω переходный, т. е. требует винительного падежа, но не родительного. Поэтому чтение А. В. Белоусова μοῦ вряд ли возможно. Далее, как сказано, он счел α перед характером времени в ληκάσα(ς) дорийским, обязанным стихотворному характеру надписи, и он увидел в ее размере два молосса. Однако реальная форма ἐλήκασα снимает эти его заключения, – надпись не стихотворная. И отсутствие удлинения гласной перед характером времени этого сигматического аориста вполне может быть объяснено недостаточной грамотностью школяра, а также отнесена на счет упрощений позднего койне, ибо отказ от приращения характерен уже для эпического языка. Например, глосса Гесихия, относящаяся к ионийскому глаголу νικέω (аттич. νικάω): νίκεσσεν· ὕβρισεν «насильничал», дает образец отсутствия удлинения гласной и перед основой, и перед характером времени сигматического аориста (т. е. вместо ἐνίκησεν).

Разобравшись в текстологии обеих надписей, мы можем в итоге обрисовать общую картину. Сначала приведем версию издателей. По С. Ю. Сапрыкину, в надписи № 1 после алфавитного ряда в стк. 3-5 дважды написана приветственная формула ([... Δόλ]ηι χαίρ<ε>iv | ... χαίρ<ε>iv | [Ἀπ]άτουρος) и это «свидетельствует о том, что ученик пытался запомнить или научиться писать ее правильно, поскольку подобное приветствие часто предвляло начало частных и прочих писем». Далее издатель усмотрел название святилища Апатуры, но никак не смог вписать его в контекст надписи. По поводу заключительной стк. 6 ([... κα]λὸς Δολης μοί) С. Ю. Сапрыкин пишет: «Можно допустить, что воздыхателем по Долесу был автор публикуемого граффито и не исключено, что им являлся Салас, имя которого начертано отдельно от всего остального текста, в самом верху остракона. Очень вероятно, что надпись является типичным примером школьного юмора гомосексуального характера, а не свидетельством настоящей любви». Содержание надписи № 2, по А. В. Белоусову: «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!». Его заключение об обеих надписях:

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

«Возможно, ученик, по-видимому Салас, написал алфавит и добавил еще ряд словосочетаний, включая те, где упоминается имя Долес, причем в весьма лестных и соблазнительных выражениях. Автор же второго граффито, очевидно, прочитав начертанное Саласом, написал свою поэтическую тираду в отношении Долеса» [с. 147]. Характерная черта общей картины в изложенном понимании издателей – дискретность текста надписи № 1, малая связанность в ней одного с другим: тут и приветственная формула писем, и святилище Апатуры, и любовная *калós*-надпись, словом, полная мешанина, следствием которой и стало отсутствие ее перевода: невозможно свести все это вместе взятое к общему знаменателю.

Наше понимание граффито № 1, автор Салас: «[? Доле]су привет; привет, Апатур; красавец Долес, оба *красавцы* (?)»; граффито № 2, автор Апатур: «я развратил, а не этот Долес», с припиской инициала своего имени – А. Тут цельный любовно-обсценный контекст обеих надписей, мелкая история из жизни блудливых школяров Артезиана. Сначала «петушок» Салас шлет привет своим обоим партнерам по сексу, затем Апатур, может быть, ревнуя его к Долесу, настаивает на своем первенстве в любви с Саласом. Вот такая короткая и простая безделушка, коль очистить обе надписи от эпиграфических и филологических заблуждений издателей. Установленная картина позволяет сделать еще кое-какие допустимые наблюдения. С одной стороны, у греков дети начинали обучаться грамоте в том же возрасте, что и у нас. Поскольку Салас выписал алфавитный ряд, он явно начинающий школяр лет 7-8. С другой стороны, половая зрелость у мальчиков начинает развиваться лет с 10. Поскольку Апатур развратил Саласа, ему не менее 10 лет. Пишу об этом не с целью ворошить грязное белье сих пашенков, а для оценки письменных навыков того и другого. Говоря о разности письма обеих надписей, А. В. Белоусов хорошо подметил «стройность и уверенность почерка» № 2, как мы выяснили, Апатура. В то же время надпись Саласа отличается неустойчивостью письма: в алфавитном ряду у него одни формы букв, а в стк. 3-6 и те же, и вовсе другие. Одной только *альфы* насчитывается 5 разновидностей, т. е. каждый раз она выписана по-своему. Все это свидетельства неустойчивого письма у начинающего школяра, так что ему действительно лет 7-8.

Теперь о дате этих граффити. Издатели датировали их с невозможной для надписей I в. н. э. точностью лишь по палеографии: ближе к середине – второй половине столетия, со ссылкой на палеографическую таблицу статьи А. И. Болтуновой, Т. Н. Книпович [1962, с. 10]. Однако, во-первых, там нет рубрики «I в. н. э., середина», а в рубрике «I в. н. э., вторая половина» показан шрифт лапидарных надписей, в котором вовсе отсутствуют формы минускулярного письма, присутствующие в граффито Саласа – буквы А, Ζ, Μ, Ξ, Ψ, Ω. Издателям было бы уместней обратиться к статье И. А. Емеца [1995, с. 54-55] о шрифте боспорских граффити, где есть все необходимое на табл. II (I в. до н. э.) и табл. III (I в. н. э.). Вопреки издателям, точнее датировать артезианские граффити только по палеографии невозможно. Во-вторых, во вступительном разделе о строительной истории цитадели Артезиана Н. И. Винокуров ясно указал, что амфорный черепок с надписями найден в ниве-

лировочной засыпке середины I в. н. э. помещения 5 на уровне останцев стен 184-185 первого строительного периода [с. 139], так что местонахождение черепка в засыпке на такой глубине, скорее, увязывает его с первым строительным периодом, и гибель одного в 54-55 гг. н. э. – *terminus ante quem* для надписей на черепке, т. е. они сделаны в I в. до н. э. или первой половине I в. н. э.

Особо отметим большое значение обоих граффити для палеографии боспорских надписей I в. до н. э. – I в. н. э., и лапидарных, и граффити. Разнообразие форм букв оказывается не свойством их одновременности, а свойством пошиба письма. Будущий исследователь сих граффити должен провести сличение их с датированными папирусами I в. до н. э. – I в. н. э.¹² и построить хронологическую шкалу пошибов письма боспорских памятников этого времени. Не станем ставить в упрек издателям, что они не провели такую работу: это действительно тема специальной статьи.

Есть еще один аспект исследования артезианских граффити, не затронутый ими, – исторический, он важен и сам по себе, и тем, что позволяет уточнить их дату. Этот аспект связан с личными именами действующих персонажей. Из них одно местное, боспорское – Апатур, два других Салас и Долес, как правильно отметили издатели, фракийские.¹³ Поскольку Артезиан крепость, резонно думать, что Салас и Долес – беспутные сыновья находившихся в гарнизоне фракийских солдат. Однако памятники присутствия на Боспоре фракийских воинов (в составе римских отрядов) датируются II-III вв. н. э.¹⁴ Между тем граффити Артезиана, как сказано, относятся к предшествующему времени, до середины I в. н. э., что ставит вопрос о событиях, с которыми может быть связано появление здесь фракийцев. Скорее всего,

¹² Напомним их издания: R. Seider. *Palaeographie der griechischen Papyri*. Stuttgart, 1967-1990. Bd. 1-3. *Tabula palaeographica*. Fasc. 1. E. Boswinkel, P. J. Sijpestaijn. *Greek Papyri, Ostraca and Mummy Labels*. Amsterdam, 1968.

¹³ Издатели безоговорочно приняли чтение А. П. Бехтер [2013, с. 9 сл.] имени Долес в эпитафии I в. н. э. КБН 450. Однако с этим не все просто, скорее, не так. В КБН дано чтение А. И. Болтуновой женского имени Лолесон: Λόλησον, (Ν)υοῦμενός κτλ. «Лолесон, Гегумен и сын Гигиенонт, прощайте». Я по камню уточнил, что первая буква *дельта* и увидел тут сирийское женское имя Δόλησον; после второго *омикрона* тут стоит четко вырезанная буква N, посередине которой затем была прочерчена горизонталь и получилась первая буква Н имени Νυοῦμενός. Так как по существу на камне имеются N и Н, читал Δόλησον, Νυοῦμενός κτλ. «Лолесон, Гегумен и сын Гигиенонт, прощайте» [Яйленко, 2010, с. 550]. А. П. Бехтер предложила другое чтение: Δόλης ὁ Νυοῦμενός κτλ. «Долес, он же Гегумен». Оно интересно, однако встречает ряд препятствий. 1. Обычно в формуле с двойным именем употребляется связка ὁ καί (КБН 302, 666, 710 и др. [Доватур, 1965, с. 826 § 5-3]), тогда как формула *ποπην + ὁ + patronymicus* («имярек, сын такого-то») свойство совсем другого времени – архаического и классического. А. И. Доватур обозначил 4 ситуации, когда артикль опускается [Ib. § 5-4/8], но не привел случаев опущения в этой формуле связки καί. 2. Пропадает четко и хорошо вырезанное N, абсолютно логичное при чтении женского имени. Но в варианте А. П. Бехтер оно оказывается лишним, ошибочно вырезанным, а это не находит никакого объяснения, ибо написание другой буквы резчиком провоцируется наличием такой же в предшествующем, либо следующем слове или имени (см. выше о Т в имени Состибий). 3. На рельефе действительно изображена женщина, она хорошо выделяется в шеренге предстоящих постановкой посередине своим ростом выше остальных, одета она, как и положено боспорским замужним женщинам, в хитон, плащ, на голове калаф. При чтении женского имени эта

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

первопричиной их появления на Боспоре стала женитьба царя Аспурга лет за 15 до смерти (ум. в 37 г. н. э.) на фракийской принцессе Гепеирии [Яйленко, 2010, с. 258]. Это тем более так, что на первоначальной цитадели обнаружены тамги Динамии и Аспурга, которые позволили Н. И. Винокурову думать об основании крепости в их правление. С другой стороны, Винокуров хорошо показал в ряде работ, что разрушение крепости первого строительного периода произошло ок. 54-55 гг. и связано с войной римлян против царя Митридата, сына Аспурга. Эти данные делают вероятной нашу отсылку к фракийскому браку Аспурга (разумеется, это только внешняя сторона разнообразных связей Боспора и туземной Фракии) как причине появления фракийских воинов на Боспоре; стало быть, последние пребывали на Артезиане между 20–55 гг. н. э. Этим временем и датируются граффити Саласа да Апатура.

К сожалению, на этом точку не поставить. Отмеченные эпиграфические и филологические ошибки издателей, невнимание к мелочам, приведшие к неточному пониманию надписей из Артезиана, закономерно сопровождаются неряшливостью в других отношениях. Нет понятия о точной транслитерации греческого текста: частично сохранившиеся на черепке буквы они всегда передают как целиком сохранные: это Х второго χαίρειν, вторая *альфа* имени [Απ]άτορος, *дельта* в конце стк. 1 надписи № 2. Вовсе несуразна передача сохранившегося левого нижнего уголка буквы в конце стк. 6 надписи № 1 в качестве целиком сохранный буквы М (у нас это остаток *дельты*). Далее, С. Ю. Сапрыкин обратил внимание на упомянутое мною [Яйленко, 1982, с. 305] школьное граффито из Тиры, в котором ученик, правильно написав буквы алфавитного ряда, похвалил себя: καλός «молодец». Отметив, что я не дал ссылки на публикацию тирского граффито, издатель счел, что это может быть

фигура рельефа находит свое место в эпитафии; рельеф таков (см. КБН-альбом): всадник, слева у хвоста коня слуга, справа, у груди коня, другой слуга, подающий всаднику виноградную кисть; правее упомянутая женщина, она выше ростом, слева от нее две фигуры. Таким образом, на рельефе представлены Гегумен, Лолесон и сын Гигиенонт, полное единство рельефа и надписи. При чтении А. П. Бехтер нет в надписи места женщине, нет и того самого единства надписи да рельефа. Против чтения Болтуновой и мною женского имени и через запятую мужского А. П. Бехтер выдвинула возражение, что обычно имена покойных соединяет связка καί. Такова, действительно, норма боспорских эпитафий, однако и надписей без сей связки так много, что это не отступление от нормы, а параллельный узус (КБН 192, 193, 209, 214, 217, 218, 222, 225, 244, 245, 254, 256, 340, 494, 698, 713). Другой ее аргумент – отсутствие оформления негреческой основы греческим суффиксом -ον мне остался непонятным: в обратном словаре имен собственных Б. Хансена сотни таких личных имен, топонимов и прочих названий [Hansen, 1958, S. 94–106].

¹⁴ Это эпитафии офицера и двух солдат-фракийцев из Пантикапея КБН 666, 691, 726. В энкомии II в. или первой половины III в. из Пантикапея говорится о начальствовании покойного над каким-то «фракийским отрядом». Таким же начальником «фракийского отряда» был и некий сын Асандра, который поставил статую Савромата III (229–231) в Танаисе. Фракийскому воину принадлежал найденный в окрестностях Керчи воинский медальон с портретом какого-то римского императора и надписью на обороте «Зевса Димеранского» фракийского происхождения и рельеф II в. н. э. с посвящением Авлудзениса, сына Мукапора, Богу Авларкену, вероятно, происходящий с Боспора (см. о перечисленных надписях [ОХБ, с. 872-873, лит.]).

любовная надпись из числа *имярек καλός*. И напрасно – это безусловно школьное упражнение, на что указал уже первоиздатель граффито А. Авакян; оно давно издано [Avakian, 1927, № 77] и переиздано [Яйленко, 1988, с. 55-56, № 1 и рис. № 1 на с. 55]: это полный алфавитный ряд в ортогональной сетке, сразу под которой ученик написал ретроградно, похвалив себя: [--]ος καλός «*имярек* молодец!». ¹⁵ Упомянув его в книге 1982 г., я действительно не дал ссылки на публикацию А. Авакяна, но ссылка и текст с рисунком имеются в статье 1988 г., на которую С. Ю. Сапрыкин не раз тут же ссылался.

Увы, злключения граффити в статье трех авторов на этом не кончаются. В разделе о рельефе, написанном С. Ю. Сапрыкиным, упомянута краснолаковая тарелка с надписью [--]ΦΙΛΟΥΜΕΝΗΣ, которую он прочел как [--]φίλου Μένης, отчество и имя владельца посуды Менес. Он не дал себе труда объяснить, почему в таком случае имя следует после отчества, – ведь у греков, как и у нас, россиян, наоборот, имя предшествует отчеству. И напрасно: разумеется, ни о каком боспорском греке, привидевшемся издателю, сие граффито не свидетельствует, ибо это имя владелицы тарелки – Φίλουμένης. Это обычная женская владельческая надпись, как Αναγόρης «Анагоры» на кратере из Ольвии, Ἀσαιῆς «Асеи» на дне чернолакового сосуда с Митридата и пр.; это сокращенная форма (в чистом виде gen. possessivus) конструкции типа Ἐλεγκόπιδος εἰμί «я принадлежу Гелекопиде» на дне чернолакового килика из Нимфея [Толстой, 1953, № 13, 107, 218]. Имя Филумена известно на Боспоре – в эпитафии II в. н. э. с Тамани КБН 1222.

2. Эпитафия Сосибия

Далее в статье трех авторов [2014, с. 148–151] следует эпитафия трех воинов, изображенных на рельефе, под ним надпись (у нас рис. 3, 3а). Посвященный этой эпитафии раздел, на мой взгляд, тоже неудовлетворителен; как сказано, автор его С. Ю. Сапрыкин. Сначала рассмотрим вопросы текстологии. Ранее издал надпись Н. И. Винокуров [2002, с. 77]; как археолог, не мудрствуя лукаво, он точно передал имеющийся на камне текст: ΣΩΣΤΙΒΙ ΔΙΩΝΥΣΙΟΥ | ΚΑΙ ΥΙΟΙ ΔΙΣΑΚΟΣ | ΚΑΙ ΠΑΔΑ(ΦΟΥ ? ..) | ΧΑΙΡΕΤΕ. Затем в дело включились мастера эпиграфической самодеятельности. С. Р. Тохтасьев дал свой текст и перевод: Σωστ{τ}ίβι Διωνυσίου | καὶ υἱοὶ Δισακός | καὶ Παδαφ(ο) υ(αcat)ῦ | χαίρετε «Сосибий, сын Дионисия, и сыновья Дисак и Падафус, прощайте» [Матковская, Тохтасьев, 2006, с. 187–189]. Тохтасьев верен своей обычной неприязни к резчикам надписей¹⁶: «Неряшливость резчика проявилась и в том, что четыре слова из восьми высечены

¹⁵ От имени ученика в этом граффито V в. сохранилось окончание --ος (вряд ли это двойное написание слова καλός, поскольку это формула, обязательно включающая личное имя). Ему аналогично и другое граффито VI в. из Тиры, в котором ученик правильно написал ретроградно первые буквы алфавита Α, Β, Γ и под ними тоже похвалил себя: [κα]λός [Avakian, 1931, р. 113, № 29; Яйленко, 1988, с. 60, прим. 17, № 13 + рис. № 13 на с. 55].

¹⁶ См. о ней [Яйленко, 2008, с. 569–571]. И за обоими издателями числится такая тенденция.

с ошибками».¹⁷ Однако на поверку 4 указанные им ошибки (лишнее Т в Σωσ{τ}ῖβι, *omega* в Διωνυσίου, С вместо О в его Παδαφ(ο)ῦ, именительный падеж Δισακος вместо звательного) спорны или неточны.¹⁸ По существу, С. Ю. Сапрыкин следует тексту Тохтасьева: Σωσ{τ}ῖβι(ος) Διωνυσίου | καὶ υ<i>οῖ Δισακος | καὶ Παδαφου | χαίρετε «Сос<τ>ибий, сын Дионисия, и сыновья Дисакос и Падаф, прощайте». Вслед за Н. И. Винокуровым Тохтасьев счел форму Σωσ{τ}ῖβι вокативной, С. Ю. Сапрыкин пытается найти золотую середину: с одной стороны, он считает это возможным, с другой – припоминает школьную истину, что καὶ соединяет равнозначные члены, так что, коли ближайшее имя сына Δισακος стоит в номинативе, имя Сос<т>ибия должно быть в том же падеже – Σωσ{τ}ῖβι(ος). «В боспорских надгробных надписях союз καὶ соединяет либо вокативы, либо номинативы имен усопших, но исключительно в одном падеже», – утверждает он, чем демонстрирует лишь нежелание утруждать себя просмотром боспорских эпитафий, в которых, разумеется, господствует норма, но нередки и случаи соединения этим союзом разных падежей. Приведем примеры последнего начиная с I в. до н. э. КБН 282: Μαστοῦ ... καὶ μήτηρ Μασατις – первое имя в вокативе, второе в номинативе; 327, стк. 3: Ἀγαθοῦ καὶ Φιλοκλῆς – вокатив, номинатив;¹⁹ 356: Ἀρέσκουσα ἀδελφῇ Πίστου καὶ ἀδελφῇ Ὅσιε – номинатив, вокатив; 413: Ἦλιε καὶ μάμμη Βασίλη – вокатив и номинатив. Можно еще долго продолжать, но нужды в этом нет.²⁰ У имени Состибия, как покажем далее, именительный падеж действительно Σωστιβιος, однако замена С. Ю. Сапрыкиным звательного падежа Σωστιβι на номинатив Σωσ{τ}ῖβι(ος) ввиду приведенных примеров безосновательна. Иначе говоря, остается в силе чтение Н. И. Винокуровым формы звательного падежа Σωστιβι, которое обосновал и С. Р. Тохтасев. У имен на -ιος окончание звательного падежа -ιε, но в боспорских эпитафиях имеется несколько примеров также вокатива на -ι. В. В. Шкорпил, за ним В. В. Латышев, А. И. Доватур сочли его результатом

¹⁷ Что точно неяршливо, так это его чтение *Παδαφ(ο) ν(αατ)ϋ*. Во-первых, омикрон целиком присутствует на камне, во-вторых, вместо экзотического *ν(αατ)ϋ* грамотней указать, что за омикроном выщерблина размером с букву, и потому Υ вырезан с таким отступом от него.

¹⁸ См. подробную критику [Яйленко, 2010, с. 169–171]. Там я признал справедливым замечание Тохтасьева об ошибочной замене именительного падежа вокативом, но теперь, просмотрев боспорские эпиграфики под этим углом зрения, нашел примеры несогласованного употребления падежей в именах, ниже даю ссылки. Таким образом, ни одна из 4 усмотренных Тохтасевым ошибок не очевидна, – это особенности языка и письма поздних боспорских стел.

¹⁹ В КБН дано неточное чтение имени Φιλοκλῆς без последней сигмы: она втиснута между этой и правым краем стелы, на камне имеются прямые горизонталы и середина Σ (это вполне видно и на фото в КБН-альбоме). Тут повторена конструкция стк. 1-2: Ἀγαθὸν καὶ γυνὴ Μακάριον.

²⁰ А.И. Доватур [1965, с. 813, § 4] в очерке грамматики боспорских надписей отметил, что «существительные *πατήρ, μήτηρ, θυγάτηρ*, по-видимому, утратили особую форму звательного падежа», С.Ю. Сапрыкин добавил сюда и слово *γυνή*. Но это действительно лишь в том случае, если личное имя стоит в бесспорной форме звательного падежа, тогда как при форме имени, одинаковой в номинативе и вокативе, утверждение С. Ю. Сапрыкина требует аргументации, чего он не сделал. Таких случаев настолько много, что примеры не требуются. В приведенных надписях КБН 356, 413 слова того же родственного плана *ἀδελφή, ὁμότιμ* ему тоже пришлось бы записать в число утративших звательную форму.

воздействия латинского вокатива на -i (см. КБН 383, комм.), и действительно, три имени с таким вокативом римские (Πόπλι, Κορνείλι – КБН 496, 616; граффито ὦ Γαυδέντι на сосуде), два греческих (Δημήτρι, Γόναι, – КБН 383, 1109). Эти данные известны С. Ю. Сапрыкину, но почему-то он счел, что вокативная форма имени Падафуса «ошибка резчика или нехарактерное отступление от общего правила составления подобных надписей». Это при том, что он признает (пусть и при допущении варианта с номинативом) вокативной форму и имени Состибия, которые, как точно прочел Н. И. Винокуров, соответствуют друг другу.²¹

Удаление С. Ю. Сапрыкиным вслед за Тохтасьевым буквы Т из имени Состибия для замены на хорошо известное, в том числе на Боспоре, имя Сосибий ничем не оправдано. Преобладающее большинство ошибочных написаний имеет свою логику, конкретную причинную базу. Мы специально просмотрели под этим углом зрения нескольких сот эпитафий из Пантикапея (КБН 152–815) и не нашли почти ни одной немотивированной описки (их вообще немного). Основная причина появления описок – контекст, наличие рядом таких же или подобных по написанию и произношению букв (мысленно у резчика звуков). Ошибочное написание буквы Т представлено, если мы ничего не упустили, лишь 2 раза – ΧΡΥΣΤΟΝ вместо ΧΡΥΣΙΟΝ (эпитафия I в. н. э. КБН 417), и оно вполне обусловлено наличием Т в следующем слове χαίρετε, уже домысливаемом резчиком. В слове οἰκοδεσπο(τ)ίην эпитафии КБН 144 Т опущено перед Ι ввиду подобия букв. В случае же с Σωστίβι Διωνυσίου ничто не могло спровоцировать написание излишнего Т, да и надпись в целом вырезана аккуратно, красивым минускулярным пошибом письма. Ввиду изложенного удаление из имени буквы Т, повторяем, ничем не оправдано, форму Σωστίβιος надо понять.²² Обратим внимание на присутствие в ней распространенного малоазийского имени Τίβειος, известного и на Боспоре; в нем ει – растяженное ι, так что форма Τίβιος целиком укладывается в качестве второй основы в Σωστίβιος.²³ А первую основу видим в известной ряду малоазийских имен основе σωσ- : Σωσος, Σωστος, в том числе в составных, в которых она выступает в качестве первой основы – Σωσαμμι, Σωσσουνης [Zgusta, 1964, § 1492]. Таким образом, имя Σωστίβιος малоазийское по происхождению.

Имена сыновей Состибия также еще не встречались в источниках. Разумеется, С.Р. Тохтасьев счел их иранскими (как иранист-любитель, не прочитавший ни строчки

²¹ В статье 2017 г. я не вполне разобрался с данными С. Ю. Сапрыкина об окончаниях вокатива -ις, -ι, тут исправляю свою оплошность.

²² Наше прежнее объяснение от σωστέος «должный быть спасенным» [Яйленко, 2010, с. 170] тоже не исключено, но теперь даем оптимальное решение.

²³ КБН 225, эпитафия раннего IV в. до н. э.: Τίβης ὁ υἱός, Νάνα Τίβειδ γυνή. Среди владельческих граффити на столовой посуде из собрания Керченского музея-заповедника (далее КМГ с инвентарным номером) тоже есть имя Τίβειος (КМГ 312: gen. Τίβειδ «Тибия», IV в. до н.э.), также Τέβης (КМГ 193, I-II вв. н.э.) и сокращение Τιβ (КМГ 108, IV-III вв. до н.э.). Посвятительное граффито III в. до н.э. Зевсу Отчему сделали носители малоазийских имен Τίβης и Τίτης [Яйленко, 2006, с. 387]. Другие указания на литературу об этих именах [LGPN IV, 331]. См. об этой группе личных имен [Zgusta, 1964, § 1556-2, 3].

из какого-либо текста на каком-нибудь иранском языке, он ничего другого и не видел). В основе имени Δισακος он усмотрел праиран. *daiś-, *diś- «говорить, указывать» и апеллировал к древнеперсидским именам из Персеполя *Daisaka-, *Daiḡaka-. Последние действительно образованы от основы *daiś- (на это указывает *aē* в авест. *daēsayā*- «показывать», *daēsa*- «знак»), однако иран. *ai*, *aē* не передаются в греческом через *i*,²⁴ поэтому ни основа *daiś-, ни указанные имена из Персеполя не могут иметь отношения к имени Δισακος. А суждение С. Р. Тохтасьева об иранском облике имени лишь на основании суффикса -(a)k- малограмотно, поскольку он не только иранский, но и продуктивный греческий суффикс, фракийский, индоарийский и т. д., так что имя Δισακος вполне может быть греческим, фракийским и иным. Также имя Παδαφου(ς) Тохтасьев считал сарматским, хотя объяснению на иранском материале, по его признанию, поддается лишь половина имени (*pad- «нога»). Его «одноногая» этимология, разумеется, ничего не объясняет. Хотя эти мои замечания были дважды опубликованы [Яйленко, 2009, с. 513-514; 2010, с. 170-171], С.Ю. Сапрыкин игнорирует их, чем загоняет самого себя в тот же отстойник научной лабуды, где покоятся этимологические забавы Тохтасьева. Если бы С. Ю. Сапрыкин оспорил хоть как-то мои доводы (например, привел пример передачи иран. *ai*, *aē* через греч. *i*), его суждения об именах Дисак да Падафус могли бы иметь значение. А без того ошибочное следование иранской их трактовке он усугубил поисками фракийских соответствий имени Δισακος, в результате получив странный сарматско-фракийский микс.²⁵ Имя Παδαφους вслед за Тохтасьевым он считал сарматским по близости к иранским именам из Ольвии Πάδαγος и Πάδακος. В результате С.Ю. Сапрыкин заключил: «если первый сын Сосибия носил фрако-иранское или, скорее, фракийское имя, то второй сын был наречен иранским именем. Это свидетельствует о том, что семья Сосибия, сына Дионисия, была эллинизированной – глава семьи, отец Сосибия, был, вероятно, эллином или эллинизированным боспорцем с фракийскими корнями, а его сыновья происходили от брака с женщиной, в жилах которой текла фракийская и сарматская кровь (или сыновья были рождены от браков с двумя разными женщинами – фракиянкой и сарматкой)». Можно поздравить автора сей цитаты с хорошим знанием личной жизни и родословия многоженца Состибия, также кровяного состава жил одной из его жен. Только все это художественный текст, к науке не имеющий отношения. Он с таким же успехом мог сослаться на более созвучные египетские имена II в. н. э. из словаря Ф. Прайзигке Πετεράφους, Πετεράφους и усмотреть египетскую кровь в жилах очередной жены Состибия.

На наш взгляд, ввиду малоазийского характера имени Состибий следует искать такое же объяснение имени его сына Падаφους. Оно тоже двухосновное, первая основа паδ- вполне известна малоазийскому антропонимикону в качестве как раз

²⁴ Передаются через αι, η, ε, ει [Zgusta, 1955, § 348a–353; Аббаев, 1979, с. 329].

²⁵ К основе Διo- в Δισακος это, по Сапрыкину, Δισάτραις, Δισούρης, Δισκοῦς, Δίσυρος. «Второй композит -сакос, очевидно, иранское sak(a), zak(es), saci – «сила, мощь, помощь» – также представлен во фракийской антропонимике»: Δαλό-сакос, Δαλό-σηκος.

первой основы составных имен, например, Παδμουρις. Второй элемент имени Παδαφους – распространенное в антропонимике, особенно малоазийской, детское слово ἄφα, ἄφ(φ)α, которое, по Евстафию, нежный аналог слов «братья, сестры, возлюбленные», а по Каллимаху, его значение то же, что у детских же слов πάππα, ἄττα «папа» (подробности [Zgusta, 1955, S. 296]). Эта основа присутствует в ряде малоазийских имен, среди которых есть и подходящее к нашей задаче Ἄφους [Zgusta, 1964, § 66-35]. На Боспоре имена этой группы тоже хорошо известны: Ἄφα, Ἀφία, Ἀφουῖς, Ἀφουῖς (КБН 164, 370, 537, 656, 1022, 1086); в том числе засвидетельствован и звательный падеж Ἀφουῖ (КБН 370, 537), представленный в артезианской эпитафии – Παδαφουῖ. Таким образом, имя Παδαφουῖς малоазийское, включающее основы παδ- (значение неизвестно) и ἄφ(φ)α.

Что до имени Δισακος, то, принимая во внимание греческое отчество Состибия (он сын Дионисия), повторим прежнюю нашу трактовку: это греческое имя Δισακός = Δισακός с упрощением ψ в σ, как, например, в имени боспорского царя IV в. н.э. Ραδαμψ[αδιος], Ραδαμσαδιος (КБН 65, 66).²⁶ Все это уже дважды разъяснялось [Яйленко, 2009, с. 514; 2010, с. 171], и С. Ю. Сапрыкин или не знает этого, или не желает упоминать по причине клановой сервильности. Итак, текст эпитафии Состибия таков:

Σωστιβί Διονυσίου καὶ υἱοῖ Δισακὸς καὶ Παδαφουῖ, χαίρετε

«Состибий, сын Дионисия, да сыновья Диск и Падафус, прощайте».

Теперь о датировке эпитафии С. Ю. Сапрыкиным. Он снова, как и в случае с рассмотренными граффити (выше, § 1), перечисляет формы букв и точно датирует эпитафию: «Палеография надписи характерна для конца второй четверти – середины I в. н. э., особенно для надписей времени правления царя Аспурга». И ссылка та же – на таблицу шрифта надписей времени Аспурга в статье А.И. Болтуновой, Т.Н. Книпович [1962, с. 10]. Сходство действительно есть, но оно есть также с формами букв рубрик у Болтуновой и Книпович от «конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.» до «II в. н. э.». Между тем в граффити да эпитафии с Артезиана есть и вовсе разные формы Α, Ν, Π, Σ. Дело заключается в том, что памятники лунарного стиля I-II вв. н. э. трудно поддаются более точной датировке. Нет нужды вдаваться здесь в подробности; для того чтобы указать на невозможность точной датировки в пределах I в. н. э. эпитафии Состибия, исполненной курсивным маюскулярным письмом, достаточно процитировать А. И. Болтунову, Т. Н. Книпович [1962, с. 23]: «О применении курсивных шрифтов в боспорских надписях I в. н. э. говорить особенно трудно». Однако зацепка есть: эпитафия Состибия отличается редкой для Северного Причерноморья формой минускулярной *сигмы* – с удлиненной верхней горизонталью, протяннутой вперед. Она впервые фиксируется в папирусе 88 г. н. э. [Gardthausen, 1913, Taf. I, Sp. 13], и это *terminus post quem* для нижней даты эпитафии Состибия – конец I в. н. э. Как сказано, по письму она может быть отнесена и

²⁶ Такое упрощение проходило издавна: к примеру, у Сафо Ψάλφοι, у Алкмана Σάλφοι, тарентская глосса Гесихия ἄσεκτος вместо ἄψεκτος [Kühner, Blass, 1890, S. 160].

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

ко II в. н.э., так что в целом дата ее конец I в. н. э. – II в. н. э. Этим и следует удовлетвориться, поскольку археологический контекст расплывчат (стела вторично использована для перекрытия погребения, яма которого заполнена материалом I–II вв. н. э.) и не дает оснований для более точной датировки.

С. Ю. Сапрыкин хочет поддержать свою точную датировку эпитафии «концом второй четверти – серединой I в. н. э.» посредством апелляции к ее языку: «В то же время в этой надгробной надписи имеются лингвистические особенности, характерные для эпиграфических памятников первой половины – середины I в. н. э. Это написание имени Дионисий с *омегой* вместо *омикрон*, упрощение дифтонга $\upsilon\iota > \iota$ перед гласным в слове $\upsilon\iota\omicron\iota$ », со ссылкой на грамматический очерк А. И. Доватура [1965, с. 801, § 4. 7–8; с. 805, § 12]. Но Доватур привел там примеры замены *омеги* *омикроном* в надписях от I до IV в. н. э., а утраты в слове $\upsilon\iota\omicron\varsigma$ дифтонгом ι своего второго компонента в надписях от V в. до н. э. по II в. н. э.! Так что апелляция С. Ю. Сапрыкина к указанным фонетическим особенностям для подтверждения своей датировки эпитафии «концом второй четверти – серединой I в. н. э.» странна. Налицо единство его невозможно точной датировки эпитафии по письму и неряшливой отсылки к ее грамматическим особенностям, т. е. то и другое сделано плохо. Ошибочно даже дополнение С. Ю. Сапрыкиным *иоты* в $\upsilon<\iota>\omicron\varsigma$, ибо примеров написания $\upsilon\omicron\varsigma$ в боспорских эпитафиях с V в. до н. э. по II в. н. э. столько [Доватур, 1965, с. 805, § 12], что это нормальный узус.

3. Об ответе С. Ю. Сапрыкина, А. В. Белоусова на мою критику их публикации надписей Артезиана

Указанные авторы оперативно откликнулись на критику их издания надписей Артезиана, которую я дал в электронной публикации 2017 г. (см. выше прим. 1). Сразу перейду к делу, сначала о текстологии, ибо это наиболее важная работа при издании любых надписей, т. е. об адекватности понимания издателями текста. На мой взгляд, издатели надписей Артезиана допустили ряд ошибочных заключений о текстах обоих граффити и эпитафии, устранение этих ошибок и было сутью моей статьи 2017 г. Их чтение граффито № 1 в 2014 г. : [... Δόλ]ηι χαίρ<ε>iv | [...] χαίρ<ε>iv | [... Ἀπ]άτουρος | [... κα]λὸς Δολης μοί (перевода не дали). Мои возражения: понимание ими [Ἀπ]άτουρος стк. 5 в качестве названия боспорского святилища Афродиты никак не вписывается в контекст надписи (видимо, поэтому они и не дали перевода надписи); нет оснований видеть в начале каждой строки утраченный текст (их [...]); нет оснований для их транскрипции χαίρ<ε>iv, так как написание χαίriv прочно внедрилось в надписи римского времени ввиду монофтонгизации дифтонга $\epsilon\iota$; безосновательно понимание уголка в конце стк. 6 в качестве остатка буквы $\mathcal{M}$ (их чтение μοί). Я счел [... Ἀπ]άτουρος личным именем на следующих основаниях: 1) хотя таковое не засвидетельствовано, его можно счесть мужским паредром к известному на Боспоре женскому имени Ἀπαιτούρη; 2) оно хорошо вписывается в контекст с двумя другими личными именами Салас, Долес; 3) в святилище

Афродиты Апатуры почиталась естественная любовь мужчины и женщины, в граффито же речь идет о мальчуковой гомосексуальной связи, в покровительстве которой Афродита не замечена. Уголок буквы в конце стк. 6 я принял за дельту и связал ее с окончанием слова -οι посредством предположительного дополнения δ[οι]οί «два, оба». Мой текст 2017 г. : [? Δόλ]ηι χαίριν, | χαίριν | [Ἀπ]άτουρος, | [κα] λὸς Δολης, δ[οι]οί (? sc. καλοί) «[? Доле]су привет; привет, Апатур; красавец Долес, оба красавцы (?)».

На пяти страницах статьи 2018 г. (249–253) А. В. Белоусов и С. Ю. Сапрыкин защищали свое чтение, опровергали мое, попутно обвиняя меня в разных пороках, и заключили (с. 253): «Учитывая сказанное, мы не отказываемся от первоначального прочтения и истолкования текста ученического граффито за исключением его окончания, которое следует передать как [...οι]». Слукавили оппоненты. На с. 248, заявив «Для того, чтобы читатель мог понять суть спора, приведем еще раз восстановление и чтение опубликованных памятников», они дали сравнительно с их текстом 2014 г. (см. его выше) **подправленный** текст граффито № 1: [... Δόλ]ηι χαίριν | [...] χαίριν | [...] Ἀπ]άτουρος | [...] κα]λὸς Δολης [...] οί. И текст они изменили в основном соответственно моим поправкам: 1) убрали свои вставки из прежнего χαίρ<ε>iv; 2) показали альфу в [...] Ἀπ]άτουρος и X во втором χαίριν как не полностью сохранные; 3) убрали свое вовсе невозможное чтение μοί. А оставили без изменения, во-первых, точки в начале каждой строки, т. е. по-прежнему считают, что перед сохранившимися словами был еще текст (я теперь соглашусь с ними, что перед вторым χαίριν могло быть несколько букв, но могло и не быть); во-вторых, поныне считают [...] Ἀπ]άτουρος названием святилища.

Итак, оппоненты молчаливо подправили свое чтение и выдали его за текст 2014 г., но и эта правленная надпись неполноценна: они не заметили, что мой текст отличается от их текста наличием синтаксиса, который у них вообще отсутствует. Между тем наличие двух инфинитивов (χαίριν | [...] χαίριν) само по себе означает, что это два самостоятельных оборота в предложении; их обязательно должна разделять запятая. Также [...] Ἀπ]άτουρος как название святилища и формула [...] κα]λὸς Δολης настолько разные по смыслу, что и они должны быть разделены запятой как самостоятельные обороты. К историку С. Ю. Сапрыкину претензий по синтаксису быть не может, а вот филолог А. В. Белоусов мог бы отдать ему должное (впрочем, далее мы увидим, что синтаксис не его конек). А без него их чтение 4-строчной надписи ущербно, и его отсутствие указывает на неточность их интерпретации. Окончательно ставит крест на их понимании надписи в целом и особенно на трактовке [...] Ἀπ]άτουρος в качестве названия святилища то обстоятельство, что они и теперь не смогли дать перевод своего же текста граффито!

Рассмотрим несколько примеров их защиты своих очевидных ошибок или опровержения моих поправок. Сначала остановимся на конце стк. 6, где у скола сохранился уголок буквы, а с поворотом направления и последние буквы слова, т. е. δ[οι]οι. В 2014 г. оппоненты увидели тут μοί; указав, что их Μ не соответствует

сохранившемуся уголку и что это остаток дельты, я дал иное чтение [2017, с. 473]: «Предположительно читаем тут слово δ[οι]οί «два, оба», оно эпическое, т. е. употреблялось в поэзии, но в римское время проникает и в прозу: согласно Thesaurus linguae Graecae, его употребляют авторы II в. н. э. – писатель Афиней, астролог Веттий Валент, медик Аретей». Оппоненты согласились, что М невозможно и сначала предложили гипотетическое κ[αλ]οί [с. 251-252]. Что в лоб, что по лбу: они должны либо убрать уголок буквы со своей прориси и фотографий, либо, коль мое δ[οι]οί их не устроило, согласиться, что сей уголок более всего соответствует букве Δ.²⁷ Оппоненты оспорили все мои примеры с δοιοί: Афиней-де мучился, объясняя это слово, у Валента оно то ли есть, то ли нет, Аретей же большой оригинал словоупотребления. Коль критиков не устроили эти примеры, приведу и другие (по тому же Thesaurus linguae Graecae); тогда я дал примеры только в именит. падеже множ. числа, теперь приведу и в других падежах. Дателный множ. δοιοῖς, δοιοῖσι(v): Nicander, Ther. 261; Oppianus, Cyneg. III, 253; Sextus Emp. Adv. mathem. VII, 111, l. 13; Леонид Александриец в Anth. Graeca VI, 327; Steph. Byz. Ethnica, p. 195, l. 4; Anth. Graeca, Appendix, 2, 712b, l. 9. Номинатив ед. числа δοιός: Callimachus, Epigr. 1, l. 3 et Anth. Graeca, VII, 89, l. 1 (κ Питтаку); Suda, s. v. ἄττα; Herodianus, Gramm. Vol. III, 1, p. 109, l. 17; Vol. III, 2, p. 65, l. 5; ib., p. 280, l. 20; Геродиан же в Partitiones (p. 24, l. 14) привел также несколько слов, образованных от δοιός. Ежели оппоненты еще не устали, есть у меня в запасе также родительный да винительный падежи, более того, и женского рода. Мы не должны сбрасывать со счетов также употребление слов δοιός, δοιοί в гомеровских поэмах и у других стихотворцев, поскольку изучение поэтических сочинений в школе было обязательным; Гомера ученики начинали познавать на первых же занятиях.

Таким образом, приведенными примерами дезавуируется мнение критиков, что «внезапное присутствие нечастого даже у писателей-интеллектуалов эпического доіоі вряд ли стоит так уверенно восстанавливать в таком простонародном и детском документе». В одном этом их предложении сразу две ошибки: во-первых, слово сие отнюдь не «нечастое», а вполне нормального узуса на всем протяжении античности (загляните в TLG); во-вторых, я не дополнял его «уверенно», цитирую для точности: «Предположительно читаем тут слово δ[οι]οί». Статья оппонентов уснащена подобными неточностями в передаче моего текста. К примеру, тут они приписали мне поворот черепка на 90°, но это их же правильная идея, воплощенная в чтении μοі. Критики разъясняют мне (с. 248), что Н. И. Винокуровым написан археологический раздел, – спасибо, как раз об этом я и писал; что же до того, будто он «как человек и исследователь, очевидно, с точки зрения В. П. Яйленко, ничего не понимающий в эпиграфике, счастливо избежал данной участи (однако оказался «замаранным» тем, что связался с дилетантами)», то это, во-первых,

²⁷ Оппоненты предложили еще один вариант: [-θε]οί, но он плох тем, что оставляет без понимания дельту у скола. В конечном счете они пришли к чтению [...]οί.

неэтичная попытка присоединить к своему провалу и Н. И. Винокурова, во-вторых, целиком противоречит реальности, поскольку в моей статье о его разделе только положительные отзывы [2017, с. 472]: «Статью открывает краткое, но содержательное археологическое введение, автор его Н. И. Винокуров, много лет успешно ведущий раскопки памятника», то же и о его публикации эпитафии [Ib., с. 477]: «как археолог, не мудрствуя лукаво, он правильно передал текст, написанный на камне».

На с. 255–260 А. В. Белоусов отстаивает свое понимание граффито № 2 и опровергает мою критику. В статье 2014 г. он дал чтение С. Р. Тохтасьева: $\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha(\varsigma)$ $\mu\omicron\upsilon$ $\Delta\{\omicron\delta\omicron\}\lambda\eta\varsigma$, с переводом «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!». Издатель счел это чтение оптимальным и согласился с Тохтасевым, что Δ в конце стк. 1 и $\omicron$ в начале стк. 2 составляют начало имени Долеса, а следующие буквы $\delta\omicron$ стк. 2 уже диттография (признав это, Белоусов приложил тогда на всякий случай и свое чтение: $\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha(\varsigma)$ $\mu\omicron\upsilon$ δ' | $\acute{\omicron}$ $\Delta\acute{\omicron}\lambda\eta\varsigma$, но в 2018 г. вовсе отказался от него). Я в 2017 г. отметил эпиграфические и филологические ошибки такого понимания надписи. 1) Нет нужды дополнять в глаголе $\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\omega$ конечную *сигму* ($\lambda\eta\kappa\acute{\alpha}\sigma\alpha(\varsigma)$ издателя), поскольку у левого скола сохранились остатки округлого *эпсилона*, так что читается форма 1-го лица $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\eta}\kappa\alpha\sigma\alpha$. 2) В следующем слове А. В. Белоусов не обратил внимания на две вертикальные черты, в которые вписан *омикрон*: $|\omicron|$, они требуют разъяснения. Я объяснил это так: автор граффито собрался написать отрицание $\mu\grave{\eta}$, но ввиду отсутствия глагола в последующем простейшем тексте грамотно написал простое отрицание $\omicron\upsilon$; вписав кружок меж двух вертикалей, он убрал почти написанную *эту* прежнего отрицания $\mu\grave{\eta}$, но, видимо, забыл зачеркнуть букву μ . В результате я дал такой текст: $\acute{\epsilon}\lambda\acute{\eta}\kappa\alpha\sigma\alpha$, $\{\mu\eta\}$ $\omicron\upsilon\delta'$ | $\acute{\omicron}$ $\Delta\omicron\lambda\eta\varsigma$ «я развратил, а не этот Долес». Для отстаивания своего прочтения А. В. Белоусов в статье 2018 г. пошел на изменение прориси, указав, что С. Ю. Сапрыкин сделал ее по фотографии. На новой прориси А. В. Белоусов убрал остатки буквы ϵ и вертикали при $|\omicron|$, объявив остатки ϵ изъятиями фото, а в вертикалях узрел потертости на поверхности черепка. Отсюда, во-первых, следует вообще поразительное для статьи 2014 г. обстоятельство: издатели не видели подлинника, но не написали ни об этом, ни о том, что прориси сделаны по фото. И они еще возмущаются в ответе мне, что я оценил их эпиграфическую работу как малограмотную! Я еще недоумевал раньше: на фото оба $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\iota\nu$ надписи № 1 упираются в алфавитный ряд (это и заставило автора записи написать второе $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\iota\nu$ с новой строки, также [... $\acute{\alpha}\lambda$] $\acute{\alpha}\tau\omicron\upsilon\rho\omicron\varsigma$), а на прориси между всеми этими словами, написанными в три строки, и алфавитным рядом много свободного пространства. При этом на новой прориси 2018 г. это свободное пространство фигурирует по-прежнему. Таким образом, прориси С. Ю. Сапрыкина действительно плохи – и старая и новая; однако не в тех отношениях, которые понадобились А. В. Белоусову. Здесь я специально прилагаю два фото надписи № 2: на рис. 2а вполне заметны остатки ϵ (нижняя треть ободка и половина язычка), на рис. 2б при $\omicron$ хорошо видны обе вертикали: $|\omicron|$. Вертикали

при О хорошо видны на всех фото, присланных мне Н. И. Винокуровым, поэтому их наличие не подлежит спору, а тем самым и мое чтение {μη} οὐδ'.²⁸

Отдельный разговор о букве Є. На с. 255 А. В. Белоусов пишет, что просмотр полусотни фотографий не показал наличия ее следов. Не видя подлинника, не могу настаивать на остатках Є, поскольку полсотни фотографий – впечатляющая цифра. Поэтому до осмотра черепка Белоусовым или другими специалистами отправляю свое чтение ἐλῆκασα в запас, поскольку возможно то же объяснение формы ΑΗΚΑΣΑ в качестве λῆκάσα – 1-го лица аориста глагола λῆκάω, но без приращения. Важно отметить, что оно не требует дополнения в отличие от λῆκάσα(ς) А. В. Белоусова. Так как надпись I в. н. э., следует учитывать морфологические процессы, проходившие в языке классического, эллинистического и особенно римского времени. Образование аориста от λῆκάω могло пойти по типу глаголов, удерживающих конечную краткую гласную основы (как γελάω, κλάω, σπάω и др.), поскольку в указанное время отсутствие удлинения краткого гласного перед характером времени в аористе было распространенной тенденцией. Отсюда, к примеру, уже у Платона в диалоге «Критий» (116e) ἔστασαν при нормативном ἔστησαν [Kühner, Blass, 1892, S. 22]; сюда папирусные формы типа συνηργάσατο – ἀπτηρήσατο; также употребительная в источниках мена -ησα / -εσα, например, нормативная форма ἐπόνησα (Платон и др.), но в Септуагинте, у Филона Механика и др. ἐπόνεσα, также повήσασις рукописей R, O, E Иосифа Флавия (Antiqu. VIII, 14) и повέσασις рукописей M, S, P [Crönert, 1903, p. 203, 224-225]. С другой стороны, утрата в языке поздней прозы приращения – часть тенденции, активно проявлявшейся в эпическом языке по метрической необходимости, под ее влиянием в аттической драме и прозе классического и последующего времени [Kühner, Blass, 1892, S. 16 f.], настолько усиливавшаяся в Средневековье, что стала нормой части аористных форм в литературном новогреческом языке. Ср., к примеру, у Фукидида (II, 68) ἐλληνίσθησαν вместо ἦλ- [Ib., S. 21], аорист с приращением διήύσασεν и без него διεύγησεν в одном и том же папирусе [Crönert, 1903, p. 205]. Есть также аористные формы без аугмента и без приращения перед характером времени: например, ἐνεχύρασεν – аористная форма от ἐνεχυράζω в папирусе III в. до н. э. из собрания Петри, παρακαλέσαμεν в тебтунисском папирусе 117 г. до н. э. [Mayer, 1906, S. 333, 361]. Изложенные обстоятельства и примеры дают основания видеть в λῆκάσα артезианского граффито аористную форму глагола λῆκάω без аугмента ἐ-.

²⁸ Отрицая мое чтение, А. В. Белоусов прибегнул и к лексической аргументации [2018, с. 256]: «οὐδέ «и не» в греческом языке в такой позиции и без парного, предшествующего или последующего οὐδέ вряд ли возможно, а перевод артикля указательным местоимением свойствен опять же, скорее, эпическому языку, нежели боспорскому юноше на окраине обитаемой вселенной». В общем, справедливые, эти доводы для конкретного случая мало доказательны, мне достаточно апелляции к авторам словаря LSJ. По поводу «вряд ли возможного» без пары οὐδέ: в статье об οὐδέ как союзе они отметили, что «иногда» он употребляется и без предшествующего отрицания, с примерами из поэтического языка и прозаического, например у Геродота (I, 97). Что до перевода артикля указательным местоимением, свойственным, скорее, эпическому языку, то и тут авторы словаря указывают на Геродота, у которого это обычный υἱός (LSJ, s. v. ὁ, ἡ, τό, A. initium).

Само собой резервируется и простейшее объяснение формы ληκάσα неграмотностью школяра.

В статье 2018 г. А. В. Белоусов отметил, что ему уже нет «самой необходимости настаивать в нашем граффито на глаголе ληκάω. Здесь может быть просто part. aor. act. глагола λαικάζω: λαικάσας с ошибочным написанием -αι через -η»; примеры написания η, ε вместо αι и наоборот, αι вместо η, ε известны боспорской эпиграфике (следует ссылка на 13 боспорских надписей). Однако это неточная картина, так как ε тут вообще ни при чем, А. В. Белоусов добавил его вынужденно, ибо без него дело обстоит иначе: есть всего 2 случая написания η вместо αι – один от III в. н. э., другой от IV–V вв. н. э. [Доватур, 1965, с. 802, § 6-3], так что усмотреть такое замещение в надписи I в. н. э. затруднительно. Итак, читаем в артезианском граффито ληκάσα «я развратил», – тот же смысл, что и при прежнем чтении ἐλήκασα.

Обе стороны уделили большое внимание выяснению смысла глаголов ληκάω и λαικάζω. В статье 2017 г. я отметил, что перевод А. В. Белоусовым его ληκάσα(ς) как fellavit (т. е. «отсосал») искажает смысл надписи, апеллировав к словарю LSJ (s. v. ληκάω), где дано его значение «блудить, развратничать» и сам глагол убедительно возведен к существительному ληκώ «membrum virile» (с таким сближением согласны также П. Шантрэн и др.). И слово λαикаστής А. В. Белоусов напрасно переводит как fellator «сосун», ибо ввиду отсутствия для этого сколько-нибудь доказательной текстами базы нет оснований изменять общепринятое значение сего слова λαикаστής «развратник», как, например, в том же нормативном словаре LSJ, s. v. : wenchet. На точность обычного понимания ληκάω указывает, к примеру, глосса Свида, который дал к фразе Аристофана (Thesm. 493), вложенной в женские уста – ληκώμεθα τὴν νύχθ' «ночь напролет предаемся блуду» – пояснение: ληκώμεθα· κινώμεθα. А у глагола κινέω «двигать, толкать вперед», употребленном при слове γυναῖκα (примеры: LSJ, s. v. κινέω II, 4), определенное значение – «иметь» в сексуальном смысле. По существу, об этом же свидетельствует и глосса Гесихия: ληκᾶσθαι· περαίνεισθαι, в свете которого ληκώμεθα τὴν νύχθ' означает: «ночь напролет в нас проникает» (вариант «кончает») известный мужской предмет.²⁹

Однако, по мнению А. В. Белоусова [2018, с. 256], такими данными я ввожу читателя в заблуждение относительно истинного значения слов ληκάω, λαικάζω, и далее на 5 страницах он подробно излагает наблюдения нескольких специалистов, что значение сих глаголов «сосать». Его экскурс интересен, он собрал все, чем оперируют адепты такой точки зрения (и я далее использую из его подборки несколько свидетельств), но ни один пример не обладает доказательностью, потому что нет ни одного античного или византийского текста, из которого определенно следовало бы такое значение сих глаголов. Поэтому Белоусов [2018, с. 257] вынужденно прибегает

²⁹ Слово περαίνω «проникать», «кончать» и др. употребляется с этими значениями также в обценном смысле, в том числе в пассивной форме – LSJ, s. v. II с примерами: Diog. Laert. II, 127 (приписано философу IV в. до н. э. Менедему); Anth. Graeca, II, 339.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

к декларативному способу аргументации: «Эти глаголы чаще всего встречаются в комическом языке Аристофана (см. Aristoph. Equ. 167; Thesm. 57; 493; Acharn. 79: *λαϊκάστης* – *fellātor*), в основном применительно к женщинам – распутницам и проституткам (*λαϊκάστρια* – *fellātrix*: Aristoph. Acharn. 529; 537)». Тут он дает переводы *fellātor* и *fellātrix* как безусловно следующие из текстов Аристофана, тогда как это вовсе не так и само требует доказательства, поскольку **все** византийские лексикографы дружно указывают на совсем иное значение – *πόρνος* «развратник, блудник», *πόρνη* «развратница, блудница» (об этом скажем далее). Позаимствовал он сей непродуктивный способ аргументации из заметки А. Хаусмэна 1931 г. (цитату из нее даю по А. В. Белоусову): значение глагола *λαϊκάω* *igumari* («совать в рот») да *fellare* («сосать») у комика IV–III вв. до н. э. Стратона («(Phoen. , fr. 1, 36 = Athenaeus, 383a) οὐχὶ λαϊκάσει; Mart. XI, 58, 12 'λαϊκάζειν ...dicet avaritiae' (quod Catulli avaritiae dixerat Memmius), neque aliter Martialis III, 83, 2 'fac mihi quod Chione', parietes Pompeiani 'mentulam linge, oblinge, elinges'»). Поскольку ни один из приведенных Хаусмэном контекстов не содержит определенного указания на «сосульки» (в помпейских граффити нет *λαϊκάω*), и так как он только декларирует их, прямой задачей А. В. Белоусова было рассмотрение текстов Стратона и Марциала. Обратимся для примера к цитате Афиней из Стратона, в которой наряду с прочим обыгрываются разные значения слова *πηγός* «крепкий», «крепко соединенный», «осадок = соль»: ... *πηγός πάρεστι*; *πηγός οὐχὶ λαϊκάσει*: ἐρεῖς σαφέστερον ... ἄλας φέρε, τοῦτ' ἔστι *πηγός*. Интересующее нас выражение *πηγός οὐχὶ λαϊκάσει* допускает разные толкования. Вот перевод цитаты из «Дейгнософистов» Афиней Д. Янгом (D. Yunge, 1854): «“Is there no sediment of the sea at hand?” "Sediment Speak plain; do tell me what you want in words I understand." "Old man," says he, "You are most wondrous dull; have you no salt? That's sediment, and that you ought to know"». Автор нового перевода Ч. Галик понял *λαϊκάσει* как «сходить в публичный дом» (Ch. B. Gulick, 1930): «“Have you any precipitate? Precipitate! Get you into a bagnio, won't you, and speak out more plainly what you want to say me"». Авторы словаря LSJ дали перифрастическое понимание выражения *οὐχὶ λαϊκάσει* у Стратона (s. v. *λαϊκάω*): «вульгарная форма отвращения». По А. Хаусмэну, видимо, коль речь идет о соли, смысл *λαϊκάσει* может заключаться в том, что ее можно взять в рот. Я положу в основу своего перевода указание словаря LSJ, что *πηγός* как субстантивированное существительное означает «соль», а тут у Стратона *mock*, т.е. «насмешка»; понятно, что по связи с «солью» подразумевается «соленая шутка / насмешка»: «осадок наличествует? соленая шутка не будет развратной, поразмысли здраво ... скажи-ка «соль», – вот что такое *πηγός*».

Как видно, контекст Стратона разнопланов, понимание его неоднозначно, так что А. Хаусмэн напрасно приплел сюда *mentulam lingue* помпеянских нескромных граффити, все изложенное им – лишь его субъективная точка зрения. А. В. Белоусов некритически воспринял это мнение, расхожее у нескольких филологов второй половины XX в., которые занимались obscene лексикой (Д. Джоселин, Д. Бэйн и др.). Восходит оно к высказанной вскользь, в примечании, догадке В. Хереуса

довоенного времени, и поскольку определенных данных о таком значении нет, она субъективна.³⁰ Например, Р. Сигер пытался усмотреть «сосущий» смысл ληκῶ в ст. 493-494 «Женщин на празднике Тесмофорий» Аристофана, но по Д. Бэйну, такая интерпретация не обязательна [Bain, 1991, p. 71]. Ровно это же можно сказать относительно утверждения самого Бэйна [Ib., p. 74-75], что из наличия в двух поздних наговорах из Египта подряд глаголов βινῶ, πυγίζω, λαικάζω (тексты их А.В. Белоусов тоже привел) вытекает специфическое значение последнего «сосать». По Белоусову, эти наговоры – «сильные эпиграфические свидетельства в пользу» понимания глагола λαικάζω как «сосать». Но давайте посмотрим, есть ли разница между двумя первыми глаголами. Если πυγίζω, образованное от πυγή «зад, задний проход», имеет вполне конкретное значение «яти в зад» мужчину ли, женщину, то βινῶ в контекстах с мужеложством имеет ровно то же значение, а в контексте естественной связи мужчины и женщины просто «яти».³¹ Если βινῶ и πυγίζω употреблены тут в своем обычном значении «яти» (в том числе в зад), то почему λαικάζω должно иметь какой-то иной смысл? В магических наговорах да на амулетах как раз и принято долбить об одном и том же разными словами (катаδέω, каторύσσω и пр.), ровно так и в упомянутых наговорах их составители оперируют глаголами βινῶ, πυγίζω, λαικάζω синонимичного содержания. Поэтому повторю: в немалом ряду контекстов с ληκάω, λαικάζω и производными словами нет ни одного случая, определенно указывающего на «сосульки». Вот если б имелась связь λαικάζω с λείχω «лизать», тогда можно было думать о значении первого fello «сосу», но таковой нет, поскольку у λείχω лишь две ступени вокализации – с е (λείχην и др.) да нулевая (λιχανός и пр.) [Chantraine, 1974, p. 629], а-ступени нет. По А. В. Белоусову [2018, с. 256-257], глагол ληκάω «синонимичен глаголам λαικάζω и λείχω» настолько, что «наиболее заметным примером с территории Северного Причерноморья следует признать граффито из Херсонеса – Solomonik, 1978: № 737: «Εὐμη[λος vel Εὐμελῖς] / τὰν ψ[ωλὰν] / λείχ[ει]»». Но λείχω он зачислил в эту компанию напрасно: конечно, в граффито из Херсонеса оно употреблено в своем прямом значении «лизать», но как показано, ληκάω да λαικάζω этимологически и семантически не связаны с ним.

Напротив, имеющиеся глоссы лексикографов определенно указывают нам традиционно понимаемое значение ληκάω, λαικάζω «блудить, развратничать, яти», λαикаστής «развратник, блудник, ё...арь». К упомянутой выше глоссе Свида к Thesm. 493 Аристофана добавим его же комментарий к ст. 79 «Ахарнян» Аристофана. Тут

³⁰ Повод для догадки В. Хереуса о «сосании» дала строка Марциала (XI, 58), в которой упоминается mentula (т. е. membrum virile), но λαικάζειν восстановлено по «λαϊτκζίν» кодекса.

³¹ В третьем наговоре вместо βινῶ стоит μίγνυμι «совокупляться», употреблявшееся равно как для естественного соития мужчины с женщиной, так и для гомосексуального (последнее в граффито афинской Агоры Ἐγέστρατος μοὶ μίσγη «Гегестрат совокупляется со мной» [Lang, 1976, p. 13, № С 8]). Форма μίσγω (от глагола μείγνυμι «смешивать» etc.) употребляется в настоящем времени да имперфекте (LSJ, s. v., initio: Гомер, Геродот), поэтому в данной надписи V в. до н. э. η = ει, что в ионийско-аттическом языке обычно [Thumb, Scherer, 1959, S. 308].

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

посол похваляется: мы считаем мужчинами тех, «которые могут много есть и пить», на что аттический крестьянин Дикеполь отвечает: «а мы считаем *мужчинами* блудников да педерастов» (λαϊκαστὰς τε καὶ καταλύγονας). Свида так разъяснил значение первого слова: λαϊκαστὰς δὲ τοὺς πόρνους (асс. pl.), т. е. «λαϊκαστὰς – то же, что «развратников / блудников» (πόρνος означает «развратник, блудник, мальчик-педераст»). И далее Свида указывает на значение того же слова женского рода: καὶ λαϊκάστρια ἢ πόρνη «и λαϊκάστρια означает «развратница / блудница». Значение πόρνος, πόρνη вкладывают в рассматриваемые слова также Гесихий, Зонара, Евстафий, Etymologicum Symeonis; А. В. Белоусов привел эти данные, но обходит их ссылками на мораль, которая запрещала-де византийским лексикографам, а в Новое время Ф. Пассову, Г. Дж. Лидделю и прочим лексикографам давать точные obscene значения рассматриваемых слов; лишь в XX в. лексикография преодолела запреты. Такая генерализация справедлива лишь в самом общем смысле, но в отношении конкретных слов неточна ввиду бесчисленных случаев, когда тот же Лиддель со товарищи или И. Х. Дворецкий передавали точные значения нескромных греческих слов латинскими эквивалентами или вовсе не передавали, когда обычное значение и obscene словесно идентичны, либо давали перифрастические эквиваленты.³² Что до византийских лексикографов (Свида, Гесихий и пр.), то они составляли свои словари для носителей греческого языка и потому обходились в случаях с obscene лексикой понятными для современников эквивалентами. Например, в упомянутых глоссах Свида вполне мог пояснить ληκώμεθα Аристофана соответствующими формами μυζώμεθα, ἐκμυζώμεθα (μύζω, μυζάω, μυζέω «сосать») и прочими, если бы имел в виду значение «сосать, брать в рот», но он дал κινώμεθα, а это не имеет никакого отношения к «сосулькам» В. Хереуса да его англоязычных последователей. Наконец, если верна этимология Ю. Покорного – П. Шантрена о связи λαϊκάζω, ληκῶ с латышским lēkāt «подпрыгивать», литовским lēkti «лететь» (при глоссе Гесихия ληκᾶν· τὸ πρὸς ᾧδῃν ὀρχεῖσθαι «с пением приплясывать») [Chantraine, 1974, p. 636], то и в этом случае ввиду принадлежности сюда также базисного для указанных глаголов слова ληκῶ «membrum virile» они означают ровно то, на что указывал Свида (ληκώμεθα· κινώμεθα) своим κινέω «двигать членом», Гесихий своим περαίνεσθαι «подвергнуться проникновению» (о влагище), Фотий (ο ληκῆσαι комика V в. до н. э. Ферекрата) своим указанием: «παῖσαι· καὶ ἐπὶ τοῦ πλησίον τίθεται «трахать

³² А. В. Белоусов иронизирует над моей ссылкой на значение wench в LSJ : для Яйленко сей словарь – истина в последней инстанции, а он безнадежно старый: первое издание 1843 г., в основе его словарь Пассова 1819 г. Однако он сам прекрасно знает, что словарь LSJ вовсе не устарел, ибо британские лексикографы подновили его двумя Supplements, и нет другого подобного, так что это надежный путеводитель по древнегреческой лексике. У меня это настольная книга с 1970 г., когда добрейший А. Дж. Грэхэм прислал мне репринт 1968 г. Живя в Оксфорде, я отправился на другой конец города, чтобы повидать Christ Church College, в котором создавался сей великий словарь. Здесь Люис Кэррол вдохновлялся маленькой Алисой Лиддель, для которой написал «Алису в Стране чудес». Благословенное место рядом с Темзой!

(= βινῆσαι), также употребляется в смысле «совокупиться». Общий смысл этих глосс – «яти» (женщину или мужчину), а не мифическое «сосать». ³³

Не только понимание смысла ληκάω А. В. Белоусовым ошибочно – таково и чтение надписи в целом да перевод – ληκάσα(ς) μοῦ Διοδόλης «Doles, qui fellavit meum (sc. membrum virile)!», поскольку они представляют собой синтаксический изъясн. Его перевод не соответствует греческому тексту, который при его дополнении ληκάσα(ς) становится причастным оборотом и буквально означает «отсосавший моего (члена) Долес». А переводить причастие в личную форму глагола (qui fellavit А. В. Белоусова) можно лишь при наличии сказуемого, поскольку «отдельно стоящее причастие никогда не бывает сказуемым предложения, а всегда надо к нему дополнить глагол из предыдущего предложения», например, в диалогах [Нидерле, 1880, с. 233, § 338]. Ср. Plato, Pheidon, 60c: «Тут Кебет перебив (ὑπολαβών) его, сказал: клянусь Зевсом, Сократ, ты хорошо сделал, что напомнил мне»; здесь причастия ἐποίησας и ἀναμνήσας можно перевести в личную форму («сделал», «напомнил») лишь потому, что в предложении имеется сказуемое ἔφη «говорил / сказал». А без такого синтаксического контекста чтение А. В. Белоусова имеет только то самое буквальное значение «отсосавший моего (члена) Долес», вовсе не «Doles, qui fellavit». Напомню и о моем сомнении, что ληκάω требует родительного падежа (ληκάσα(ς) μοῦ Белоусова): определенных контекстов с его управлением нет, что указывает, пожалуй, на его непереходное значение «блудить, развратничать» (так и в моем чтении: ἐλήκασα, {μη} οὐδ' ὁ Δολῆς «я развратил, а не этот Долес»). Параллельный глагол λαικάω переходный, т. е. требует винительного падежа, но не родительного. Поэтому чтение А. В. Белоусова μοῦ вряд ли правильно.

Теперь обратимся к разделу статьи 2018 г. о лапидарной эпитафии. Его автор С. Ю. Сапрыкин остался при своем прежнем чтении: Σωστρίβι(ος) Διονυσίου | καὶ οἱ Δισακός | καὶ Παδαφοῦ(ς) | χαίρετε «Сос<т>ибий, сын Дионисия, и сыновья Дисакос и Падаф, прощайте». Изменения сравнительно с чтением 2014 г. минимальные: правильно οἱ вместо прежнего υἱοῖ (молчаливо исправлено вслед за мной), но ничем не оправдано дополнение Παδαφοῦ(ς) – вместо прежнего Παδαφου подлинника. Надпись не мячик, который можно пинать как угодно: текст подлинника надо сначала попытаться понять и только при наличии в нем необъяснимых проблем можно прибегать к исправлениям.

³³ Некий материал для размышления могло бы дать в числе прочего схолия к ст. 167 δῆσεις, φυλάξεις, ἐν πριτανείῳ λαικάσει «Всадников» Аристофана. В ее контексте слуга сулит Колбаснику большую власть, в том числе цитированное, что нормативно переводится так: «повяжешь всех в тюрьму, сам будешь сторожить их, а в пританее предаваться блуду». Однако схолиаст дал иное толкование ἐν πριτανείῳ λαικάσει(ς): «нужно сказать σιτήσεις ἢ ἐν πριτανείῳ ἀριστήσεις – поесть, или позавтракать в пританее, в соответствии с тем, что имеет место в комедии». Если это правильная подсказка, то λαικάω включало бы понятие «рта» – что-то вроде «открывать рот». Отсюда стало бы ясно, что λαικάω и ληκάω одного происхождения с ληκέω, (позднеантичная форма λакέω) «издавать звук, кричать» по базовому значению «рот». Однако это требует специального исследования; что до схолиаста, то он мог толковать слово в соответствии с исторической реальностью (в пританей приглашали на завтрак важных людей), нежели с учетом комедийной лексики.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

Мои замечания 2017 г. таковы. С. Ю. Сапрыкин принял чтение надписи С. Р. Тохтасьевым, а оно ошибочно почти по всем параметрам, начиная с его утверждения о неряшливом начертании надписи. Он насчитал 4 ошибки, на проверку все оказались надуманными (см. выше, § 1). И как раз единственное, что у Тохтасьева было верно – форма $\Sigma\omega\sigma\{\tau\}\acute{\iota}\beta\iota$ вокативная, С. Ю. Сапрыкин дополнил вариантом с номинативом: $\Sigma\omega\sigma\{\tau\}\acute{\iota}\beta\iota(\omicron\varsigma)$, т. е. присочинил ничем не оправданное дополнение ($\omicron\varsigma$), на котором настаивает и в 2018 г. Более того, теперь он распространил его и на другие имена в боспорских эпитафиях. По его мнению [2018, с. 261-262], формы имен типа Δημήτρι КБН 383 и др. имеют не звательный падеж, как считалось до сих пор (В.В. Шкорпил, В.В. Латышев, А.И. Доватур), а сокращенные номинативы, что встречается в надписях римского времени, т. е., по С. Ю. Сапрыкину, их следует дополнять: Ἀγαθοῦ(ς), Βοθυλί(ς), Δημήτρι(ος), Μαστοῦς, Μοκόσπατρι(ς) (КБН 282, 327, 383, 1076, 1109). Лишь за римскими именами Πόπλι, Κορνεῖλι, вероятно, Γαυδέντι он признает влияние латинского звательного падежа на -i. А как тогда понимать, к примеру, Γύναι КБН 1109, это ведь бесспорный вокатив имени на -iς (номинатив Γύναις) и другие подобные. Если учесть, что звательные формы на -i в именах эпитафий вполне укладываются в их контекст, такие домыслы беспочвенны, тем более что придуманы они для снятия моего утверждения о смешении падежей в ряде боспорских эпитафий (КБН 282, 327, 356, 413 и мн. др.). Кстати, его предложение читать Βοθυλί(ος) Ὡνία в эпитафии КБН 1076 даже и забавно, поскольку тут читаются вовсе иные имена – Βοθυλίῳν Ἰα «Ботилион, сын Иаса» [Яйленко, 2010, с. 559]. Но С. Ю. Сапрыкин, зам. главреда ВДИ, игнорирует мою книгу 2010 г. «Тысячелетний Боспорский рейх», правда, по уважительной причине – вслед за начальством, главредом ВДИ, который разнес ее обложку в пух и прах: а начальству всегда видней! Что ж, Сапрыкин может и далее трудиться над залежалым товаром, которому как раз под стать его подновления имен окончаниями ($\omicron\varsigma$). И он еще обижается, что я аттестовал его «мастером самостоятельной эпиграфики»! А двойная вивисекция им имени $\Sigma\omega\sigma\tau\acute{\iota}\beta\iota$ эпитафии – $\Sigma\omega\sigma\{\tau\}\acute{\iota}\beta\iota(\omicron\varsigma)$ разве не самостоятельность? Просмотрев все описки в КБН, я заключил, что основная причина их появления контекст, наличие рядом таких же или подобных по написанию и произношению букв; иначе говоря, абсолютное большинство описок (в целом их немного) мотивировано. С буквой Т нашел лишь 2 проблемных примера: ΧΡΥΣΤΟΝ вместо ΧΡΥΣΙΟΝ (эпитафия КБН 417), что обусловлено наличием Т в следующем слове χαίρετε, которое резчик уже домысливал; в οἰκοδεσπο(τ)ίην эпитафии КБН 144 Т опущено перед Ι ввиду подобия букв. Но С. Ю. Сапрыкину очевидная мотивированность описок в боспорских надписях не указ: «Резчик просто добавил в него тау, очевидно, по ошибке или согласно нормам произношения в ту эпоху» [2018, с. 263]. Весь его текст на с. 263-264 отмечен недостаточным знанием затрагиваемых вопросов. Написание в артезианской эпитафии лишнего Т он аргументирует именем Π<τ>ουδαῖος из ольвийской надписи, удаление Т в котором С. Р. Тохтасев объяснил явно иранским его происхождением, о чем-де

свидетельствует суф. -αγ-, тождественный иранскому суффиксу -aka. Излагая это, С. Ю. Сапрыкин демонстрирует незнание сути вопроса. Поскольку Тохтасьев не раз обращался к суффиксу -ака для доказательства якобы иранского происхождения ряда имен, я уже писал по этому поводу, что суф. -αγ-, -ак- свойствен не только иранскому, но также греческому языку, индо-арийским, германским и другим, так что сам по себе он не может быть этноязыковым маркером, это прописная истина [Яйленко, 2009, с. 511, 512, 514 = 2010, с. 165, 167, 170]. Посему и Πτοῦδαγος нельзя считать иранским именем лишь по одному суффиксу -αγ-, так что удаление Т для возведения имени к иран. *puta- безосновательно, как не обязательно и членение Тохтасьевым его на Π<τ>ουδ-αγος, ибо возможно также Πτου-δαγος (к такой формальной структуре ср. название города в Армении Птоῦα с той же основой Πτου-), и лучше Πτοῦδ-αγος (ср. к такой структуре египетское имя Птоῦτις с основой Πτοῦτι-, также название города в Испании Птоῦκαί с основой Πτοῦκ-).³⁴ Ввиду изложенного апелляция С. Ю. Сапрыкина к излишнему написанию Т в Π<τ>ουδαγος безосновательна и никак не поддерживает его удаление Т из Σωστήβι надписи.

Того же плана и возражение С. Ю. Сапрыкина против моей трактовки имени Παδαφους как малоазийского (основа παδ- неизвестного значения + детское словечко φους): он вновь апеллирует к мнению Тохтасьева, который, по его словам [Сапрыкин, 2018, с. 264], «характеризуя иранские имена Πουδ-αν-ακος, Π{τ}ουδ-αγος, Πουτ-ηγο(υ)ς, Φοδακος, Φοδηραγος, выделяет основу под- (пот-), πουδ-, фод- и считает ее иранской: осет. fud (дигор. fud) – дурной, зло, беда < др. иран. *puta -`putidius, ср.-перс. pwtyn / Pud-ēn. Так что варварские имена на παδ-, под- (пот-), πουδ- явно иранского происхождения». И снова С. Ю. Сапрыкину неизвестна моя критика этих упражнений Тохтасьева, данная в связи с именами Φοδηραγος, Σλαρο-φотос, она длинна и повторять ее тут нет смысла [Яйленко, 2009, с. 510, 511 = 2010, с. 164]. Мою малоазийскую основу φους С. Ю. Сапрыкин критикует указанием на мнение Х. Куберы, что личные имена с этим детским словечком распространены повсеместно, и заключает [2018, с. 264-265]: «эти имена утратили свой этнический характер и могли быть даны представителю любого этноса от грека до варвара. Поэтому строить на этой основе вывод, будто носитель такого имени был обязательно малоазийцем, неверно. Действительно, каким выходцем из Малой Азии мог быть селянин в Центральном Крыму, носивший подобное имя?». Тут, сам того не ведая, С. Ю. Сапрыкин констатировал то, что я подробно аргументировал, критикуя Тохтасьева, который счел детские имена в надписях Боспора малоазийскими. Я привел сотни древних и новых Lallnamen от Чукотки до Кельтики с основами at(t)-, tat(t)-, na(na)-, ana-, ma(ma)-, am-, ak(k)- (правда, без af(f)) в подтверждение очевидного вывода о повсеместной распространенности детских имен у самых разных народов и во все времена, так что на Боспоре они местные, а не малоазийские [Яйленко, 2009, с. 477–495 = 2010, с. 120–141]. А

³⁴ Эти названия городов упоминает Птолемей (Geogr. II, 4, 12, V, 13, 11).

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

имя Παδαφους артезианской надписи с детской основой af(f)- я счел малоазийским потому, что считал имя отца его Σωστήβις малоазийским.³⁵ Что же касается вопроса С. Ю. Сапрыкина «каким выходцем из Малой Азии мог быть селянин в Центральном Крыму, носивший подобное имя?», то ответ на него дает группа малоазийских имен из Фронтowego в том же Восточном Крыму, по соседству с Артезианом, которая послужила мне аргументом для заключения о переселении малоазийцев сюда во II в. н. э. (известна их миграция в это время и на территорию Дакии) [Яйленко, 2010, с. 673–677]. В который уж раз Сапрыкина подводит игнорирование моих работ; мне-то все равно, а он раз за разом попадает впросак, не зная имеющихся в литературе материалов по тем вопросам, по которым высказывается.

Дальше – больше: С. Ю. Сапрыкин вторгается в совершенно неведомую ему филологию. Для аргументации своей мысли, что лишнее Т в имени Σωσ{τ}ίβι(ος) могло быть написано «согласно нормам произношения в ту эпоху», он обратился к вариациям с написанием Т в разного рода эпиграфических памятниках: в боспорских надписях несколько раз встречается постановка двойного σσ перед -τ (Ἀρισ{σ}τοκράτης и др.), «в оракуле из Кибиры находим консонант εὐστοχῶς наряду с εὐτυχῶς», в надписи из Бахадинлара (тоже Малая Азия) засвидетельствовано τὴν σεῖλην вместо στεῖλην. И заключает: «Если это действительно так, то данный консонантизм можно объяснить постановкой двух этих букв в алфавите рядом либо восприятием -σ как -στ и наоборот. Поэтому -στ в имени Σωσ{τ}ίβι, вероятно, воспринималось как -σ, и тогда прав С. Р. Тохтасьев, что в данном случае мы встречаемся с искажением обычного для Боспора имени Сосибий». С. Ю. Сапрыкин явно не осознает, что все три примера не имеют никакого отношения к излишнему, по его мнению, Т в Σωσ{τ}ίβι, ибо нет в этом имени -σσ перед -τ (так что пример с Ἀρισ{σ}τοκράτης и подобными ни при чем), а в σεῖλην, хотя -στ- упрощено в -с-, это Т не излишне написанное, что требовалось бы Сапрыкину, а напротив, опущено. Прочитированное же его выражение «в оракуле из Кибиры находим консонант εὐστοχῶς наряду с εὐτυχῶς» – шедевр и своим «консонантом εὐστοχῶς» (qu' est ceci?) и «εὐστοχῶς наряду с εὐτυχῶς», – это ведь два наречия, правильно написанные и разные по значению да этимологии (в основе первого глагол εὐστοχέω «попадать прямо в цель, etc.», в основе второго εὐτυχέω «иметь успех, etc.»), так что στ в одном и τ в другом вообще ни о чем не говорит! Того же плана и его суждение о моем мнении, что основа σωσ- в имени Σωστήβι та же, что в малоазийских именах Σωσος и др. Он спрашивает: «Первой основой этого имени Яйленко считает малоазийское σωσ-, однако возникает вопрос – как объяснить появление данной основы в чисто эллинских именах Сосикрат, Сосагор, Сосандр, Сосарх, Сосий, Сосиген и т. п.?». Отвечаю: никак, ибо вопрос того же рода, что «в огороде бузина, а в Киеве дядька»:

³⁵ В статье 2017 г. я утверждал это уверенно, но С. Ю. Сапрыкин резонно заметил, что анатолийское имя Τίβειος, которое я усмотрел второй основой в Σωστήβις, не фигурирует в числе двухосновных малоазийских имен. Поскольку все же имя Σωστήβις уникально, в нем и можно видеть столь необычную позицию Τίβειος, но утверждать это теперь не могу, оставляю в качестве предположения.

с таким же успехом можно спросить и про египетские имена Σῶς, Σωσᾶς, Σῶστρις, мидийское Σῶσαρμος, иудейские Σωσᾶς, Σωσάννη да прочие (источники [Pape, Benseler, 1884. S. 1473, 1476]). Не стану корить С. Ю. Сапрыкина за все это, поскольку антропонимика и в целом филология вне сферы его компетенции, но он сам должен осознавать это и воздерживаться от высказываний по вопросам такого рода во избежание подобных «перлов».³⁶

Несколько строк он уделит датировке стелы с эпитафией, которая служила перекрытием могилы с заполнением I–II вв. н. э., вовсе не обратив внимания на мои аргументы [2017, с. 479]: по материалу заполнения I–II вв. н. э. более точной даты дать нельзя; однако в надписи есть уникальное для эпиграфики Северного Причерноморья лунарное *e* с сильно продвинутой вперед горизонталью сверху, которое впервые появляется в папирусе 88 г. н. э., следовательно, эпитафия не старше конца I в. н. э., а наличие в заполнении материала II в. указывает и на это время.³⁷ Сапрыкин же остался при своем мнении: «Поскольку поселение Артезиан погибло в пожаре в 40-х годах н. э., а могила, перекрытая плитой, относится к следующему этапу в жизни укрепления, то это позволяет продатировать надгробие временем около второй четверти – середины I в. н. э.». Однако ориентации на период истории городища до пожара в середине I в. н. э. противоречит указанная форма *e*, так что, повторю, стела поставлена не ранее конца I в. н. э., где-то в пределах II в. За столетие некрополь вполне мог пройти две фазы существования, потому стела и была использована дважды. Итак, дата эпитафии конец I в. – II в. н. э.

В заключение несколько слов о личном, поскольку оппоненты уделили моей

³⁶ Несколько слов по поводу двух граффити. Граффито Толстой, 1953, № 240 с буквами ΓΔΕΖ С. Ю. Сапрыкин велел за издателем понял как магическое. Я определил его как ученическое упражнение, поскольку тут нет никаких дополнительных указаний на магию – знаков, символов, монограмм и прочего. Признав, что на магических черепках присутствуют разные знаки, рисунки и др., С. Ю. Сапрыкин, тем не менее, оспаривает это, сославшись на то, что имеются исключения [2018, с. 249]. Исполать ему, коль желает полагаться на исключения, но убедительность такой позиции минимальна. Далее, граффито из Тиры [...]ος καλός я понял как «имярек молодец!», поскольку ¾ надписей с καλός построены по формуле «имя+ καλός». Это вызвало у С. Ю. Сапрыкина вопросы [с. 250]: «во-первых, у нас нет аналогий этому восхвалению, как и доказательств, что это оценка упражнения учителем. Во-вторых, основное значение прилагательного καλός – красивый, прекрасный, прелестный, изящный, славный, благородный, счастливый и т. п., т. е. относится к характеристике человека, его физического и духовно-нравственного состояния. Однако, согласно трактовке В. П. Яйленко, καλός является оценкой действия ученика». Суть возражений – в отсутствии аналогий, но я-то привел пример, который он проигнорировал, поэтому повторю его: «Ему аналогично и другое граффито VI в. из Тиры, в котором ученик правильно написал ретроградно первые буквы алфавита Α, Β, Γ и под ними тоже похвалил себя: [κα]λός [Avakian, 1931, p. 113, № 29; Яйленко, 1988, с. 60, прим. 17, № 13 + рис. № 13 на с. 55]». Что до значений слова καλός «красивый, прекрасный» и пр., то С. Ю. Сапрыкин выписал их из словаря И. Х. Дворецкого, а там есть и значение «отличный»; в превосходном гимназическом словаре А. Д. Вейсмана (СПб. 1899, с. 658) наряду со значением «красивый» и др. указано также: «вообще хороший... способный». Коль в школьном граффито из Тиры ученик при своем имени написал καλός, то значение «отличный», «вообще хороший... способный» вполне можно передать и словом «молодец». Ведь нюансы перевода – дело вкуса.

³⁷ В статье слово «конец» выпало из текста, видимо, потому, что оно последнее на с. 479.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

такой-сякой персоне две начальные страницы [2018, с. 247-248], обиженным тем, что в моей «статье содержится ряд нелицеприятных высказываний по адресу авторов публикации».³⁸ Мои речения действительно «нелицеприятные», но может критики дали образец академического тона полемики? Вот их отзывы обо мне там же: «привычные для В. П. Яйленко язвительные высказывания», «свойственное <Яйленко> высокомерие», его же «высший полет эпиграфической фантазии», у них «сразу же возникает вопрос о недобросовестности работы исследователя» (моей то бишь). Как видно, язык полемики одинаков у обеих сторон, так что обижаться не на что: серьезная полемика – это мужской разговор, а не щебет кисейных барышень. Из цитированных высказываний оппонентов остановлюсь на одном – обвинении в «недобросовестности», по существу, едва ли не в плагиате [с. 249]: «На стр. 472 В. П. Яйленко подробно рассуждает о том, что граффито на внешней стороне остракона (№ 1) является ученическим упражнением. Об этом же очень обстоятельно говорит и С. Ю. Сапрыкин, который определил имя ученика, нацарапавшего граффито, как Салас. В. П. Яйленко почему-то этого не замечает и, не ссылаясь на статью, которую критикует, приписывает все это себе, подавая как собственное «открытие». При этом он использует те же эпиграфические параллели, что и С. Ю. Сапрыкин. Сразу же возникает вопрос о недобросовестности работы исследователя, по обыкновению обвиняющего в этом же других своих коллег». Увы, мои критики или непонятливы, или намеренно гонят пургу. В абзаце на с. 472 я пишу о том обстоятельстве, на которое издатели не обратили должного внимания – что школяры могут сопровождать собственные упражнения своим именем! Цитирую: «Школьные упражнения на написание алфавита порой сопровождаются указанием имени ученика». Издатели не указали примеров этому, а я далее привожу параллели, в этом и состоит суть моего текста на с. 472. Теперь проверим, насколько соответствует истине их утверждение, будто я «использую те же эпиграфические параллели, что и С. Ю. Сапрыкин». Вот его [2014, с. 143] и мои [2017, с. 472] ссылки на опубликованные мною и отчасти И. И. Толстым ученические упражнения. *Ссылки С. Ю. Сапрыкина*: Толстой, 1953, № 59, 240; Яйленко, 1980, № 102, 104, 105; Яйленко, 1982, с. 305, № 180, с. 306, № 181; Яйленко, 1988, № 8, 20. *Мои ссылки*: Толстой, 1953, № 240; Яйленко, 1982, с. 233, 306-307, № 182; Яйленко, 1988, № 1, 20. Итого лишь две общие ссылки: Толстой, № 240 и Яйленко, 1988, № 20. При таком реальном соотношении утверждение, что я «использую те же эпиграфические параллели, что и С. Ю. Сапрыкин», мягко говоря, не соответствует действительности, ибо нельзя заподозрить сих зрелых мужей в неумении считать. Не для того ли сие присочинено, чтобы предъявить мне обвинение в «недобросовестности работы», по существу, в плагиате? Уж не слишком ли высокого о себе мнения оппоненты, коль допускают, что я могу позаимствовать хоть грошик из их копилки?

³⁸ Раздел А. В. Белоусова о надписи № 2 написан по-деловому, по существу и без той мелочовки да экивоков личностного характера, которыми отличается раздел о надписи № 1, написанный, по всей вероятности, С. Ю. Сапрыкиным.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

Тем не менее, завершу обзор их статьи 2018 г. благожелательным отзывом об их трудах в целом. Хорошо, что они занимаются эпиграфикой, ибо материала много, специалистов мало. А.В. Белоусов, несомненно, грамотный филолог-классик, но одного этого для профессионального занятия эпиграфикой недостаточно. Она у него кабинетная, а такая филология дает лишь повод для игры ума и воображения; даже такой крупный кабинетный филолог, как И. И. Толстой, лишь наполовину справился с эрмитажными граффити (см. далее заметку II). С.Ю. Сапрыкин хороший историк, но у него нет необходимой филологической базы; его занятия эпиграфикой тоже кабинетные по существу. Между тем эпиграфика – вспомогательная историческая дисциплина; подобно другим таковым же – нумизматике, археологии и прочим, она требует непосредственной работы с массовым лапидарным и керамическим материалом. Лишь переверотив своими руками сотни камней с надписями, подержав в них сотни черепков с граффити да обдумав увиденное, обретаешь профессиональные навыки работы эпиграфиста. Как профессиональный эпиграфист с полувековым стажем и на пороге финиша я заинтересован в том, чтобы А. В. Белоусов и С.Ю. Сапрыкин занимались эпиграфикой, ибо, повторяюсь, специалистов совсем мало, а первый – хороший филолог, второй – хороший историк. Хочу думать, что они правильно воспримут мою критику – это не личностные нападки (с А. В. Белоусовым я даже не знаком), а стремление исправить недостатки в общем эпиграфическом хозяйстве.

4. Интерпретация рельефа на надгробной стеле Состибия

Треть статьи 2014 г. уделена рельефу надгробной стелы с эпитафией, автор С. Ю. Сапрыкин [2014, с. 151–159]. Рельеф двухъярусный: вверху Падафус и Дисак изображены как всадники, обращенные друг к другу, внизу Состибий, тоже всадник, обращен к сидящей в высоком кресле женщине (рис. 3). Описав рельеф, автор отметил крупный размер женской фигуры (ее он поначалу назвал «богиней» в кавычках и тут же без кавычек), чем подчеркнуто ее главенство в изображенной сцене: «Таким иконографическим приемом мастер подчеркнул доминирующее значение «богини» над фигурами всадника и служанки. Это должно было внушить зрителю, что ее функции как богини подземного мира и покровительницы душ умерших являются главными во всем сюжете рельефа». Автор привел ряд аналогичных изображений на боспорских надгробиях I–II вв. н. э. – КБН 438, 502, 906, 1025, также найденную в 1980-х годах в Горгииппии стелу Таллона и опубликованный А. П. Ивановой в 1951 г. обломок стелы. Как раз ее выводы [Иванова, 1951, с. 30–32] С. Ю. Сапрыкин положил в основу своего понимания существа артезианского рельефа: «А. П. Иванова совершенно справедливо отмечала, что в тех случаях, когда на рельефе изображена сцена со всадником, стоящим перед сидящей женщиной, и сохранилось только женское имя, то мы вправе считать эту женщину обожествленной умершей или умершей в образе бессмертной богини. Тогда всадника следует воспринимать как ранее умершего родственника этой женщины, а всю сцену – как отношение живого к героизированному умершему.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

Через приобщение женщины к героизированному или обожествленному всаднику она сама становится как бы обожествленной и соответственно бессмертной, так как всадник – ее героизированный родственник – уже ранее стал бессмертным. А в тех случаях, когда на рельефе вырезано только мужское имя, то в изображении всадника надо усматривать изображение героизированного умершего, который приобщается к бессмертию богиней посредством вкушения напитка бессмертия, который она дает ему сама (если держит гранат или чашу в руке) или который ему протягивают ее слуги. Не исключено, что в этом случае в сцене со всадником, стоящим перед женщиной, фигурирует ранее почившая жена героизированного умершего в образе бессмертной богини». Эти выводы, продолжает С. Ю. Сапрыкин, получают подтверждение в изображениях аналогичных сцен росписи керченского склепа Анфестерия, на серебряном ритоне из кургана Мерджан, на войлочном ковре из Пазырыка.³⁹ «В этих сценах сидящая женщина – Богиня Всего Сущего и производительных сил природы с хтоническими чертами, дарующая бессмертие подъезжающему к ней всаднику. Благодаря приобщению к богине или через ее адорацию он становится бессмертным героем или даже божеством, получая образ конного бога в зависимости от пантеона божеств, который был популярен в той или иной среде. . . На боспорских рельефах в образе сидящей женщины, очевидно, представлена Богиня Всего Сущего – Властительница в образе царицы подземного мира Персефоны, о чем свидетельствуют плод граната и чаша с божественным напитком бессмертия. Плод граната был неперенным символом богини подземного мира и умерших и воплощал бессмертие души, как, впрочем, и сосуд с жертвенным вином или напитком бессмертия, который она держит в руках или который подают сопровождающие ее слуги-адоранты». Возвращаясь непосредственно к артезианскому рельефу, он заключает, что в верхнем регистре с двумя всадниками изображены Падафус и Дисак, в нижнем – их отец Сосибий. «Отец семейства – Сосибий и два его сына, очевидно, пали в бою, поэтому в сознании соплеменников они были героизированы в облике всадников. Это вполне соответствовало сакральным представлениям греков и варваров, связанных с хтоническими культами и созданными на их основе мифологическими образами коней и всадников». Приобщена литература по затронутой проблематике: наряду со статьями А. П. Ивановой это известные работы М. И. Артамонова (1961), С. С. Бессоновой (1983), В. Д. Блаватского (1974), Н. Н. Бритовой (1948), Н. И. Винокурова (2002).⁴⁰

³⁹ Тут С. Ю. Сапрыкин выразился неточно: не выводы Ивановой получают подтверждение в названных памятниках, а мерджанский ритон и пр. послужили ей основой для тех выводов.

⁴⁰ Добавим новую литературу по этой проблематике, отсутствующую у С. Ю. Сапрыкина: С.А. Яценко. О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. 1995, № 3, с. 188–194. В.С. Ольховский. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Сборник статей. М. 1999, с. 114–136. А.В. Вертиенко «Кто впереди колесницею правит...» – к значению сюжета на рельефе из Трехбратнего кургана // БФ. 2013, с. 443–449. Д.А. Король. Мотив «всадника» и «встречающей богини» на погребальных камнях Скандинавии и Северного Причерноморья // Структурно-семиотические

Коротко говоря, в оценке существа артезианского рельефа С. Ю. Сапрыкин пошел по проторенной дороге, частично восходящей еще к идеям М. И. Ростовцева о героизации всадника в названных скифских памятниках, предназначенных для наделения покойника бессмертным существованием. А.П. Иванова, как искусствовед, обращала внимание в своих процитированных выше заключениях главным образом на изобразительную систему рельефов со всадником и сидящей в кресле женщиной, к надписям при данной сцене она апеллировала мимоходом. Между тем, на мой взгляд, нет оснований трактовать сцены подобного рода на боспорских надгробиях в том же ключе, что и близкие им в той или иной мере по содержанию изображения на скифских курганных вещах, а также в склепе Анфестерия того же рода. Это вполне осознавала и сама А. П. Иванова, так что С. Ю. Сапрыкин напрасно проигнорировал ее важную для существа дела оговорку: «Мы не считаем возможным настаивать категорически на толковании женской фигуры верхнего рельефа как богини» [Иванова, 1951, с. 33]. Суть вопроса состоит в том, что почти все боспорские рельефы подобного рода находятся на стелах с эпитафиями, и они, эти эпитафии, придают вовсе иной содержательный контекст изображениям. Всего таковых стел 18, и это достаточно репрезентативная подборка для уверенной трактовки содержания данной иконографической сцены: КБН 352, 413, 414, 438, 478, 502, 524, 578, 689, 893, 906, 908, 930, 932, 1025, 1032, 1085,⁴¹ также стела Таллона из Горгииппии. Все эти памятники датируются по характеру письма I–II вв. н. э., данная иконографическая схема исключительно боспорская по происхождению и узусу. Конечно, боспорское происхождение само по себе предполагает, что на ее содержание отчасти повлияли погребальные представления кочевнического мира, который составлял значительную часть населения Боспора, играл важную роль в его политической организации и который оказывал влияние на самые разные сферы культуры тамошнего населения. Но только отчасти: когда в первой половине I в. н. э. сложился данный иконографический тип на боспорских эпитафных стелах, он отражал погребальные воззрения исключительно оседлого населения, на что указывает обнаружение стел такого рода лишь в городах да на поселениях, в степи таковых нет.

Говоря в самом общем виде, надписи показывают, кто именно изображен на рельефах, их трафаретное содержание сводится к формуле *«имярек, сын (жена)»*

исследования в археологии. Т. 2. Ин-т археологии НАН Украины; Донецкий национальный институт. Донецк, 2005. Т. 2, с. 331–344. О. В. Галут. Всадник, предстоящий богине в боспорском искусстве: происхождение и символика образа (электронный ресурс: academia.edu/14919875/Галут); то же в кн. В. И. Лях, О. В. Галут. Античный мир в духовной культуре Северного Причерноморья. Краснодар, 2015. Придерживаются в той или иной мере этого традиционного взгляда на содержание боспорских рельефов с сидящей женщиной и всадником также Н. И. Винокуров, Л. И. Давыдова и др. Новая книга о боспорских рельефах П. Кройца (P.A. Kreuz. Die Grabreliefs aus dem Bosporanischen Reich. Leuven, 2012) мне пока недоступна.

⁴¹ Мы пользуемся фотографиями стел в КБН-альбоме.

такого-то, прощай»; в нескольких случаях схема расширена упоминанием одновременно мужского и женского имен, т. е. обоих изображенных на рельефе персонажей. Последний вариант как раз дает полное представление об изображенных на рельефе персонажах – это муж и жена (по разу упомянуты мать, кормилица). Следовательно, ни о какой богине речи нет, как нет соответственно оснований усматривать в рельефе на эпиграфных стелах именно то самое кочевническое представление о героизации покойного (тем более покойной женщины!) некоей богиней. Кстати, адепты того мнения, к которому присоединился С. Ю. Сапрыкин, поныне теряются в поисках ее имени, идентифицируя практически со всеми более или менее значительными божествами женского рода, которые почитались в Северном Причерноморье и кочевом скифо-сарматском мире вплоть до Центральной Азии. И это само по себе симптоматично: нет теонима, может не быть и его носителя.⁴² Итак, обратимся непосредственно к эпитафиям для знакомства с изображенными на рельефах при них персонажами. Начнем с эпитафий, упоминающих два имени – мужское и женское, что соответствует рельефу с мужской и женской фигурами.

КБН 413 (Пантикапей): «Гелий, сын Эрота, и кормилица Васи́ла, прощайте»; 893 (Капканы): «Ниокл и дочь Евгения, прощайте»; 932 (Нимфей): «Мастус и жена Теотима, прощай»; 1025 (Ахиллий): «Теаген, сын Гермогена, и жена Кулия, прощайте»; Горгиппия: «Талон, сын Пофа, и мать Гедин, прощайте» [Алексеева, 2018, с. 17–20]. Наиболее важна эпитафия КБН 932 «Мастус и жена Теотима, прощай»: при двух именах слово «прощай» дано в ед. числе; это означает, что на рельефе изображен Мастус (менее вероятно, Теотима, поскольку Мастус – воин и жизнь его нередко в опасности), а стелу поставила Теотима, которая, так сказать, на будущее (а смерть всего живого неотвратима) изобразила при муже и себя. Это точное разъяснение к тем изображениям со всадником и женщиной в кресле, в эпитафиях, при которых упомянут лишь один персонаж – мужской или женский. Есть и более сложный случай – КБН 1032: «Геракон, сын Оригия, прощайте»; тут при одном упомянутом покойнике прощальная формула дана во множ. числе, и это означает, что на рельефе наряду с Гераконом изображена его жена (мать, дочь), которая, поставив надгробие, так сказать, на будущее изобразила при муже (сыне, отце) и себя. Сложна для понимания и стела КБН 689: «Каморсаз и сын Ксайорсаз, прощай»; на рельефе же изображен только один мужской персонаж – Каморсаз, никаких следов второго мужчины нет; это дает простор для догадок разного рода, например: Ксайорсаз был погребен в общей могиле после боя, отец же его, может быть, раненый, вскоре умер дома и был погребен женой (матерью и т. д.).

«Мужских» и «женских» эпитафий в приведенном списке большинство. Перечислим «мужские» стелы (таковы также упомянутые КБН 689 и 1032): КБН

⁴² Есть и 3 рельефа со всадником и стоящей в полный рост женщиной (КБН 480, 614, 960), сей тип заимствован из Фракии, где обычен (напр. [Mihailov, 1958, fig. 753, 757 etc.]) и представляет собой вариацию более распространенного там типа со всадником у алтаря.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

352 – «Аполлоний, сын Патасия, прощай»; 414 – «Гелий, сын Мосхиона, прощай»; 478 – «Омпсалак, сын Садавка, прощай»; 524 – «Фанн, сын Фанна, прощай»; 578 – «Аполлоний, сын Даласия, прощай»; 906 – «Никифор, сын Сабада, прощай»; 908 – «Кратипп, сын Аполлония, прощай»; 930 – «Фарнак, сын Мастуна, прощай». «Женские» стелы: 438 – «Каллистратия, жена Папа, прощай»; 502 – «Птолемаида, жена Гераклида, прощай»; 1085 – «Тимола, (жена?) Тимофея, (прощай)».

Теперь несколько цифр для сравнения. «Женских» стел всего три при 11 «мужских», причем две поставлены женам (вероятно, такова и третья); поскольку их мужья изобразили и себя на рельефах, это надгробия также самим себе «на будущее». Vice versa можно полагать, что 11 «мужских» стел поставили в основном жены, изобразив себя рядом с мужьями тоже «на будущее». Стел с эпитафиями, в которых фигурируют мужчина и женщина, пять; в двух случаях упомянута жена, в двух мать, в одном кормилица. Отсюда можно вывести, что именно жены, матери (разумеется, и дети) ставили «мужские» стелы. Скорее всего, дети поставили надгробия родителям, упомянутым в эпитафии вдвоем («Мастус и жена Теотима», «Теаген, сын Гермогена, и жена Кулия», «Талон, сын Пофа, и мать Гедин»); изображать себя «на будущее» им нет резона, поскольку впереди еще вся жизнь. Итак, в эпитафиях фигурируют мужья и жены, родители и дети, это тот же семейный круг, что и в громадной массе остальных боспорских надгробных рельефов на стелах с надписями, так что нет и быть не может ничего «божественного» в персонажах, изображенных на рельефах данного типа. Нет ни богинь, ни приобщения к бессмертию – это научная мифология, порожденная, во-первых, приравниванием рельефов надгробий городского населения к изображениям на скифских курганных вещах, во-вторых, небрежением к эпитафиям при рельефах. Сие небрежение понятно, так как названные адепты сей ошибочной точки зрения – археологи или искусствоведы, а не эпиграфисты. Как видим, для адекватного понимания смысла артезианского рельефа С. Ю. Сапрыкину, как не чуждому эпиграфике античнику, надо было всего лишь обратиться к КБН-альбому, где он нашел бы точный ответ на все вопросы. Но он игнорирует КБН-альбом, ссылаясь на рельефы стел КБН 438, 502, 906, 1025, он отсылает читателя к...берлинскому альбому боспорских стел 1909 г. (G. Kieseritzki, C. Watzinger). А причина игнорирования та же, что и с моим «Боспорским рейхом»: главред ВДИ на дух не переносит КБН-альбом, изданию которого он всячески препятствовал.⁴³ Как видно, крохотное креслице его заместителя С. Ю. Сапрыкину дороже (и напрасно – теперь утратил его), но очевидно и то, что отсюда проистекает часть его ошибочных решений, тратить время на разбор которых читатель не обязан.

Вернемся к артезианскому рельефу. Поскольку всадник – это Состибий, то сидящая в кресле женщина – не привидевшаяся С. Ю. Сапрыкину богиня, а жена

⁴³ См. [Гаврилов, Павличенко, Кейер, 2008, с. 163, 165], их же ответ А. И. Иванчику в *Bryn Mawr Classical Review*. 2006.02.15 (электронный ресурс). Разумеется, речь не о непригодности альбома Кизерицкого-Вацингера – это хороший альбом, речь о том, что для решения данной конкретной задачи подходит именно КБН-альбом как спутник эпитафий КБН, дающих решение.

Состибия, которая, как и в других упомянутых случаях, поставила надгробие мужу да сыновьям и по обычному для рельефов такого типа свойству изображена сама «на будущее». Как сказано, крупную фигуру сидящей в кресле женщины Сапрыкин счел свидетельством ее доминирующего положения в изображенной сцене, что указывает-де на ее статус богини. Опять-таки, обратившись к соотношению фигур на 18 упомянутых рельефах стел с эпитафиями, мы получим адекватный ответ: на 10 рельефах мужская и женская фигуры равно соразмерны (КБН 352, 502, 524, 578, 893, 906, 908, 932, 1025, 1085); в двух случаях женская фигура крупнее (КБН 438, 1032), в двух – она меньше мужской (КБН 478 и стела из Горгииппии).⁴⁴ Таким образом, соотношение фигур – дело манеры резчика рельефа, возможно, также заказчика, и вопреки С. Ю. Сапрыкину, оно никоим образом не влияет на содержание изображенной сцены, в общем, трафаретной. Это относится и к его суждению о размерах кресла, которое он называл также тронем богини. Изображение женщины в кресле – самое обычное на боспорских рельефах, их много, это статусный предмет мебели и состоятельности семьи в целом; размеры его, как правило, соответствуют женской фигуре. Из числа интересующих нас рельефов малое кресло представлено на стелах КБН 352, 478, 578, 908 (на 478 и женская фигура мелкая), большое кресло – на рельефах 438, 893, 930, 932 (на 438 и женская фигура крупная), на остальных кресло, так сказать, среднего размера. Отсюда следует, что величина кресла не связана со смыслом рельефа в отношении «бытового» или «божественного»; это – мебель, статусный бытовой предмет, не более того.

Мы отметили трафаретный характер рассматриваемой иконографической сцены. Сюда относятся изображения всадника, женщины в кресле, при них в абсолютном большинстве случаев обязательны фигурки слуг, обычно служанок, чаще всего изображается одна служанка. Рядом с женщиной, стоящей или сидящей в кресле, стоит служанка с цистой, накрытой конической крышкой (реже с пиксидой), обычно она держит ее в руках, реже подает госпоже – КБН 132, 141, 142 и мн. др. Столь же часто служанка держит в руках (реже подает госпоже) сосуд в виде ведерка – КБН 295, 309, 362, 419, 435, 437 и мн. др.⁴⁵ В исследуемой иконографической сцене служанка обычно стоит за креслом (КБН 352, 414, 438, 578, 689, 893), в 4 случаях она стоит между всадником и креслом, но обращена при этом к госпоже (413, 478, 524, 1025⁴⁶); на рельефе 932 показаны две служанки, обе обращены к хозяйке; на рельефе КБН 502 у служанки в руках ничего нет, как и у мальчика на рельефе 930; на рельефах

⁴⁴ На рельефах КБН 413, 414, 689, 930 одна или обе фигуры сбиты, так что их размеры неясны.

⁴⁵ Сосуд у служанки в руках представлен на разных типах рельефов: при одиноко стоящей или сидящей в кресле женщине (КБН 251, 288, 571 и др.), при двух стоящих или сидящих женщинах (259, 269 и др.), при двух – мужской и женской фигурах (322, 331 и др.). Для соотношения накрытой крышкой цисты и открытого ведеркообразного сосуда для воды показателен рельеф КБН 311 с двумя женщинами: у служанки сидящей женщины в руках циста с крышкой, тогда как служанка стоящей женщины держит в руках ведерко.

⁴⁶ В верхнем регистре показаны еще одна служанка и за мужчиной его слуга.

908, 1085 и горгиппийском изображены только всадник и женщина в кресле, без слуг. Акцентируем внимание на том, что в интересующих нас сценах служанка всегда обращена к госпоже или подает сосуд ей, а не всаднику, также на рельефах других типов слуги мужчин не держат в руках и не подают им открытый ведрообразный сосуд для воды. Одно это обстоятельство свидетельствует против интерпретации рельефов с сидящей в кресле женщиной и всадником, либо стоящим рядом мужчиной в качестве предложения богиней напитка бессмертия сим мужам.⁴⁷ И назначение воды в больших ведрообразных сосудах для женщин на рельефах, разумеется, не для питья (для этого предназначена столовая посуда, например, в сценах загробной трапезы), а вполне бытовое и специфически женское – для омовения в критические дни, когда женщина считалась нечистой; семь дней спустя она была уже очистившейся [Dillon, 2002, p. 249].⁴⁸ Так и на рельефе из Артезиана: служанка подает сосуд в форме ведерка сидящей в кресле хозяйке для очищающего омовения в будущей жизни. Словом, тут представлено все то, что обычно изображается на рельефах боспорских надгробий римского времени. С. Ю. Сапрыкин же, признав в артезианской даме, которой служанка подает ведро воды, богиню, сам того не подозревая, приоткрыл новый для теологии вопрос: бывали ли месячные у богинь? Я согласен: для того, чтобы открыть столь важный аспект научного исследования, можно проигнорировать КБН-альбом, – с него не убудет.

Шутки шутками, но на артезианском рельефе есть одна не совсем обычная деталь: жена Состибия держит в руках некий крупный круглый предмет. Руки женщин на боспорских рельефах почти всегда изображены по общегреческому скульптурному канону: приподнятой левой рукой она придерживает край плаща, правая покоится на животе или колене. Держать что-либо в руках, кроме зеркала, символического плода или мотка шерсти, не дело госпожи, для этого есть служанки. Из присутствующих в КБН-альбоме нескольких сотен рельефов лишь в 4 случаях женщина держит в руке предмет, при этом трое сидят в кресле, как и на артезианском рельефе. КБН 555: изображена крупная полуфигура стоящей женщины, левым локтем она опирается на алтарь, в пальцах у нее небольшой округлый предмет, который можно принять за плод граната, грушу, яблоко либо яйцо; КБН 470: женщина сидит в кресле лицом к зрителю, вопреки канону правой рукой на уровне груди придерживает край плаща, левая рука покоится на округлом животе, пальцами держит тот же плод (или яйцо?);

⁴⁷ На боспорских рельефах слуги мужчин (конных или стоящих в рост, сидящих) обычно изображены с оружием; очень редко слуга подает хозяину канфар (КБН 83, 84; 145 – крупный канфар) или держит в руках цисту. Это напутственные дары покойнику, что вполне разъясняется рельефом КБН 258: правой рукой слуга подает хозяину меч и кисть винограда, а левой держит плетеную цисту (корзину); надпись «Астрагал, сын Диофанта, прощай». Циста как плетеная корзина, также металлическая, служитместилищем предметов разного рода, в том числе в погребальном культе, при ней обязательна коническая крышка разной высоты подъема [Rich, 1861, p. 159-160].

⁴⁸ Еще раз отметим, что такое предназначение воды явствует из того, что слуги подают воду женщине, а не мужчине. В случае, когда служанка держит в руках шкатулку, а не сосуд с водой, можно подозревать тот возраст хозяйки после климакса, когда ей вода для очищения уже не требуется.

718: аналогичная композиция, но левая рука положена на колено, в пальцах тот же плод; 309: у сидящей в кресле женщины в правой руке зеркало. Наиболее ясна символика предмета на рельефе 470: округлый живот и две служанки, одна из которых с ведром воды в руках, да стоящий на пьедестале мальчик – все это указывает на связь плода (яйца?) в руке женщины с родами, так что предназначение сего символа – жизнь.⁴⁹ На изданном А. П. Ивановой рельефе (надпись, скорее всего, отбита), по ее определению, сидящая в кресле женщина держит правой рукой у живота мелкий плод граната. На артезианском рельефе, по описанию С. Ю. Сапрыкина [2014, с. 152], богиня левой рукой держит край плаща, «в правой руке, согнутой в локте и частично скрытой под переброшенный через руку гиматий, она держит большой округлый предмет, очевидно, плод граната, который положен на чашу». Достаточно сравнить тот небольшой плод (гранат, груша, яблоко, яйцо?), который держат дамы на упомянутых рельефах КБН 470, 555, 718 да на рельефе А. П. Ивановой, чтобы увидеть ошибочность его предположения: если это и плод, то по величине вовсе не гранат, а большая тыква, говорить о которой на надгробии можно лишь в шутку.⁵⁰

Итак, судя по фото (рис. 3), правой рукой жена Состибия держит у живота какой-то крупный шаровидный предмет величиной примерно с ее голову, который, возможно, лежит на плоской тарелке, но это может быть и складка плаща. Поскольку боспорские надгробные рельефы не предоставляют определенных аналогий ему и поскольку на поселении Артезиан обретались фракийцы (см. выше, конец § 1), обратимся к стелам фракийской глубинки (Артезиан тоже боспорская глубинка), рельефы которых обильней на аксессуарах. Если артезианский предмет действительно лежит на тарелке, то ему близка по форме буханка хлеба на тарелке, который изображен на столике рельефа с заgrabной трапезой из Калапики в хоре Филиппополя [Mihailov, 1961, № 1328]. Эта округлая буханка занимает центральное место среди других яств на столике. Общая символика хлеба – жизнь, в сцене заgrabной трапезы – олицетворение жизни после смерти.⁵¹ Хотя на других сценах трапезы Боспора и

⁴⁹ Например, на рельефе из Цилле в хоре Филиппополя изображена стоящая в полный рост женщина по имени Флавия Сейта, в левой ее руке яйцо, в правой голубка [Mihailov, 1961, № 1532] – красноречивая символика родов и жизни на погребальных рельефах. Того же свойства пример: большой гранат держит в руке, прижатой к животу, женщина на надгробной стеле из музея Поля Гетти, он величиной с ее кулак [Grossman, 2001, p. 97].

⁵⁰ Ср. ироническое определение комиком IV–III вв. до н. э. Дифилом (fr. 98, 2) покойника как «тыквы или лилии» (κολοκύτην ἢ κρίνον). Ассоциация покойника с лилией понятна – по синеве, а с тыквой не очень; может быть, по неподвижности, по сходству с головой человека; может быть, это аллюзия на лечебные рецепты, ибо Гиппократ, Орибасий и другие медикусы часто прописывали ее для врачевания больных.

⁵¹ Хотя эта округлая буханка в отличие от шаровидного артезианского предмета слегка приплюснута и меньших размеров, на стелах из Греции есть образцы шарообразных буханок на столике заgrabной трапезы. Своя семантика и у круглой формы хлеба: так, «круглая хала символизирует надежду, продолжительность и непрерывность жизненного цикла» у иудеев [Шейнина, 2006, с. 304].

греческого мира в целом (КБН 343, 416) имеются и шаровидные буханки, но они на столике, а не в руках у персонажей, так что этот вариант маловероятен. На ряде рельефов Фракии с изображением 3 нимф внизу в обоих углах показаны круглые бочонки символического предназначения – из них изливается вода, указывая на водную природу сих нимф [Mihailov, 1961, № 1342-1344, 1347, 1360 и др.]. Однако, если признать предмет в руке артезианской дамы бочонком (глиняные или деревянные, они назывались кадосами и имели форму ведра, так как ими в числе прочего бралась вода из колодца), а ее богиней, то вода бессмертия разливается тут бочками. Поскольку артезианская дама, как мы видели, все-таки простая женщина, наличие бочонка в ее руке невозможно по той причине, что она держала бы его двумя руками, кроме того, подающая ей воду в ведерке служанка создает в таком случае комический эффект – для такого обилия воды не хватает только распылителя воды для душа. Посему и вариант с бочонком не подходит. Я бы предпочел счесть предмет в руке артезианской дамы мотком шерсти, который в погребальной пластике эллинистического и римского времени был символом домашних занятий женщин, в том числе на периферии, обычно это корзина с шерстью (например, в Малой Азии [Erdemir, 2011, p. 121, лит.]). К примеру, на стеле IV в. до н. э. из музея Поля Гетти сидящая в кресле женщина держит в приподнятой левой руке веретено с круглым мотком шерсти, он слегка приплюснут и больше ее кулака [Grossman, 2001, p. 108]. Вместе с тем в более общем смысле моток шерсти символизировал в погребальном культе конец земной жизни и начало другой, загробной. Более всего эта функция мотка шерсти, шерстяной нити и веретена представлена в знаменитом «видении Эра», которым завершается монументальная книга Платона о государстве и мироустройстве (Res publ. 615–621). Собравшиеся в некоем месте души живых и мертвых мужчин да женщин избирают для себя соответственно земную и посмертную участь, «и когда все души выбрали себе ту или иную жизнь, они в порядке жребия стали подходить к Лахесис.⁵² Какого кто избрал себе даймона, того она с ним и посылает как стража жизни и исполнителя сделанного выбора. Прежде всего этот страж ведет душу к Клото, под ее руку и под кругообороты вращающегося веретена: этим он утверждает участь (μοίρα), какую кто себе выбрал по жребию. После прикосновения к Клото он ведет душу к пряже Атропос, чем делает нити жизни уже неизменными» (620e) [Платон, 1971, с. 453].⁵³ Идеи такого рода можно усматривать в изображениях при женской фигуре корзины с пряжей, веретена, мотка пряжи в погребальной пластике эллинистического и римского времени.

Как видно, при том, что рассмотренные артезианские памятники по-разному понимаются С. Ю. Сапрыкиным, А. В. Белоусовым и мною, несколько вопросов

⁵² Три Мойры, их имена символичны по значению: Лахесис («Судьба», «Рок») заведует прошлой судьбой человека; старшая из Мойр Клото («Прядильщица») прядет нить его жизни в настоящем; Атропос («Бесповоротная») определяет будущее.

⁵³ Выражение «к пряже Атропос» этого перевода А. Н. Егунова не вполне точно: в тексте $\nu\eta\sigma\tau\nu$ означает процесс прядения; сама пряжа, как результат прядения, называется $\nu\eta\mu\alpha$.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

требуется уточнения ввиду того, что все мы руководствуемся фотографиями. Нужен осмотр подлинников, чтобы прояснить следующее: во-первых, какой букве может соответствовать уголок в конце стк. 6 граффито № 1; есть ли остатки буквы € перед ЛНКАСА граффито № 2; что за предмет в руке женщины на лапидарном рельефе? Уточнение этих вопросов поспособствует лучшему пониманию граффити и рельефа.

II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. к Гилее

Назрела необходимость вернуться к пространному граффито на стенке сосуда типа Фикеллюра (ок. 550–530 гг.) из Ольвии. Оно написано мелкими буквами, затем основательно перечеркнуто ортогональной сеткой линий (рис. 4). Найдено в 1969 г. на римской цитадели Ольвии, 67 x 95 мм, верхняя и нижняя части заглажены, сохранились 12 строк надписи; слева и справа текст отчасти утрачен. Его текст с переводом и кратким страничным комментарием опубликовали А. С. Русяева и Ю. Г. Виноградов [Russjaeva, Vinogradov, 1991, S. 201–202], которые сочли надпись «письмом жреца»; в других работах они столь же кратко изъяснили свое понимание его содержания.⁵⁴ Поскольку полной публикации надписи они так и не дали, по существу ввел ее в науку Л. Дюбуа, который слегка подправил текст издателей, но дал солидный комментарий [Dubois, 1996, № 24]. Историографические подробности я изложил в начале своей статьи 2015 г., затем дал существенно иное чтение текста и интерпретацию содержания надписи, выявил ее стихотворный характер и потому определил в качестве гимна [Яйленко, 2015, с. 88–99], слегка расширенный текст в моей книге 2017 г. [ОХБ, с. 252–260]. Чтобы читатель получил представление о тексте издателей (с легкой правкой Л. Дюбуа) и моем, приведу тот и другой.⁵⁵

Dubois, № 24: [--]νοθέτη μέλι καὶ κρίο[ν-- | --]YN ὡς ἐπιτέλλεις πέμπ[ων -- |³ --]ς τόπους θεοποιήτους περ[ι-- | --]ΡΑΚΡΗΝΑΙΗΚΑΜΕ ἱρὸ φῶς ΝΗΣ[-- | --] δικαίως ἐν τῇ Χαλκίῃ αἱ γυν[αῖκες -- |⁶ --] ἐκπ[λῆ] ἐντεῦθεν ἐς τὴν Ὑλαί[ην -- | --] αὖτις οἱ βῶμοι βεβλαμμένοι [εἰσί -- | --] Μ]ητρὸς Θεῶν καὶ Βορυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος |⁹ --] μ]ετὰ τὸ ναυάγιον οἱ δοῦλοι καταδρα[μόντες -- | --] τ]ε ἱουργίῃ Μητροφάνεος ἱρὸς ἔλιπε τ[-- | --] τ]ῶν πτύων κακαί, τῶν δένδρων διηκόσι[α -- |¹² --] ο]ἱ θηρευταὶ τῶν ἱππῶν ἠὲ ῥήκασιν μετὰ κινδύνων ΤΥΡΑ[--].

Поскольку Дюбуа цельного перевода не дал, приведу Übersetz издателей [Russjaeva, Vinogradov, 1991, S. 201] в своем переложении на русский: «... агнофета (или сочинителя гимнов) мед и барана... и корабль (?), как ты велишь посылать, ... с тем он объезжает богозданные местности и близ мыса двинется (ἄγῃ), также наряду со мною человек святилища, остров (?)... (и приносят жертвы?) женщины достойно в Халкене, (сам же он) поплыл на корабле отсюда к Гилее... Вновь алтари

⁵⁴ [Русяева, 1987, с. 146–147; 1994, с. 103; 1994а, с. 95–99; Виноградов, 1989, с. 65]. Греческий текст и перевод они дали в указанной немецкой заметке. Ввиду известных политических обстоятельств наших дней и того, что я родом дончанин, надписи на территории Украины мне недоступны, поэтому *volens-nolens* располагаю лишь фотографией да прорисью издателей.

⁵⁵ В ОХБ под рисунком № 30 на с. 254 ошибочно дана подпись «Письмо Апатурия», это повтор подписи под рис. 26 на с. 233. Должно быть: «Ольвийский гимн» и далее.

разрушены ... Матери богов, Борисфена и Геракла... , после кораблекрушения рабы разбежались... , посредством умелости Метрофана это остается, священные ... (приготовить?), плохие сосны и двести других деревьев... , охотники на лошадей находят, подвергаясь между тем опасностям... ».

По идее Ю. Г. Виноградова [1989, с. 65], это письмо одного священнослужителя к другому, старшему по рангу, возможно, главному жрецу какого-то ольвийского культа, «своеобразный отчет об исполненном приказании послать на корабле некое третье лицо со своего рода инспекционной поездкой по землям, окружавшим Ольвию. Целью этого путешествия была одновременно и доставка продовольствия для пропитания и жертвоприношений (мед, баран, священное мясо) находящимся в пункте или местности под названием Χαλκήνῃ жрецу, названному «мужем святилища» (ἱρὸ φύς), и женщинам, с тем, чтобы первый прекратил свой пост, а вторые смогли достойно (δικαίως), видимо, выполнить жертвенные обряды» (?). По его мнению, стк. 9 «упоминает рабов, которые после кораблекрушения (?) попытались бежать». Эти же положения развивала А. С. Русяева [1987, с. 146–147; 1994, с. 103; 1994а, с. 95–99], добавив: в надписи говорится о «вывозе леса из Гилеи для общественных нужд», деятельность на пограничных территориях находится под контролем ольвиополитов.⁵⁶

Из комментариев Л. Дюбуа содержательного характера отметим следующие. Поскольку упоминание меда и ячменя (стк. 1) свойственно сакральным законам, которые регулируют состав жертвоприношений, можно заключить, что в надписи содержатся инструкции этого рода, хотя это плохо согласуется с типологией надписи, являющейся письмом. Он перевел стк. 1–3 так: «К жертвоприношению для поэта я возьму мед, ячмень и свинину, как ты велишь мне, отправляя в места, сотворенные божеством». Выражение стк. 4 ἱρὸ φύς может означать «факел святилища». В стк. 6, видимо, говорится о том, кто «отправляется отсюда на корабле до Гилеи». По стк. 8, счел Л. Дюбуа, можно понять, что скифы-рабы после кораблекрушения разрушили алтари. Читая в стк. 10 ἱουρῶνι, Дюбуа заключил, что упоминаемый тут Метрофан жрец. Далее названы испорченные сосны и 200 деревьев, вероятно, в связи с торговлей лесом. Фигурирующие в последней строке лошади и охотники на них находят соответствие в известии Геродота (IV, 52) о диких белых конях, пасущихся на берегах Гипаниса. Как видно, сравнительно с невнятным пониманием надписи издателями Дюбуа дал довольно связный по содержанию текст.

По моему мнению, фото и прорисовка надписи (подлинник недоступен) позволяют читать и понимать ее существенно иным образом.⁵⁷ Ни издатели, ни

⁵⁶ В русле интерпретации А. С. Русяевой и Ю. Г. Виноградова выдержаны также суждения Б. Браво: это письмо жреца или магистрата старшему по должности с отчетом об инспекционной поездке [SEG, 2005, Vol. 51, p. 283, № 970]. Не уловил он и поэтический строй этой надписи. В стк. 4 вместо невразумительного текста издателей Браво дал связанное чтение: [-- διὰ γὰρ ἄκρην λίην ἔκαμε Τρόφος νῆσ[τείν καί], увидев тут имя жреца; женщин он счел тоже жрицами.

⁵⁷ Мои суждения о надписи [Яйленко, 2015, с. 88–99; ОХБ, с. 252–260].

Дюбуа не разглядели в пространном тексте элементарный гекзаметр, хотя автор ее выложил для читателя каждый гекзаметр в отдельную строку. На стихотворный характер надписи указывает и ряд ее слов из поэтического лексикона, а также поэтизмы морфологии. Мои текст и перевод в статье 2015 г. : [Μῆτερ, ὕμνοθέτη μέλι καὶ κριθᾶς ὀπάξεις μὲν | ἀντ' ᾧδῆς οἱ ὕν ὡς ἐπιτέλλεις πέμπων -- |³ --ἐς τόπους θεοποιήτους περι-- ροῇ -- | -- Ὡρα κρηναίη· κάμε ἱρὸ φῶς νῆσ[ο] τε | --] δικαίως ἔντη χαλκῇ νηλῇ YI-- |⁶ --λῆι ἐνθεῦθεν ἐς τὴν Ὑλαί[ην -- | --] αὖτις οἱ βωμοὶ βεβλαμμένοι -- | -- Μ]ητρὸς Θεῶν καὶ Βορυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος -- |⁹ --έτατον, αὖ ἄπονοι δοῦλοι κατάδρ[εψαν -- | -- τ]ε ἱουργίηι μ' [I]ητρὸ φανεὸς ἱρὸς ἔλιπευ [̣ -- | -- τ]ῶν πτύων κακαί, τῶν δένδρων διηκόσι[α καὶ |¹² οἱ] θηρευταὶ τῶν ἵππων ἡρῆκασι μετὰ κινδύνῳ ἔντυρε[μένῳ ? --]. «Мать, слагателю гимнов мед и ячмень *ниспошли* | в *воздаянье* за песнь, потому как велишь ты, отослав --|³-- в богозданные местности вокруг --, *поток* |-- ключевой. Муж священного острова выковал --|-- как подобает, оружие медное, безжалостное --|⁶ --т оттуда в эту Гилею --|-- после порушенные алтари |-- Матери богов и Борисфена и Геракла --|⁹ --ейшее, вновь праздные рабы заснули |-- посредством священного обряда, совершенного неведомым жрецом Иетра, оставил меня --|-- из пиниевых (сосновых) деревьев двести плохие --|¹²-- занимающиеся отловом лошадей нашли с потрясающей опасностью --».

Коротко суммируем свое понимание содержания надписи в статье 2015 г. и в книге 2017 г. В стк. 1 упоминается «слагатель гимнов» ([ῥ]μνοθέτης), так что надпись представляет собой гимн, его поэтический размер гекзаметр, в каждой строке по гекзаметру. Гимн обращен к Матери богов или Ахиллу, ее имя содержалось в лакуне стк. 1. Поэт просит одарить его медом и хлебом за свою песнь, в которой он мысленно исполнил повеление божества отправиться в Гилею или на Лемнос – «в богозданные местности вокруг --», где струится «поток -- ключевой» (стк. 1–4). Скорее, это Лемнос, так как сразу после этого упоминается «муж священного острова», который «выковал -- как подобает, оружие медное, безжалостное --», и оно доставлено «-- оттуда в эту Гилею --» (стк. 4–6). Сохранившийся текст стк. 6–7 («-- оттуда в эту Гилею -- после порушенные алтари --») короткий, всего 8 стоп из положенных 12, так что здесь и должна вестись речь о том, что с помощью полученного оружия божество изгнало врагов из Гилеи или уничтожило их там. Весь воинский контекст стк. 4–6 указывает на Ахилла:ковка Гефестом оружия для него, равнозначная соответствующему эпизоду Илиады, и изгнание или уничтожение врагов в Гилее. Затем поэт описывает ущерб от вторжения врагов в Гилею (стк. 7–12/13), которая была, по Геродоту и другим источникам, священной зоной ольвиополитов. Разрушены алтари Матери богов, Борисфена, Геракла, работавшие в Гилее рабы, оставшись без пропитания, голодали и употребляли в пищу листья да кору священных пиний (сосен). Поскольку они ободрали две сотни деревьев, можно заключить, что рабов было много либо враг долго владел Гилеей. Следующая стк. 10 «-- и священнодействием незримого Иетра оставил мне священные --», показывает, что благодаря вмешательству Аполлона Иетра, местного бога ветра, часть священных

деревьев была спасена для божества, к которому обращен гимн. Разбредшиеся по Гилее и, скорее всего, до берегов Гипаниса рабы были обнаружены ловцами диких лошадей и, можно думать, переправлены обратно в святилища Гилеи. Вряд ли гимн заканчивался на этом, так как гомеровские гимны нередко завершались похвалой божеству, к которому он обращен.

На мою статью 2015 г. поступили критические отклики А. Аврама [Bulletin épigraphique, 2016, № 347 = REG, t. 129, p. 499] и А. В. Белоусова [2016, с. 259] (у того и другого это обзоры литературы по эпиграфике Северного Причерноморья за 2015 г.).⁵⁸ Аврам уделил ей всего несколько строк. Обвинив меня в издевательствах над надписью, он сослался на стк. 9-10, где Л. Дюбуа, в основном следуя тексту издателей, читал [μ]ετὰ τὸ ναυάγιον οἱ δοῦλοι καταδρα[μόντες --| -- τ]ε ἱρουργίη Μητροφάνεος ἰρὸς ἔλιπε τ[-], а я --έτατον, αὖ ἄπονοι δοῦλοι κατάδρ[εψαν -- | -- τ]ε ἱρουργίη μ' [Γ]ητροῦ φανέος ἰρὸς ἔλιπευ [-]. Он был бы прав, указав на несоответствие элементов моего чтения прориси и фото надписи, без чего его апелляция к Дюбуа повисла в воздухе.⁵⁹ Не объяснил Аврам в отношении содержания, что делать с невесть откуда взявшимся Метрофаном? Ведь Дюбуа лишь констатировал, что тот произвел какое-то культовое действо. Далее мы подробно разберем вопрос о жанре надписи и снова заключим, что это гимн, а в гимне какому-то Митрофану такое же место, как и высоковольтным линиям *электропередач*, мелькнувшим на фоне в кадре фильма М. Какоянниса 1962 г. «Электра». На самом деле все проще: буквы М нет на фото, издатели дорисовали ее на прориси (см. ниже наш комментарий к стк. 10). А свое заявление, что мой текст спорный, Аврам смог аргументировать лишь замечанием, что вместо моего κατάδρ[εψαν] правильной формой должно быть κατέδρεψαν, т. е. с приращением, и основное значение сего глагола «собрали» не соответствует контексту. Увы, он забыл школьную истину, а может, никогда и не знал, что в поэтическом языке, начиная с гомеровских поэм, приращение в аористе и прочих временах часто отсутствует; а значение «ободрали» я мотивировал примерами на с. 93.

Больше внимания уделил моей статье А. В. Белоусов, который критически отнесся к моему утверждению, что надпись по жанру гимн и написана гекзаметром. По его мнению, она содержит кретики (– ~ –) да трибрахия (~ ~ ~), которые не могут

⁵⁸ Bull. ép. с заметкой Аврама любезно прислал мне из Ясс В. Кожокару, поскольку в московских библиотеках последний том журнала Revue des études grecques, в котором публикуется Bulletin épigraphique, от 2012 г. (есть только в Исторической библиотеке), а в электронном архиве иностранной прессы журнал сейчас (на конец 2018 г.) доступен только по 2014 г. По части поступления новой научной литературы в библиотеки Москва давно уже соперничает с Гондурасом, при том что входит в десятку богатейших городов мира. Тут не меньше, чем в «столице мира» Нью-Йорке, долларовых миллиардеров, явных и особенно скрытых, вот куда утекли деньги, вот откуда бедственное положение в числе прочего и науки.

⁵⁹ Поясню, что первая буква имени Иетра не дополнена мною – она уничтожена вертикалью ортогональной сетки, начерченной поверх надписи (см. фото); точно так же другие ее вертикали уничтожили вторую *иоту* слова ἱρουργίη и в слове ἔλιπευ.

соответствовать гекзаметру, и дал их перечень. Стк. 6: ἐνθεῦθεν ἐς τὴν (— ~ —).⁶⁰ Стк. 7: αὐτίς οἱ (— ~ —). Стк. 8: [Μ]ητρός Θεῶν (— ~ —). Стк. 9: --έτατον, αὐ (— ~ ~). Стк. 11: πτύων κακαί (— ~ —); τῶν δένδρων διηκόσι[α] (— ~ —). Стк. 12: ἡὐρήκασι μετὰ (— ~ ~). Также мои дополнения стк. 1 не вписываются в гекзаметр: [Μῆτερ, ὅμ]νοθέτη (— ~ —); κριθ[ᾶς ὀπά]εις (— ~ —). Все это, полагает А. В. Белоусов, следствие моей ошибочной посылки, что надпись является гимном.

Увы, его замечания в основном ошибочны и лишь отчасти справедливы. Во-первых, он произвольно вычленяет из стиха свои кретики да трибрахия, не учитывая его общую метрику, и такого рода приемом можно устранить гекзаметры из любого поэтического произведения. Полагаю, он напрасно тратит силы на критику стихотворных видений какого-то Яйленко, мог бы замahнуться и на дичь покрупнее. Например, на Гомера, усмотрев кретик в ταύρων τε καί или οἱ δὲ δῆ «Одиссеи» (VI, 25, 26 и т. д. *passim*). Правда, хитрые греки осложняют его работу всякими придуманными правилами стихосложения, по которым излюбленные Белоусовым кретики на поверку оборачиваются дактилями да спондеями гексаметра. Во-вторых, одно из основных положений метрики эпического языка (Гомер, Гесиод, гомеровские гимны и пр.) состоит в слиянии по требованиям стиха стоящих рядом гласных в один долгий слог (это знают студенты первого курса); например, в ἦρωος Od. VI, 303 метрически не 3 слога, а 2 ввиду слияния ωο (стопа: – =).⁶¹ Отсюда у меня 3 долгих слога в имени [Μ]ητρὸς Θεῶν, со слитным εω (– – =); точно так же они слитны, например, и в θεῶν у Пиндара (Ol. XIII, 83). Отсюда и слитное ιη в | δένδρων | διηκόσι|[α] (метрика: | – – | = ~ ~ |), так что никакого кретики тут нет.⁶² В-третьих, стыдно филологу-классику не знать, что *iota* наречия αἴτις, хоть по природе краткая, здесь долгая по положению перед членом οἱ, который этимологически происходит из σφοί, так что она в стихе стоит перед группой согласных (метрика эпического языка обычно, хотя и не всегда, засчитывает звучавшую во времена Гомера, но затем исчезнувшую *дигамму* за согласный). Итак, и в αἴτις οἱ не может быть усмотренного Белоусовым кретики, тут следуют один за другим три долгих слога. В-четвертых, в ἐνθεῦθεν ἐς τὴν стк. 6 может быть 4 долгих слога, а не кретик критика, так как в эпическом языке краткая гласная даже перед одиночной сонорной может удлиняться; например, в σὺν | δὲ νεφέ|εσσ|ι (Od. IX, 68) *эпсилон* перед одиночным *v* долгий; в Αἰόλου (Od. X, 36) три долгих слога. Это элементарное правило метрики есть в гимназических учебниках греческого языка и потому должно быть известно критику. В-пятых, --έτατον стк. 9 не обязательно трибрахий, как счел А. В. Белоусов: как не чуждый эпиграфике Ольвии, он должен

⁶⁰ Чтобы читателю было яснее, выделяю полужирным шрифтом слоги, которые критик счел кретиком или трибрахией; стихотворный размер их для наглядности показываю в скобках.

⁶¹ Необходимые сведения по просодии и метрике греческой поэзии читатель найдет в прекрасных книгах и XIX в. (Th. Webb, R. Reitzenstein, Я. А. Денисов, С. Радецкий, Н. А. Счастливцев, К. В. Крюгер), и XX в. (P. Maas, A. Dale, M. West и др.).

⁶² Слияние гласных (синизеса) в Θεῶν, διηκόσι[α] обозначаю по техническим причинам как =.

знать, что в ее надписях VI–IV вв. через ε графически передаются дифтонги ει, εῑ и долгая η в разных позициях (примеры [ОХБ, с. 16, 35, 37, 104, 106, 204, 208–211, 287, 288, 298, 336, 632]); понимание тут ε как ει предоставляет возможности для разных прочтений (см. ниже), в т. ч. Ἐτατον в качестве дактиля (– ˘ ˘). В-шестых, критик не заметил действительно требующих разъяснения в отношении гексаметра слов [–ε]ς τόπους стк. 3 (краткое первое о между двумя долгими) и δοῦλοι κατάδρ[εψαν] стк. 9 (краткое первое α между долгими).

В-седьмых, и это самое важное, критик проигнорировал представительный набор слов и выражений в сохранившемся тексте надписи, которые свойственны **только поэтической речи**, в том числе гомеровским поэмам: ὕμνοθέτης «слагатель гимнов, поэт», ἐπιτέλλω «посылать», φῶς «муж, герой», аорист κάμει «выковал», ἔντεα «оружие», νηλῆς «безжалостный», ἐντρεῦω «потрясать», также гомеровские выражения ἐπιτέλλειν πέμπων «велеть что-либо сделать, отослав», νηλῆς χαλκός «безжалостная медь». Даже такая мелочь, как употребление в стк. 6 перед согласной формы ἐς, а не εἰς ([ε]ς τόπους стк. 3), может указывать на эпический язык надписи, ибо у Гомера всегда ἐς стоит перед согласной, εἰς перед гласной. К тому же автор надписи будто для облегчения умственной работы будущих критиков выложил каждый стих гексаметра в отдельную строку. Наличие даже одного из этих поэтизмов должно было заставить Белоусова признать текст надписи бесспорно стихотворным, но он по ходу своей критики лишь нехотя признает, что она все же может быть стихотворной (читай: может и нет). Игнорирование очевидных поэтизмов надписи свидетельствует лишь о поверхностности его суждений.

Единственно, в чем А. В. Белоусов прав – в несоответствии гексаметру слов πτύων κακάι стк. 11 и ἡρήκασι μετά стк. 12. Замечу по этому поводу, что я напрасно последовал в таком чтении за предшественниками: далее покажу, что в стк. 11 надо читать πτύων κακά, ἰτῶν δένδρων «непригодных сосен, ивовых деревьев» (ἰτέα «ива»), в стк. 12 не μετά, а με(v) τὰ κίνδυνα «безопасные».⁶³ Специально для критиков и сомневающихся показываю метрику всего сохранного текста с делением на стопы:

[–] ὕμνοθέτη μέλι | καὶ κριθ[ὰς –]: – ˘ ˘ | – ˘ ˘ | – – | –
 [–] οἴν | ὡς ἐπιτέλλεις | πέμπ[ων | –]: – | – ˘ ˘ | – – | – – |
 [–]ς | τόπους⁶⁴ | θεοποιή[τους περι[–]]: – – | = = | – ˘ ˘ |
 [–]ρα | κρηναίη· κάμει | ἰρῶ | φῶς νή[σ[ῶ –]: – | – – | – ˘ ˘ | – – | – – | [– ˘]
 5 [–] διακαίως ἐν[τη χαλκῇ νηλῇ υἱ[–]: ˘ | = – | – – | – – | – – |
 [–]λῆι ἐνθεῦθεν⁶⁵ | ἐς τὴν | Ὑλαί[ην –]: – – | – – | – – | – – | [– ˘]

⁶³ Формально прав он и в том, что мое дополнение в стк. 1 κριθ[ὰς ὀπάξεις μὲν] не соответствует гексаметру; это мой недосмотр: должно быть κριθ[ὰς μὲν ὀπ[αζέ], так что тут полный дактиль в пятой стопе и, как положено, усеченный в шестой (– | – ˘ ˘ | – ˘).

⁶⁴ О чтении τόπος как τόπος «этой песни» см. ниже.

⁶⁵ Эпсилон может быть долгим и перед одиночной сонорной, см. выше.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

[--] αῦτις⁶⁶ οἱ βωμοὶ βεβλαμμένο[ι | --]⁶⁷: -- | -- | -- | - ~ ~
 [οἱ δ' Μ]ητ|ρὸς Θεῶν, | καὶ Βορυσ|θεῖ⁶⁸ καὶ Ἡρακλ[εῖ]⁶⁹: [-] - | - = | - ~ ~ | - - | - - | [- ~ ~]
 [--]έτατον | αὖ ἄπο|νοι δοῦ|λοι κατα|δδν[το·]⁶⁹: - ~ ~ | - ~ ~ | - - | - ~ ~ | - ~ ~
 10 --εἰρου|γίη ἱν | (Ἰ)ητρὸς | φανεὸς | ἱρὸς ἑλῖπεν⁷⁰: = - | = - | = - | - ~ ~ | - ~ ~ | - ~ ~
 [τ]ῶν πιτύ|ων κακὰ | ἰτῶν⁷¹ | δένδρων | διηκόσι|[α --]: - ~ ~ | - ~ ~ | - - | - - | = ~ ~ |
 [οἱ] θη|ρευταὶ | τῶν ἱπ|πων ηὐ|ρήκα|σι(ν) τὰ : -- | -- | -- | -- | -- | -- | - ~ ~
 κίνδυν|α ντυ|ρε[ύοντα --]: -- | -- | -- | -- | -- | -- | - ~ ~

«-- слагателю гимнов меда и хлеба -- потому как велишь ты, отослав -- той песни богозданные -- родниковая; муж священного острова выковал --||⁵-- достойно оружие медное, безжалостное -- оттуда в Гилею -- тотчас порушенные алтари -- Матери богов, а Борисфену и Гераклу -- праздные рабы скрепляли -- ||¹⁰ -- там посредством священнодействия невидимого Иетра, оставил -- две сотни непригодных сосен, ивовых деревьев -- ловцы лошадей нашли потрясающим образом вне опасности --».

Итак, надпись бесспорно метрическая, причем почти целиком сохранные слева и справа строки 8–12 содержат по 6 стоп (при этом в стк. 10 сохранилась и конечная полустопная стопа), т. е. составлены гекзаметром, так что критик сам себя посрамил, отрицая этот ее вполне очевидный размер. Основной целью моей статьи 2015 г. было выявление более адекватной подлиннику, нежели у предшественников, текстологии надписи и раскрытие ее существенно иного содержания, поэтому просодии я уделил минимум внимания, показав стихотворный характер двух первых строк и логично заключив, что таковы и остальные строки, хотя видел там 2–3 сомнительных в отношении гексаметра слога (τόπους стк. 3, δοῦλοι κατάδρ[εψαν] стк. 9, длинноватые имена трех божеств стк. 8).⁷² Этим воспользовался критик: сосредоточив внимание на нескольких не соответствующих гекзаметру слогах, он вынес отрицательный вердикт статье в целом (известный прием риторики – *unum pro tanto*). В своей эпиграфической хронике Аврам и Белоусов встречают в штыки любую мою статью, и причиной служит не собственно она, а их сервилизм. Приветствуя хронику А. В. Белоусова, я предостерегал его от сервилизма [ОХБ, с. 664]. Он должен понять, что ценность хроники заключается в ее информативности, а не в его оценках, тем более что сам он начинающий эпиграфист (на его счету всего десяток заметок,

⁶⁶ На долготу *ιоты* указано выше.

⁶⁷ Конечный дифтонг *οι* считается кратким, если следующее слово начинается с гласной (ниже, в комментарии к этой строке, дополняем в лакуне глагол ἔσταν).

⁶⁸ Если в имени собственном 3 и более гласные, они принимаются за долгие или краткие в зависимости от требований метра. По этой причине *ιψιλον* в Βορυσθεῖ считаю кратким, несмотря на положение перед двумя согласными.

⁶⁹ О чтении *катаδδν[το]* см. ниже.

⁷⁰ О чтении ἱν и долготе *ιоты* в ἑλῖπεν см. ниже.

⁷¹ О чтении ἰτῶν см. выше и ниже.

⁷² Данная заметка, в которой вопросы просодии гимна рассмотрены подробно, по объему в 3 раза больше статьи 2015 г., так что там реально не было возможности заниматься метрикой, ибо это смазало бы ее основное содержание – текстологию.

в основном об ольвийских заклатьях), и потому оценки его, мягко говоря, не вполне основательны. Например, в том же обзоре литературы за 2015 год он касается моей статьи о публикации ольвийского Стефанова декрета А. И. Иванчиком, в которой я исправил многочисленные ошибки того. А. В. Белоусов ничего не смог сказать по существу моей статьи, ибо не знает в должной мере ольвийские декреты, но охотно присоединился к негативной критике ее Аврамом [Bull. ép. 2016, 350]. Конечно, сервизм материально выгоден, но, κερδαλεόφρονοι Ζωῖλοι, читайте Эсхина (I, 84): «истина настолько сильна, что превосходит все людские расчеты».

Ради одного ответа незадачливым критикам я не стал бы писать данную заметку, причина в другом: в последнее время (статья 2015 г. написана в 2012 г.) я сам видел необходимость возврата к изучению сей надписи, так как предшественники и я не дали ее цельного содержания – по смыслу строки плохо связаны друг с другом из-за утрат текста. Иначе говоря, никто не предпринял заполнения лакун, т. е. более или менее полной реконструкции текста. Посему основной задачей нижеследующей заметки является усиление связности и цельности ее содержания посредством заполнения лакун. В этом большое место занимает рассмотрение просодики и встающего в связи с нею ряда филологических вопросов, ибо все это позволяет уточнить текстологию. Надпись неплохой сохранности (утрачена примерно пятая часть), и это хорошая база для обоснованности понимания ее жанра, содержания, структуры, также предлагаемых дополнений. Обосновываю свою реконструкцию филологическим инструментарием – лексическими, формульными и содержательными параллелями из поэтических произведений архаического времени, в основном гекзаметрических, отчасти Пиндара и других, также поэтическими формулами, грамматическими конструкциями, техническими средствами стихосложения и прочим.⁷³ Конечно, не все дополнения равноценны – одни обоснованы больше, другие меньше, поскольку это поэтическое произведение и в нем мало формул, которые верифицировали бы восстановление утрат. Вероятно, другие исследователи предложат иные варианты реконструкции текста, посему предлагаемые далее дополнения утраченного текста (кроме частично сохранившихся слов) в известной мере иллюстративны, т. е. сделаны *exempli gratia*.⁷⁴

Прежде чем приступить к реконструкции текста, необходимо определить жанр

⁷³ Предварительно отмечу, что размер гекзаметра позволяет установить примерное число утраченных букв слева и справа. Черепок с надписью был отбит по бокам, сколы пошли по наклонной к концу надписи так, что он приобрел вид расширяющейся книзу трапеции (см. рис. 4). По числу стоп гекзаметра можно заключить, что в последних стк. 11-12 слева утрачено по одной букве; это явствует и текстуально: [τ]ῶν πῆτ[]ων стк. 11, [ο]ἱ θῆρευται стк. 12. Поскольку слева все строки пространных надписей имеют одно и то же место старта, опустив вертикаль от первой буквы первой строки на начало стк. 12, можно прикинуть, что в стк. 1 слева утрачено ок. 7 букв. В целом примерный расчет утраченных слева букв таков: в стк. 1/5 дополняется до 7 букв, в стк. 5/7 – ок. 6 букв, в стк. 7/8 – ок. 3-5 букв, в стк. 9/10 – 1-2 буквы; в стк. 11/12, судя по тексту, утрачена одна буква. Справа количество утраченных букв неизвестно, но поскольку текст поэтический, число слогов лимитировано шестью стопами гекзаметра.

⁷⁴ По этой причине не употребляю далее в дополненном тексте знаки для цезур и диэresi, только для синизесы, необходимой расчету слогов.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

надписи, выявить ее возможное содержание и его направленность (характер). Сделать это в общих чертах позволяет контекст сохранившихся строк, также закономерности содержания и структуры того литературного жанра, к которому текст принадлежит. Общее представление о содержании гимна дает сделанный чуть выше перевод сохранившихся строк. В статье 2015 г. я счел, что по жанру надпись представляет собой гимна и составлена гекзаметром. Что надпись стихотворная и составлена дактилями да спондеями, т. е. именно гекзаметром, здесь уже показано выше. Гекзаметром по VI в. включительно написаны поэмы Гомера, Гесиода, малых эпиков, эпические циклы; фрагменты собраны Г. Кинкелем (1877 г.), А. Бернабе (1987), М. Дэвисом (1988), О. Рикардо (1996), также пять первых гомеровских гимнов (остальные позднейшего времени); в эпиграфике это посвятельные, застольные, надгробные надписи.⁷⁵ Эти надписи небольшие, в 1–3, редко чуть больше строк, тогда как ольвийское граффито – крупное нарративное произведение, насчитывающее более 12 стихов гекзаметра. Следовательно, даже по объему оно соответствует именно гимнам: если древнейшие гимны первой пятерки многострочные, то остальные небольшого да среднего объема (гимн VI – 21 строка, VII – 59 строк, VIII – 17, IX – 9, X – 6 и т. д.). По содержанию ольвийская надпись не имеет аналогов в греческой эпиграфике, так что жанровые параллели есть ей лишь в литературных произведениях, составленных гекзаметром. Как сказано, по VI в. включительно этим размером составлены поэмы Гомера, Гесиода, малых эпиков, также 5 первых гомеровских гимнов. Гекзаметр – их поэтический язык. По Мнасею (он географ, ученик Эратосфена, но его «Периэгеса» наполнена местными мифами), были три музы – Μοῦσα, Θέα, Ὑμνώ [Kinkel, 1877, p. 32], и это вовсе не искусственная классификация, ибо он просто перечислил обращения поэтов к божеству в первой строке «Илиады» (μῆνιν ἄειδε Θεά),⁷⁶ «Одиссеи» (Μοῦσα)⁷⁷ и в той части «Киприй», которая написана Паламедом (Ὑμνώ). Введение богини гимнов Гимно в число Муз отражает глубокую древность гимна как религиозного песнопения, вероятно, уходящего в догреческую культовую обрядность балканско-эгейского населения, у которого греки заимствовали вместе со словом ὕμνος и сам жанр.

Гимны в форме дифирамбов, номов, линов слагали древнейшие поэты (Арион, Лин, Терпандр, Алкей и пр.), сохранились лишь единичные строки, тогда как основной корпус дошедших до нас гимнов составлен гекзаметром, прежде всего это 34 так называемых гомеровских гимна, затем гимны Каллимаха, Клеанфа, Прокла и обширный орфический цикл; сравнительно с ним гимнография другими размерами – крохи.⁷⁸ Показателен в связи с этим отзыв Гефестиона о Маргите. Поэту шутливого эпоса Маргиту приписывалась составленная гекзаметром «Война мышей

⁷⁵ Образцы [Friedländer, 1948, p. 7–64; Jeffery, 1969, p. 401, № 1; 404, № 29; 409, № 1 внизу; 411, № 2 внизу]; спортивные надписи [Ebert, 1972, S. 42 f.].

⁷⁶ Также в приписываемой Гомеру «Фиваиде»: «Аргос воспой, богиня (Θεά)» [fr. 1, Kinkel, 1877, p. 10].

⁷⁷ Также многих гомеровских гимнов (III, 1; IV, 1; IX, 1 etc.).

⁷⁸ Переводы собраны в книге «Античные гимны» (М. 1988). См. о гекзаметрической гимнографии [Тахо-Годи, 1988, с. 9–12].

и лягушек», и он же считался автором иронически-эпической поэмы «Ямбы» (в связи с этим Аристотель (Poet. 4, p. 1448 b 30 sq.) отметил, что «Илиада» и «Одиссея» были источником для аттической трагедии, а Маргит для комедии). Александрийский грамматик Гефестион так охарактеризовал его: «Маргит не пользуется установленным размером эпических песен (τῆτα γὰρ μέν τῳ ἀριθμῷ ἐπῶν), привносит ямбический стих» [Kinkel, 1877, p. 64]; тут показательно, что Гефестион, а он в этих делах профессионал (автор сочинения по метрике греческого стихосложения), не говорит о «гекзаметре» – он и есть «установленный размер эпической поэзии».

Не учли критики и культа гомеровской поэзии в Ольвии, который определял употребление гекзаметра в творчестве местных поэтов; для атрибуции исследуемой надписи в качестве гимна важно упомянуть, что гекзаметрическая надпись на березанском светильнике VI в. ὥς λύχρον εἰμὶ καὶ φαίω θ[εοῖς]iv ἀνθρώποιςiv «поскольку я светильник, то и свечу богам да людям» включает в себя рецитацию из гомеровского гимна к Гелиосу (XXXI, 8): ὅς φαίνει θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι θεοῖςiv «который светит людям и бессмертным богам». Последняя в свою очередь восходит к гомеровской формуле (Ilias, XX, 64): θνητοῖσι καὶ ἀθανάτοισι φανεῖν «чтоб осветил людям и бессмертным». Еще несколько застольных граффити VI–V вв. из Ольвии да Березани написаны гекзаметром [Friedländer, 1948, p. 165; Яйленко, 1979, с. 58 и прим. 37 на с. 60; 1982, с. 268–275, 298–299; ОХБ, с. 312–325, 335–338].

Однако размер (метрика) и объем строк отнюдь не все признаки жанра: это еще тематика, структура, число и характер протагонистов, также стилистика – язык (диалект), художественные приемы, поэтические формулы. Тематика и структура рассматриваемого ольвийского стихотворения может соответствовать и поэмам, и гимнам. Тематически эпические поэмы и гимны имеют много общего, но есть и коренное различие: протагонисты первых – смертные герои, вторые – уделены богам. Структурно поэмы Гомера, Гесиода, малых эпиков включают введение (introductio) и изложение (narratio), тогда как в гомеровских и прочих гимнах композиция расширена: вступление с обращением к богу (invocatio), собственно рассказ о божестве (narratio), включающий его мифологические связи, деяния, эпитеты и пр. (так сказать, служебная биография), наконец, приветственное заключение – salutatio [Janko, 1981, p. 9–24; Тахо-Годи, 1988, с. 13–25; Richardson, 2005, p. 19–30]. В ольвийской надписи тоже есть введение и narratio, могло быть и заключение, но конец ее не сохранился. Введение в ней составляют стк. 1–4 (подробности ниже) с invocatio к божеству: поэт просит героя своего произведения дать ему за эти стихи «мёда и хлеба»: [ὕμ]νοθέτῃ μέλι καὶ κριθ[ὰς --]. Это разъяснено в статье 2015 г.: поскольку надпись стихотворная, «слагатель гимнов» стк. 1 ([ὕμ]νοθέτης) – ее автор, а упомянутые тут мед и хлеб – испрашиваемое им вознаграждение за гимн, так как подобным образом автор(ы) гимнов к Деметре и Гелиосу просят бога: «дай благосклонно в вознаграждение за песнь милого сердцу хлеба».⁷⁹ Отсюда мое дополнение в стк. 1, воспроизводящее

⁷⁹ Hymni Hom. V, 494: πρόφρων ἀντ' ᾧδῆς βίοντον θυμῆρε ὀλαζε. Это формула, так как выражение при-

формулу гомеровских гимнов к Деметре и Гелиосу: [– υμ]νοθέτης μέλι καὶ κριθ[άς] μὲν πλαῖξε | ἀντ' ᾠδῆς οἴῳν «слагателю гимнов меда и хлеба ниспошли в воздаянье за песнь-то». Обращение авторов гимнов к Деметре и Гелиосу с просьбой к богам обычно для гимнографии; поэты других гомеровских гимнов тоже обращаются к прославляемым ими богам с просьбой дать им что-либо, находящееся в «ведении» тех: «но ты дай смелости» (VIII, 16, – к Аресу); «дай желанную песнь» (X, 5, – к Афродите); «дай нам удачи» (XI, 5, – к Афине) и т. д. Просьбы эти присутствуют в конце или второй половине гимна, но сами гимны настолько коротки (гимн VIII – 17 строк, X – 6 строк, XI – 5 строк), что перемещение ольвийским поэтом своей просьбы в начало песни обусловлено влиянием лирики, в которой стихотворение порой начинается просьбой к богам [*Solo*, I, 2-3: ὄλβον μοι ... δότε «материальных благ мне ... дайте»; *Theognis*, I, 4; 332 b, 4, стк. 2 и др. ; Friedländer, 1948, p. 107, 111]. Но для выявления жанровой принадлежности творения ольвийского стихотворца важно само присутствие просьбы к божеству, и наличие ее в начале определяет зачин песни как invocatio, т. е. вступление к гимну с обращением к богу. Наличие в надписи invocatio вместе с рецитацией формулы из гомеровских гимнов определенно свидетельствует о принадлежности ее, сей песни, к гимнографии. На это указывает и то обстоятельство, что автор надписи называет себя «слагателем гимнов» – ὑμνοθέτης. Это первое в доэллинистическое время упоминание слова, поэтому можно думать о его прямом значении «слагатель гимнов», а не обобщенном «поэт», как в эллинистическо-римской эпиграмматике (см. и ниже).

Повествование о конкретном божестве – жанрообразующий принцип гимна; ср. краткую формулировку Геродиана: гимн поется о богам (Rhet., fr. 90, 3), также Теона Ритора: гимны поются в честь богов, героев (Progymnasmata, p. 109, 24). Поэтому в самом начале гимна называется имя восплаваемого божества (это обстоятельство существенно для реконструкции ольвийской надписи – его следует дополнить в стк. 1-2). Таким образом, из самой жанровой принадлежности к гимнам следует, что в ней восплавается божество, именно из числа тех, что почитались в Гилее. В ольвийской надписи фигурируют следующие персонажи: слагатель гимнов; некто, отдающий ему повеление («велишь ты, отослав»); кузнец («муж священного острова выковал... оружие»); боги – Матерь богов, Борисфен, Геракл, Иетр, видимо, Ахилл

существует и в гимне к Гелиосу (XXXI, 17). Здесь слово βίотος, в целом означающее «прожиточные средства», имеет конкретное значение «хлеб», так как обращено к Деметре (см. об этом LSJ, s. v. βίος, II). Этот же смысл и в парафразе этой гомеровской формулы у позднего эпика Нонна: ἄρτον δῶξε «хлеба дай» (Paraphr. ev. Jo. VI, 133). Также рапсод Демодок сначала насыщается питьем да яствами и лишь после этого приступает к исполнению песни (Od. VIII, 477–485: ἐπεὶ πόσιος καὶ ἐδηρῶς «после питья да еды»). И ольвийский поэт, испрашивая «меда и хлеба», имеет в виду те же «питье да еду», поскольку мед пили, смешивая с вином. Жидкая консистенция меда порождала такие метафоры, как уподобление ему речи Нестора: ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέειν «течет с языка слаще меда» (Ilias, I, 249). Смешанный в амфоре мед с мякиной принесен в дар Аполлону Борею Отчему (вотив середины VI в. из Ольвии [ОХБ, с. 17, № 17]). Критику мнения Л. Дюбуа, что упомянутый в стк. 1 поэт – любимый в Ольвии Гомер, см. выше.

([Ἀχι]λῆι стк. 6, см. ниже); праздные рабы; жрец Иетра; ловцы лошадей. Очевидный протагонист здесь тот, которому предназначалось оружие для поражения врагов. Из упомянутых в надписи персонажей это может быть, во-первых, Геракл. В его пользу могут свидетельствовать следующие лексические и формульные элементы надписи, также параллельные данные других поэтических произведений. Формула стк. 5 надписи χαλκῆ νηλῆ «безжалостное / губительное оружие» (вин. падеж) эпическая по происхождению;⁸⁰ Гесиод употребляет ее в пассаже об убийстве чудовищной Гидры Гераклом (Theog. 316). Протагонист ольвийского гимна, по смыслу его поражающий врага, несомненный воин; и в мифологии Геракла есть воинский эпизод – во главе отряда на 6 кораблях он приплыл в Трою и разрушил ее (Ilias, V, 638–642), видимо, по причине этого и своей неборимой силы он считался покровителем воинства и военного дела.⁸¹ Строители прясы и башен оборонительных стен Ольвии III–II вв. до н. э. Клеомброты, дед и внук, посвятили их Гераклу [IOSPE I² 179, 188; ОХБ, с. 412–414]; тогда же отбывший должность гимнасиарха Никодром посвятил ему и Гермесу статую как покровителям спорта (IOSPE I² 186). Но в Ольвии этот культ Геракла, отраженный в указанных надписях, поздний относительно VI в. – он эллинистический. Вообще культ Геракла тут маргинальный, сведений крайне мало [Снытко, 2017, с. 195–201]. Есть существенное обстоятельство, которое препятствует идентификации героя ольвийской надписи с Гераклом – упомянутая просьба поэта к божеству дать меда и хлеба означает, что оно – божество плодородия. Это вполне явствует из гомеровских гимнов к Деметре и Солнцу, из которых ольвийский поэт, как показано, позаимствовал формулировку просьбы: плодородие этих божеств – лейтмотив гимнов в их честь. Важнейший показатель культа божества плодородия – его терракотовые изображения; в Крыму таких статуэток Геракла много, а в Ольвии найдено всего несколько обломков, которые с допущением можно атрибутировать ему, да и те не архаического времени [Русяева, 1982, с. 107–108]. Нет сомнений, что Геракл исследуемой надписи – персонаж переданного Геродотом (IV, 8–10) ольвийского предания о прибытии этого героя в Гилею, где он сошелся с полудевой-полузмеей Ехидной и от них произошли первопродки скифов, гелонов, агафирсов. Давно считается, что это хтонический Геракл, причем скифского туземного происхождения [Толстой, 1966, с. 234 сл., лит.; Скржинская, 2011, с. 469–476, лит.]. По нашему же мнению, Геродотово предание развивает архаическое греческое представление об Ехидне и Тифоне, пространно изложенное Гесиодом (Theog. 306 sq.); Геродот как

⁸⁰ Всегда *dat. instrumenti* – νηλέϊ χαλκῶ: Антиной грозит Иру обрезать нос да уши «губительной медью» (Od. XVIII, 85); Агамемнон зарезал ею жертвенного барашка (Ilias, III, 292); Еврикля винится перед Пенелопой: можешь убить меня «безжалостной медью» (Od. IV, 743).

⁸¹ Успешно завершив поход против гетов, Александр Македонский принес жертвы Зевсу Спасителю, Гераклу и Истру за благополучную переправу через реку (Arriani Anab. I, 4, 5); перед выступлением войска из Тира он принес жертвы Гераклу и устроил гимназические да мусические состязания (Ib. III, 6, 1). Перед выступлением своего войска в поход Ксенофонт принес жертвы Гераклу Гегемону, сиречь Водителю (Xen. Anab. VI, 2, 15).

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

раз и говорит, что это предание эллинов с Понта, т. е. ольвиополитов. На наш взгляд, Ехидна в нем – ипостась гесиодовской Гекаты, Геракл – паредра гесиодова Тифона, божества колоссальных природных сил подземья: землетрясений, извержений вулканов и пр.; по Гекате также Геракл – божество подземного мира, пристанища мертвых [Яйленко, 2013, с. 23–29]. Именно этот Геракл упомянут в ольвийском гимне к Гилее, и к божествам плодородия он не имеет прямого отношения. Итак, Геракл вряд ли герой нашего гимна. Прежде чем продолжить поиск героя, следует отметить важную специфику ольвийского гимна.

Имея несомненные отмеченные признаки гимна, ольвийское произведение вместе с тем обладает рядом признаков, отличающих его от гомеровских гимнов. Самая важная в этом плане его черта – историзм, гимн повествует о событиях исторического характера: некий враг произвел разрушения в Гилее, в том числе алтарей почитавшихся там богов, но божество, которому посвящен гимн, нанесло им поражение. Мажорный, высоко оптимистический настрой – непереносимое свойство гимнов, поэтому отсюда следует, что в результате победы последствия разрушений ликвидированы. Своим историзмом ольвийский гимн существенно отличается от традиционного гимна к богам, целиком мифологического по содержанию. Разворот от мифа к истории и современности (если не брать лирику) хорошо обозначен торжественной одической поэзией Пиндара, который обычно называет свои произведения гимнами. По Пиндару, мифология находится в противоречии с действительностью: «многие рассказы о чудесном, где-то и людская молва, довлеют над словом истины; искусно расцвеченные вымыслы (μῦθοι) обманывают. Вот Харита искусно сочиняет все, что приятно смертным, все по чести, а *на самом деле* выдает⁸² неверное за верное; часто это случается, но текущие дни (т. е. современность: ἀμέραι ἐπίλοιποι) – самые разумные свидетели» (Ol. I, 27–34). Таким образом, Пиндар предпочитает мифоподобным вымыслам действительность и потому вводит в гимнографию своих выдающихся современников, – он спрашивает: «гимны *мои*, подвластные форминге, какого бога, какого героя, какого мужа станем мы воспевать?» (Ol. II, 1-2: ἀναξίφορμιγγες ὕμνοι, τίνα θεόν, τίνα ἥρωα, τίνα δ' ἄνδρα κελαδῆσομεν;). Отдавая должное богам и героям, он величает выдающихся людей своего времени – царей, тиранов, победителей различных состязаний и их деяния: «мой удел венчать его (Гиерона) конским номом, эолийским напевом – не зазорно ведь пользоваться чужим: никого иного равно сведущего в прекрасном и господствующего по силе мы не возвеличим славными переливами своих гимнов» (Ol. I, 100–105). Итак, в гимнах Пиндара отдано должное богам, героям, но в основном реальным людям и их выдающимся деяниям, обильное мифологическое и легендарное у него – непереносимое средство поэтизации современников. В этом и заключается историзм гимнов Пиндара.

⁸² Дословно Пиндар выразился почти по-аристофановски: «извергает, выблевывает» (ἐμῆστο, *aor. hist.*).

Ольвийский гимн традиционно тоже обращен к божеству, что удостоверяется свойственной традиционным гимнам просьбой к нему дать что-либо поэту (в нашем случае – меда и хлеба), также упоминанием алтарей, сакральной зоны ольвиополитов Гилеи, наконец, 4-5 поименованных богов. Наряду с этим мифологическим материалом в ольвийском гимне фигурируют некий муж-кузнец, выковывающий оружие, обслуживающий персонал святилищ(а) Гилеи – праздные рабы, ловцы лошадей, элементы ее природы – сосны, ивы; все это антураж служебного характера, как у Пиндара, и он, антураж, соединяет мифологию гимна с ольвийской культовой реальностью. В начале гимна я дополнил в лакуне имя Матери, упоминаемой в стк. 8, но протагонист его, как сказано, не она, что явствует из ее распоряжения поэту воспеть что-то или кого-то. В связи с этим решающее значение имеет бряцающее в стк. 4–6 смертоносное оружие: «муж священного острова выковал и отослал, как подобает, оружие медное, безжалостное -- оттуда в сию Гилею». Это определенная аллюзия к XVIII песне «Илиады», в которой по просьбе Фетиды Гефест в своей кузнице на Олимпе выковывает доспех и оружие для Ахилла (стт. 468 сл.). Что автор ольвийского гимна ориентировался в данном случае на «Илиаду», показывает употребление им упомянутой выше гомеровской формулы χαλκῆ νηλῆ «безжалостное / губительное оружие» (асс.). Поэты и писатели воспевали оружие Ахилла, он покровитель воинов (после «Илиады» это ритор IV в. до н. э. Антисфен [Аях, р. 664], Геродиан [Rhet. 172, 14], и др. [Буйских, 2008, с. 41]), в том числе в Ольвии, где на одном граффито V в. с Бейкуша он изображен в гоплитском вооружении, на других с его инициалом изображены махайра, стрелы [Буйских, 2008, с. 37–42; ОХБ, с. 106]. Именно в связи с Ахиллом можно понять упоминание в гимне ловцов коней ([ο]ῖ θηρευταί) – он сражался под Троей на колеснице, запряженной божественными конями Ксанфом и Балием (Ilias, XIV, 149–154; XIX, 404 sq. и др.), потому и почитался как конник (Paus. X, 13, 5); на Ахиллодроме по повелению Пифии в честь Ахилла проводились конные ристания (IOSPE I² 34, стк. 30, время Августа). В то же время нижебужский Ахилл – туземное божество земного плодородия, о чем определенно свидетельствует надпись второй половины VI в. на амулете с Бейкуша, сделанная неким Агротом: ἰή, Ἀγρότος στέλλη Ἀχιλλεῖ οἰκόθεν «о! да посылает Агрот Ахиллу из хозяйства»; нарисованные под надписью три колоска разъясняют нам, что Агрот надеется прислать богу начатки урожая зерновых, и это вполне характеризует Ахилла как божество аграрного плодородия.⁸³ Да и само имя Ἀγρότος «говорящее» = ἀγρότης «крестьянин». Отметим в связи с этим также, что κριθ[αί] «хлеб» стк. 1 гимна имеет соответствие в поговорке Ἀχιλλεῖοι κριθαί «Ахилловы хлеба» – о простом хлебе (Aristoph. Equites, 819; Suidas, s. n. Ἀχιλλεῖων); упоминанию в стк. 11 гимна «деревьев» соответствует ряд вотивов с Бейкушского святилища хтонического Ахилла VI–V вв., на которых изображены рядом с его инициалом «ёлочки» [ОХБ, с. 106–107]. Наконец, примечательно, что

⁸³ [Яйленко, 2013, с. 77–82; ОХБ, с. 104–108]. Ср. посвящение начатков (ἀπαρχαί) Афине [Friedländer, 1948, p. 116].

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

ольвийский поэт употребил в своем гимне гомеровскую формулу ἐπιτέλλεις πέμπων из «Илиады» (XXIV, 780), относящуюся именно к Ахиллу (Приам говорит, что Ахилл πέμπων μὲ ὅδε ἐπέτελλε «отпуская, обещал мне так», см. и ниже).

Немаловажно, что в кратком описании «Островов блаженных» у Пиндара (Ol. II, 70–80) фигурируют деревья, остров, «туда и Ахилла перенесла мать, когда она тронула сердце Зевеса своими мольбами». Все это есть и в ольвийском гимне – деревья (стк. 11), остров (стк. 4: νῆσ[ου]), наконец, Мать богов (стк. 8), она же Великая Мать – хтоническое божество; а мать Ахилла Фетида по происхождению тоже хтоническое божество. Указавший на это В. Н. Топоров [1990, с. 68–70] оперировал понятием «бездна» как место ее «прописки» да родственными связями. Дополним его данные сведениями Павсания (III, 22, 2): в Лакедемоне близ города Гитиона расположены рядом святилища Афродиты Спаривающей, Фетиды, Диониса, это явная хтоническая триада; еще одна такая триада: у расселин в Олимпии находятся святилища Геи, Фетиды, оракул Матери (V, 14, 10); на «ларце Кипсела» VII в. у Фетиды рука в виде змеи (V, 18, 5). Показательно название посвященной Фетиде приморской местности на полуострове Магнесия в Фессалии Σητιάς – оно связано со словом σητιά «морская каракатица» [Herod. VII, 191; Pape, Benseler, 1884, S. 1377], по происхождению его значение «змея», ср. σητεδών – разновидность змеи (Nicandri Ther. 327 и др.). В контексте с Ахиллом у Фетиды обычна эпikleза «мать» (μήτηρ, – Πας, XVIII, 70, 79; Od. XXIV, 55, 85 etc.; Pind. Ol. II, 80 etc.), и этимологически ее имя связано с «детскими» словами τηθίς «тетка», τήθη «бабушка», которые в том числе имели значение «мать» и даже «мать-земля».⁸⁴ Все эти данные показывают, что по происхождению у Фетиды функции богини плодородия – земли и подземных вод, так что понятие «матери» у нее изначальное. Все это присутствует также в культе Великой Матери, она обобщает собой образ Матери вообще, поэтому ввиду функциональной близости можно предполагать, что культ Великой Матери в Гилее вообрал в себя в числе прочего также почитание Фетиды.⁸⁵ Это тем более так, что устройство сакральной зоны Ахилла в Нижнем Побужье и на о-ве Левка было произведено именно ею.⁸⁶

⁸⁴ Согласно «Большому этимологикону» (27, 24), у киренян слово αἶα «земля» равнозначно словам τηθίς и μαῖα «мать», а у критян и обозначение плодоносного растения вообще. Это указание на семантику имени Θέτις «мать-земля»; через понятие «подземной воды» в гомеровском эпосе Фетида уже и морская богиня.

⁸⁵ Принимая во внимание исключительную важность культа Ахилла в тысячелетней истории Ольвии, вопрос о почитании там его матери может быть темой отдельного исследования. Материалом служат граффити V в. со святилища Матери в Ольвии [Русяева, 2010, с. 56–62, лит.] и те рассказы античных писателей об Ахилле в Северном Причерноморье, в которых фигурирует Фетида, как, например, у Филострата [SC 1, p. 638].

⁸⁶ Согласно Филострату [SC 1, p. 638], по просьбе Фетиды Посейдон поднял из глубины моря остров для Ахилла и Елены. Это не поздняя инвенция, так как у Еврипида (Androm. 1255 sq.) тоже ощущается рука Фетиды в устройстве посмертного обиталища Ахилла. Явившаяся старику Пелею, когда-то ее мужу, Фетида распоряжается его судьбой: я заберу тебя в свой дом в пучине морской, ты станешь богом

Фетида могла отдать распоряжение ольвийскому поэту воспеть только одного – своего сына Ахилла, почитавшегося в Гилее. Это ожидаемое литературное решение: отдающая распоряжения Фетида изображена и Еврипидом в упомянутом эпизоде «Андромахи» (ст. 1231 сл.): после убийства Орестом сына Ахилла Неоптолема она является безутешному старцу Пелею и вершит его дальнейшую судьбу. Все изложенные обстоятельства дают основание связать основное содержание ольвийского гимна с Ахиллом. Поэтому предположительно восстанавливаем в начале стк. 6 его имя: [Ἀχιλλῆι «Ахиллу»] (контекст см. ниже). Вместо имени Матери в стк. 1-2 ввиду сказанного могло быть имя Фетиды (Θέτις), но, уяснив ее исходные хтонические функции богини плодородия и предположив, что ее образ мог быть составной частью почитаемой в Гилее Матери (богов), ограничимся условным дополнением в лакуне стк. 1 [θεὰ Μηῆτερ]. В упомянутом разговоре Фетиды и Ахилла XVIII песни «Илиады» есть и θεὰ Θέτις и вокатив Μηῆτερ – обращение Ахилла к матери (ст. 79, 127), контаминируем их в гимне. После разговора с сыном Фетида отправилась на Олимп, где Гефест стал ковать для Ахилла оружие. Мы уже отметили, что ольвийский поэт, говоря в стк. 4–6 о смертоносном оружии («муж священного острова выковал и отослал, как подобает, оружие медное, безжалостное -- отсюда в сию Гилею»), определенно вдохновлялся XVIII песнью «Илиады»: его χαλκῇ νηλῇ – гомеровская формула. В связи с этим упомяну найденную в Ольвии терракотовую группу IV в. до н. э.: Фетида с развевающимся плащом несется на гиппокампе и в руке у нее меч – как раз тот, что выковал Гефест, она везет его Ахиллу под Трою [Русяева, 1982, с. 91–93]. Упомянем также ольвийское посвящение I–II вв. н.э. «Ахиллу Понтарху и Фетиде» (IOSPE I² 142).

Как сказано, гимн как жанр, возникший в недрах культовых действ и потому связанный с божеством, всегда мажорен, ибо его задача – прославление бога, которому он посвящен. По этой причине «порухенные алтари», стк. 7, и «непригодные деревья», стк. 11, должны быть вставлены в положительный контекст посредством заполнения лакун, что и реализуем далее в реконструкции гимна.

Выяснив в общих чертах то содержание, которое должно быть представлено в ольвийском гимне, а также его мажорный, оптимистический характер (прославление божества), резюмируем: возможный герой гимна – Ахилл.⁸⁷ До сих пор связь его с

и узришь (эпич. ὄψει) «нашего сына Ахилла, обитающего на островных домах Левки да побережья Евксинского моря». Тут дома Фетиды и Ахилла мыслятся в такой близости, что из одного виден другой. По гомеровской традиции, когда Ахилл пал в бою, из моря поднялась Фетида и с девятью Музами оплакала его; затем ахейцы сожгли труп и захоронили под большим насыпным холмом над Геллеспонтом (Od. XXIV, 36 sq.). В «Эфиопиде», эпической поэме милетского поэта VIII в. Арктина, согласно рассказу «Одиссеи», Фетида вместе с Музами и сестрами-нереидами оплакивает сына, но когда запыхал погребальный костер, «она из огня выхватила сына и перенесла на остров Левку» [Kinkel, 1877, p. 34]. О мотиве Ахилла и Елены см. [Хайнд, 1994, с. 121–126]; образ Фетиды у Гомера (мы его кратко обрисовали) и его развитие у Алкмана [Денисова, 2016, с. 47–62].

⁸⁷ Литература о культе Ахилла на Левке и в Нижнем Побужье большая, лучший анализ литературных известий [Hedreen, 1991, p. 313–330]; интересна новыми идеями об Ахилле, в частности, сопоставлении

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

Гилеей документировалась посвятителной надписью IV в. до н. э. ему на алтаре, найденном на п-ве Кинбурн (IOSPE I² 327, о ней [ОХБ, с. 612]). Более значимы в отношении датировки свидетельства Страбона и Птолемея, из которых явствует, что Гилея посвящена Ахиллу и она же именуется Рощей Гекаты.⁸⁸ Выше, говоря о почитаемом в Гилее Геракле, мы отметили генетическое единство его с Тифоном в паре с Ехидной-Гекатой. Это означает, что Геката изначально почиталась в Гилее. Ахилл тоже паредр гилейского Геракла: оба они там божества подземного мира, как царства мертвых. Давно замечено, что Геракл Гомера и Гесиода исключительно борец с чудовищами, и эпизод с укрощением сторожа в подземном царстве мертвых Кербера характеризует Геракла как катахтоника. Это древнейшая функция, так что Ахилл-катахтоник, как очевидный паредр Геракла, почитался в Гилее изначально.

Итак, из нескольких источников следует, что в Гилее издревле почитались одно женское божество и 3-4 мужских. Женское божество фигурирует в нашей надписи как Матерь богов, но у нее в Гилее несколько ипостасей – Геката (Страбон), Ехидна (Геродот), возможно, Фетида. На святилище Матери в Ольвии найдено граффито первой половины V в. [Μ]ητρί Θεῶν μεδεῶσ[η] Ὑλαί[ης] «Матери богов, владычице Гилеи» [Русяева, 2010, с. 57] (реконструкция уверенна, поскольку текст формульный). Это означает, что верховным божеством пантеона Гилеи была Матерь, также из рассказа Геродота (IV, 76) следует, что она посвящена Матери богов; по этой причине обращение 2-го лица ἐπιτέλλεις «ты велишь» в стк. 2 резонно связывать с нею, в связи с чем дополняем в стк. 1 ее имя. Мужские божества, почитаемые в Гилее и упомянутые в гимне, – Борисфен, Геракл, Иетр, вероятно, Ахилл ([Αχι]λῆι стк. 6). Важная в содержательном отношении тема – изготовление оружия и пересылка его в Гилею (стк. 4–6) – определенно свидетельствует о воинском характере воспеваемого гимном божества, которым из перечисленных богов может быть только Ахилл. Геракл не соответствует, во-первых, потому, что в Гилее почитался лишь как божество подземного мира мертвых, во-вторых, не имеет отношения к Матери. Все

ем его с Аполлоном Гиперборейским, дипломная (!) работа Ги Смута [Smoot, 2008]; археологические, эпиграфические данные, вазопись [Pinney, 1983, р. 127–146; Охотников, Островерхов, 1993; Русяева, 2006, с. 98–123; Снытко, 2009, с. 365–371]. Все же, поскольку Ахилл прямо не назван в надписи (дополняя его имя в стк. 6), осторожней называть это произведение гимном к Гилее.

⁸⁸ Описание Страбона: «За островом, лежащим перед *рекой* Борисфен [это Березань, которую Страбон упомянул ранее, в начале § 17], сейчас к востоку *идет* морской путь к мысу Ахиллова бега, это место лишено растительности, но называется рощей (ἄλσος) и посвящено Ахиллу [т. е. это Гилея]. Затем *следует* Ахиллов бег – выдающийся в море полуостров, это узкая коса длиной в 1000 стадий по направлению к востоку». Как видно, пользовавшийся каким-то Периплом Страбон сначала пишет о плавании (от Ольвии) к западному мысу Кинбурнского полуострова, затем к Тендровской косе. Птолемей (Geogr. V, 3, 2) дал подобный перечень: за устьем Борисфена и Гипаниса «Роща Гекаты и мыс [это Гилея], перешеек Ахиллова бега [это перемычка Тендры и Кинбурна, либо Тендры и Джарылгача, ср. Ps. -Arr. Per. 84], западный мыс Ахиллова бега, который называется «Священным мысом»». Сказанное о западном мысе Кинбурна как «священном острове» Ахилла подтверждается найденным там вотивом ему IV в. до н. э. IOSPE I² 327. Ср. рис. 5 – современный пейзаж Кинбурна.

изложенные данные позволяют думать, что в invocatio гимна (стк. 1–4) фигурируют Мать и Ахилл, а его основное содержание, narratio стк. 4–12 с его темами оружия и разрушений, связано с Ахиллом. Исходя из этого вывода, строим свое понимание развития действия в гимне, в том числе содержательную сторону предлагаемых дополнений лакун в тексте надписи.

Отметим также, что наш гимн не единственное в Ольвии стихотворное произведение, связанное с Ахиллом: по свидетельству Арриана (Рег. 32), в его храме на Левке есть посвященные ему надписи на греческом и латинском языке, которые составлены разными стихотворными размерами. По Филострату (Heroicus, XIX, 17), многие, кто провел ночь на корабле у Левки, слышали песни Ахилла и Елены: они «пируют и занимаются пением, именно воспевают свою взаимную любовь, гомеровские песни о Трое и самого Гомера; ибо Ахилл еще наслаждается поэтическим дарованием, переданным ему Каллиопою ... его песнь о Гомере божественна и полна поэзии» (пер. SC 1, р. 639).⁸⁹ Филострат привел текст этой эпиграммы, написанной от имени Ахилла, и по прославлению Гомера в ней можно заключить, что она создана ольвийским поэтом, так как из городов Северо-Западного Понта именно Ольвия славна культом Гомера; поскольку ее протекторат над Левкой завершился в III в. до н. э., это, скорее всего, произведение IV–III вв.

Уяснив вышеизложенное, обратимся к построчному анализу надписи. Стк. 1–4 составляют вступление к гимну с invocatio к божеству, текст с новыми дополнениями лакун и перестройкой прежних таков:

[ε. g. ὦ θεός, | ὕμνοθέτη μέλι | καὶ κριθῶν | ἄς μὲν ὄψαζε
 δι' ὕμνο ο]ῦν | ὥς ἐπιτέλλεις | πέμπ[ων | νίκας | υἱοῦ
 ἄσαι | τὰς τῶ|πους θεο|ποιήτους| πὲρ γ[ὲ λό|γων μὲν |
 ροῆι] ρα | κρηναί|η·

«О богиня, слагателю гимнов меда и хлеба дай же || за песнь-то, коль велишь ты, отсылая, победы сына || воспеть, богозданные весьма, сей песни слов потоком ключевым». В υἱοῦ дифтонг ου идет за краткий слог, поскольку следующее слово начинается с гласной (ἄσαι). Метрика стк. 1: [– ˘ ˘ | –] ˘ ˘ | –// ˘ ˘\ | –// – [– ˘ ˘ | – ˘], в третьей и четвертой стопах цезура (обозначаем двойными косыми влево), в третьей стопе еще и диэрезь – совпадение конца слова с концом стопы (обозначена двойными косыми вправо).⁹⁰ Метрика стк. 2–4: [= =] | –// ˘ ˘ | – –\ | – [–\ | – – | – ˘ || 3 – – | –] – | –// ˘ ˘ | – –\ | – ˘ ˘ | – ˘ || = –\ | – – | –.

Почти все гомеровские гимны к богам начинаются с их имен в стк. 1 (например, гимн XIII к Матери богов: Μητέρα μοι πάντων τε θεῶν κτλ «Мать всех богов и всех людей, воспой мне гимном, звонкая Муза»). В гомеровских гимнах зачин

⁸⁹ Мотив взаимной любви Ахилла и Елены, внушенной Афродитой и Фетидой, древний, представлен уже в постгомеровской поэме «Киприи» [Kinkel, 1877, р. 20].

⁹⁰ В надписи много цезур – мужских, женских, седмин (после 7-й стопы), не показываем их специальными знаками, дабы не загромождать метрическую схему, т. е. ограничиваемся просто знаком цезуры //.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

часто обращен к Музе (например, III, 1: «Муза, расскажи мне ...»). Со словом ὑμνοθέτης контексты таковы. Эпиграмма Мелеагра начинается с обращения к Музе и упоминания поэтов- ὑμνοθέται: «Милая Муза, кому несешь ты эту многоплодную (πάγκαρπον) песнь», от нее (Музы) венок у слагателей гимнов (Anth. Graeca, IV, 1, 1-2). В эпиграмматике художественный дар «слагателя гимнов» соединяется с Музой (Музами) и Гермесом. Anth. Graeca, IV, 1, 44: песенный дар у слагателя гимнов от Гермеса; Ib. VII, 428, 16: Музы вдохновители слагателей гимнов. По Феокриту (Epigr. 11), слагатель гимнов – друг божественного. Однако Музы дают поэту вдохновение, а ольвийский стихотворец в начале гимна просит у божества, по аллюзии с Демодокком на пиру у Алкиноя, материальных яств для насыщения – меда да хлеба. Прямой адресат для такой просьбы Деметра (она ипостась Матери богов), см. ниже. Слово ὑμνοθέτης поэтическое, редкое, доныне известное поэтам эллинистической и римской эпиграмматике, также лексикографам, схолиастам; ольвийская надпись удревяет его узус до VI в. Датив [ὕμ]νοθέτῃ в ольвийском гимне без *иоты*, что обычно для ионийской эпиграфики [Thumb, Scherer, 1959, S. 254], в том числе ольвийской [ОХБ, с. 33, 34, 43, 78, 337].

Дополнение стк. 1 должно следовать двум условиям – включать имя божества и слово δός, δίδου, ὅπαζε «дай», предусматриваемое просьбой поэта о награде. Поскольку адресат гимна в точности не известен, возможны разные варианты, также вариативно размещение имени божества и слова δός, δίδου или ὅπαζε на разных позициях в пределах стк. 1-2. Раньше я дополнил в лакунах конца стк. 1 – начала стк. 2 κριθ[ὰς ὀπάσεις μὲν || ἀντ' ὧδῆς ο]ῦν «хлеба *ниспошли* || в *воздаянье за песнь-то*», почти дословно воспроизведя стих гомеровского гимна к Деметре (V, 494) и Гелиосу (XXXI, 17): πρόφρων ἀντ' ὧδῆς βίοντον θυμῆρε ὅπαζε «благодарно пошли вкусный хлеб в *воздаянье за песнь*». Однако в лакуне начала стк. 2 [ἀντ' ὧδῆς ο]ῦν дополнил 8 букв, что больше допустимого предела в 7 букв; ввиду этого перекраиваю дополнение лакун в конце стк. 1 и начале стк. 2, чтобы передать этот же смысл более короткими словами: κριθ[ὰς μὲν ὀπ|αζε || δι' ὕμνῳ ο]ῦν «хлеба *дай же* || *за песнь-то*». В гомеровских гимнах просьба к божеству дать что-либо поэту присутствует в заключительной части, подразумеваясь наградой за него.⁹¹ Но ольвийский поэт мог ориентироваться на эпизод «Одиссеи» с певцом Демодокком, который сперва получает питье и еду, затем приступает к исполнению песни (VIII, 483–485, 499 сл.). Согласно «Каталогу женщин» Гесиода, Демодок получил от царей «многие и славные дары» (fr. 55 = Kinkel, 1877, p. 108). Как сказано, перемещение просьбы к божеству дать что-либо поэту в самое начало

⁹¹ Так ὅπαζε стоит в конце гимна к Деметре (V, 494), к Гелиосу (XXXI, 17 – в третьей от конца строке), в гимне к Гермесу – в середине (II, 120). Аористный императив δός «дай» более употребителен в гомеровских гимнах: ἀλλὰ σὺ θάρσος δός «но ты дай смелости» (VIII, 16, к Аресу); δός δ' ἱμερόεσσαν ἀοιδίην «дай желанную песнь» (X, 5, к Афродите); δός δ' ἄμμε τύχην «дай нам удачу» (XI, 5, к Афине). Тут δός или δίδου (XV, 9) тоже располагаются в конце гимна.

гимна обусловлено воздействием лирики архаического времени, в которой это обычная ее позиция. То же и у Пиндара: просьба с ὄλαζε стоит в стк. 9 Немейской оды III (в целом там 84 стиха).

Теперь об имени божества, которое должно упоминаться в самом начале гимна. Поскольку в сохранным тексте ольвийского гимна оно явно не выражено, как сказано, возможны разные догадки о нем. Ранее ввиду указанной параллели из гимна к Деметре и упоминания Матери в стк. 8 надписи (Деметра ее ипостась) я дополнил ее имя в начале стк. 1: [Μῆτερ, ὕμ]νοθέτη «Матерь, слагателю гимна», считая в вокативе [Μῆτερ] два долгих, так как краткая гласная может удлиниться и перед одиночной сонорной (пример с *po*: κα|κὰ ρέ|ζουσι (Pias, IV, 32) – *альфа* перед *po* долгая).⁹² Для соответствия более общей норме можно переместить теоним в конец строки: καὶ κριθ|[άς, θεὰ | Μῆτερ,] «и хлеба, богиня Мать». Формула «имя богини + θεὰ» (также с перестановкой этих членов) обычна в гомеровских гимнах, вот примеры из гимнов к Деметре: Δήμητρ '... θεόν (IV, 1; XII, 1); в гимне к Матери ее эпитет σεμνή θεὰ «благочестивая богиня» (XXX, 16). В связи со сделанным выше предположением, что под Матерью стк. 8 надписи может подразумеваться Фетида, возможно дополнение и ее имени: καὶ κριθ|[άς τε, Θέ|τι, δός] (*iota* ее имени долгая); в таком случае лакуна начала стк. 1 заполняется, к примеру, ее эпиклесой [Μῆτερ,]. Как сказано, ольвийский гимн может быть обращен и к самому Ахиллу, без опосредованной роли его матери, в таком случае следующее чтение стк. 1: [σεμνῶ | ὕμ]νοθέ|τη μέλι | καὶ κριθ|[άς, Ἀχι|λεύ, δός] «благочестивому слагателю гимнов меда и хлеба дай, Ахилл». Ежели кто-то увидит в протагонисте гимна Геракла, возможно и чтение вокативной формы его имени: κριθ|[άς, Ἥ|ρακλες,] «хлеба, Геракл». Ввиду неясности теперь не ввожу в начало гимна имя конкретного божества, ограничившись общим словом θεός «бог», «богиня». Но в дальнейшей реконструкции текста исхожу из обоснованного выше заключения, что протагонист гимна Ахилл, так что ὦ θεός «о богиня» – это Фетида (ср. Od. XXIV, 91-92: θεὰ. . . Θέτις), отсюда и дополнение слова υἱός в стк. 2 и 5.

В статье 2015 г. я читал в стк. 2 – начале стк. 4: ὥς ἐπ|τέλλεις | πέμπ[ων – ~ || -- ἐ]ς | τόπους θεοποιήτους περι[-- роῖ -- | –]ρα κρηναίη· «потому как велишь ты, отослав -- || -- в богозданные местности вокруг --, *поток* || -- ключевой», и полагал, что поэт мысленно исполнил повеление божества отправиться в Гилею или на Лемнос. Понимание выражения ἐπιτέλλεις πέμπ[ων] я воспринял у Л. Дюбуа: «ты велишь, отпуская», ибо оно согласуется со словами следующей строки [ἐ]ς τόπους θεοποιήτους «в богозданные местности». Но в таком случае выражение [ἐ]ς τόπους не дает дактиля или спондея – первый *омикрон* повисает между двумя долгими слогами. Поскольку произведение бесспорно составлено гекзаметром, сие означает, что текст ΣΤΟΠΟΥΣ

⁹² Как сказано, формула πρόφρων ἀντ' ὧδῆς βίονος θυμῆρε ὄλαζε есть и в гимне к Гелиосу (XXXI, 17), но этот бог не вписывается в контекст ольвийской надписи, ибо в Гилее не почитался.

прочтен неточно: это не [ἐ]ς τόπους. Логично для гимна тут следует иное чтение: [--]ς τόπους, т. е. *gen.* τῷ = τοῦ ἔπεος «этой песни», в красисе с артиклем и слиянием εο в ου (*gen.* ἔπους обычен).⁹³ Отметим, что под словом τὰ ἔπεα (pl.) «слова, словеса; песни» античные греки понимали дактилическую стиховую метрику [Толстой, 1966, с. 194]. В стк. 2 ὥς с индикативом ἐπιτέλλεις выражает причину – «дай, потому как велишь ты... » (ср. [Нидерле, 1880, с. 269–270]).

Глагол ἐπιτέλλειν поэтический, употребляется лишь в поэзии (проник в прозу только в позднеантичное время). Выражение ἐπιτέλλεις πέμπων – рецитация из «Илиады» (XXIV, 780): πέμπων μὲν ὃδε ἐπέτελλε «отпуская, обещал мне так».⁹⁴ Авторы LSJ (s. v. ἐπιτέλλω) обозначили его конструкцию – плюс инфинитив глагола и дательный падеж личного местоимения. С дополнением глагола в нашей надписи проблем нет: почти все гомеровские гимны содержат в начальных строках глаголы ὑμνέω, αἰεῖδω «пою», ἐνέπω «рассказываю» (II, 1; III, 1; IV, 1 и т. д.; у Пиндара еще αἰνεῖν, ἐπαινεῖν «восхвалять, прославлять»), ибо это существо гимна как поэтического жанра, призванного воспевать божество. Ввиду этого дополняю глагол αἰεῖδω, по условиям метра его форму *inf. aor.* ᾄσαι «воспеть». Слова ὑμνος и αἰεῖδω, можно сказать, парные, – настолько часто их совместное употребление.⁹⁵ Упомянутые глаголы гомеровских гимнов стоят в личной или инфинитивной форме, имя божества при них обычно ставится в вин. падеже. В ольвийском гимне упомянутая конструкция дана с формой 2-го лица ἐπιτέλλεις «ты велишь», которая указывает, во-первых, на наличие в предшествующем тексте имени божества (у нас это вокатив [θεῶν Μῆτερ] стк. 1 и другие варианты), во-вторых, на несколько иное смысловое построение: ὥς ἐπιτέλλεις πέμπ[ων] σεμνῶς ᾄσαι --] «ибо велишь ты, отослав, торжественно воспеть», т. е. в гимне поется не о самом божестве, но оно ведет что-то или кого-то воспеть.⁹⁶

Теперь обратимся к пониманию стк. 3-4. В коротком тексте стк. 3 сохранились лишь два содержательных слова – ἔπος «песня» (*gen. τόπος in crasi*) и θεοποίητος «сотворенный божеством, богозданный». Первое общеупотребительно, второе упоминается с десятков раз – Исократом («богозданно» государственное устройство), схолиями к Гомеру («богозданные» стены Трои) и к Феокриту (башня);

⁹³ Дифтонг ou передается в нашей надписи и через ō: gen. ἰρῶ стк. 4, (Ἰ)ητρῶ стк. 10.

⁹⁴ Л. Дюбуа привлек сюда и XI, 765-766: ἐπιτέλλε ... πέμπε [Dubois, 1996, p. 58]. В обоих местах «Илиады» причастием πέμπων «отпускающая» и личной формой πέμπε «отпускает» указано, что действующее лицо отпускает от себя собеседника – Ахилл Приама, Менетий Патрокла. Так и в ольвийском гимне πέμπων «отпускающая» означает, что богиня отпускает поэта от себя; 2-е лицо ἐπιτέλλεις «ты велишь» прямо указывает на непосредственное собеседование богини да поэта, и данное обстоятельство еще раз свидетельствует, что в предшествующей стк. 1 было имя бога.

⁹⁵ Hymni Hom. I, 161: ὕμνον ἀείδουσιν. *Theognis*, 993: ὕμνον ἀείδειν. Apoll. Rhod. II, 161: ὕμνον ᾄδον. *Eustathii* comm. in Iliadem, vol. I, p. 212, 14: ὕμνον ᾄδοντες, это же у Дидима. Также Платон (*Leges* 947 b 7), Феокрит (*Bucol.* I, 61) и др.

⁹⁶ Если же дополнять в стк. 1 имя протагониста гимна – Ахилла или Геракла, тогда повеление «воспеть» может относиться к их победам, о которых см. ниже.

у Евсевия это «богоданные перемены», у Иоанна Хрисостома «богозданное формирование», у Афанасия «богозданной рукой сотворенное». Таким образом, узус слова θεοποίητος разнообразен, относится к сфере и конкретных понятий, и абстрактных, в целом употребление его определяется контекстом. Из сохранного текста ольвийской надписи явствует, что какая-то враждебная внешняя сила нанесла урон Гилее и ее святилищам (повредить алтари мог только враг). Поскольку выше мы заключили, что гимн, скорее всего, посвящен Ахиллу и что в нем Фетида может быть контаминирована с Матерью и поскольку гимн в честь божества всегда оптимистичен, а также принимая во внимание, что далее в гимне упоминаются причиненные врагом разрушения, резонно полагать, что содержательное существо произведения состоит в победе Ахилла над врагом и восстановлении разрушенного. Это дает основание дополнить в лакунах конца стк. 2 и начала стк. 3: [νίκας υἱοῦ || ᾄσαι τὰς] τῶν θεοποιήτων πέρ «эти победы сына || воспеть сей песнью, богозданные весьма». «Воспеть победы» (νίκας ᾄσαι) – задача гимнографов V в. Пиндара, Вакхилида, и схолиасты первого констатируют (цитируем по TLG): ὑπὸ τῆς νίκης ... ὕμνοι «гимны ... за победу» (in Pyth. II, scholion 8, 2; также in Nem I, schol. 11, 2); οἱ νικῶντες τοὺς ὕμνους λαμβάνουσιν «победители обретают гимны» (in Pyth. VI, schol. 4, 4); τοὺς ὕμνους ἐπαινεῖν τοὺς νικῶντας «хвалить гимнами победителей» (in Ol. I. schol. 16, 7). У Пиндара и Вакхилида, понятное дело, обычно фигурируют в таких контекстах олимпионики. Pind. Ol. VII, 88: τίμα μὲν ὕμνου τεθμὸν Ὀλυμπιονίκαν «по обычаю почитает гимном олимпионика»; Ol. XIII, 1-2: τρισολυμπιονίκαν ἐπαινέων οἶκον «воспевая трижды победный на Олимпиадах дом»; Pyth. I, 59-60: νικηφορία ... ὕμνον – для победоносности отца «найдем гимн». С ἀείδω, как в нашем дополнении: Ol. XIV, 25-27 – олимпионика воспевая (ἀείδων) Асопиха, «ибо олимпийскопобедна Минийская страна». То же у Вакхилида: Ὀλυμπιονίκας ἀείδειν «воспеть олимпиоников» (Ep. IV, 7); Πυ(θ)όνικος ἀ(εἶδε)ται «воспет победитель на Пифийских играх»; также у него: ὕμνεῖν ... Νίκας «восславить гимном ... Ник» (Ep. V, 33). К нашему дополнению υἱοῦ ᾄσαι ср. Pind. Ol. IX, 21: αἰνέσαις ἔ καὶ υἱόν «прославь ее (Опунтскую землю) и сына ее».

Сохранившийся в начале стк. 4 текст [--]ρα | κρηναίη «родниковая, ключевая» можно согласовать с упоминанием в стк. 3 τῶν «этой песни» в качестве поясняющей метафоры: γ[ὲ] λόγων μὲν || ροῇι] ρα | κρηναίη «слов потоком ключевым». Это расхожая метафора, ср. у Пиндара ἐπέων ροαῖσιν – увековечено «потоками слов» (Isthm. VII, 19); особенно полон контекстуальных совпадений с лексикой ольвийского гимна пассаж Nem. VII, 8-16, в котором наряду с ροαῖσι (sc. ἐπέων) Μοῖσᾶν «потоками слов у Муз» находим также ὕμνων «гимнов», ἐπέων ἀοιδαῖς «песнями словес», даже εὔρηται ἄποινα «находит воздаяние», с которыми корреспондируют ἡρώκασι «нашли» стк. 12 и отчасти ἄπονοι «праздные» стк. 9 ольвийского гимна; далее, к μελίφρον «сладкий для ума» Пиндара – μέλι «мед» стк. 1, к παῖς ... ἀείδεται «сын ... воспевается» – наше дополнение υἱοῦ ᾄσαι «воспеть победу»

сына».⁹⁷ Эта гроздь соответствий – лучшее свидетельство поэтического характера ольвийской надписи.⁹⁸

Прилагательным κρηναίη завершается вступление к гимну, затем следует παγatio гимна с изложением двух тем. Первая развивается в стк. 4–6, где ведется речь об изготовлении смертоносного оружия и упомянут «священный остров», – буквы ΝΗΣ конца стк. 4 определенно принадлежат слову νῆσος «остров» или производному от него (несколько слов на νησ-, обозначающих прядение, голодание, не вписываются в контекст). Ранее я полагал, что, может быть, автор переносит читателя на Лемнос, где куется оружие (стк. 4-5), и это возможная аллюзия к XVIII песне «Илиады», в которой по просьбе Фетиды Гефест в своей кузнице на Олимпе выковывает доспех и оружие для ее сына (стт. 468 сл. ; сохранившееся в начале стк. 6 -ληι может относиться к имени Ахилла: [Ἀχι]λήη «Ахиллу»). Однако такому пониманию стк. 4–6, изложенному в статье 2015 г. и книге 2017 г., не вполне соответствует употребленное автором гимна слово φῶς «муж, мужчина», которое не относили к богам, – в гомеровском эпосе оно прилагается к мужам-воинам, к героям, к сыновьям богов (сын Асклепия Махаон: Πίας, IV, 193-194). Поэтому предположение о Гефесте и Лемносе отпадает. Но что это за «священный остров» (gen. ipῶ νῆσ[ō]), на котором куется оружие?

В ольвийском регионе металлургия раннего времени засвидетельствована на Березани (раскопки В. В. Лапина и др.) и поселении Ягорлык (раскопки А.С. Островерхова). Березань не считалась «священным» островом;⁹⁹ иное дело Ягорлыцкий ремесленно-производственный центр – он расположен на Кинбурнском полуострове, западная оконечность которого с Ягорлыцким поселением была в античное время (до подъема уровня моря около рубежа эр) островом – его отрезала протока Днепра [Агбунов, 1992, с. 185–187]. Видимо, эта часть Кинбурна и подразумевается в гимне: там, на «священном острове», некий «муж выковал оружие»; поскольку далее говорится о разрушениях в Гилее, резонно думать, что это оружие предназначалось для отражения врагов. В связи с таким пониманием стк. 4 допол-

⁹⁷ Вот контекст указанных строк этой Немейской песни, посвященной победителю в мальчиковом пентатлоне Согену с Эгины: «И вот через тебя, сын (παῖς) Феариона Соген, / избранный в доблести, / прославляется ныне в песнях (αἰέδεται) / меж пришедшими к пятерной борьбе; / недаром обитает он в краю Эакидов, / где песни звучат и копья стучат, / ибо здесь в каждом пылает дух / ревностью искуиться в состязании; / и чей увенчается труд, / тот станет для Муз источником льющих струй (ροαῖσι, sc. ἐτέων, Μοισῶν), / которые – как мед для ума (μελίφρον): / ибо без песни (ῥῆμων) и великая сила пребывает во мраке; / ведомо, что единое есть зеркало для лучших дел – / милостью Мнемосины с жаркою повязью / найти в славных напевах слов / мзду за тяготы (εὐρήναι ἄλoινα ... ἐτέων ἀοιδαῖς) свои» (пер. М. Л. Гаспарова). Для нашей темы гомеровских речитаций стоит отметить, что далее в ст. 21 Пиндар называет Гомера «сладкозвучным» – ἀδυελῆ Ὀμῆρον.

⁹⁸ Что до букв ΡΑ, сохранившихся в начале стк. 4, то, просмотрев по электронному Thesaurus linguae Graecae все контексты с прилагательным κρηναῖος (-α /-η, -ον), подходящего слова на -ρα не увидел. Поэтому в стк. 4 это, вероятно, эпическая энклитика ρα «и вот», «стало быть» и пр., в ней *альфа* по природе краткая, но по положению у нас долгая, так что для счета слогов гексаметра ей должна предшествовать долгая же гласная – ροῖη.

⁹⁹ Ф. В. Шелов-Коведяев счел ее таковой, но см. критику М. В. Агбунова [1992, с. 163-164].

няю в лакуне начала стк. 5 в пандан к эпическому аористу κάμε «выковал» другой эпический же аорист [στεῖλε] «отослал», соединив их связкой τε: «выковал оружие медное, безжалостное, и отослал». Как сказано, в стк. 6 возможно дополнение имени Ахилла – [Ἀχι]λῆι, по поводу чего еще раз напомним известие Страбона (VII, 3, 19) о «мысе Ахиллова бега, лишенном растительности, но называемом рощей (ἄλσος) и посвященном Ахиллу». Это западный мыс Кинбурна-Гилеи, до времени Страбона являвшийся островом (ср. рис. 5 – современное состояние природы тут).¹⁰⁰ В связи с именем Ахилла предположительно понимаю ΥΙ перед лакуной конца стк. 5 как υἱ[ῶι] «сыну», что, как сказано, зависит от дополнения в стк. 1 [ὃ θεός] – подразумеваемой его матери Фетиды, в целом υἱ[ὃ σῶ] «твоему сыну».¹⁰¹

Итак, текст и просодика стк. 4–6:

[ροῖι] ρα | κρηναί|η · κάμε | ἱρῶ | φῶς νή|σ[δ¹⁰² τε

[=] –\ \ | – – | –// ~ ~ \ \ | – –\ \ | –// – | [– ~]

5 στεῖλε] δι|καίως ἔν|τη χαλ|κῇ νη|λῇ υἱ|[ῶι σῶ

[– ~] ~ | =// – | –// – | –// – | –// – | [– ~]

ἄρ' δ' Ἀχι|λῆι ἐν|θεῦθεν | ἐς τὴν | Ὑλαί|[ην, ὅς]

[– ~ ~] | =// – | – –\ \ | –// –\ \ | – – | [– ~]

«- - родниковой. Муж священного острова выковал и || отослал, как подобает, оружие медное, безжалостное, сыну | твоему ж Ахиллу оттуда в сию Гилею, который».¹⁰³

Как и в Μῆτερ стк. 1 перед плавным ρ, последний *эпсилон* слова ἐνθεῦθεν стк. 6 перед сонорной ν считаем долгим (см. выше). Местоимение σῶ – краткий слог ввиду гласного начала следующей за ним частицы ἄρ'. В названии Ὑλαίη первая гласная долгая. В δικάως стк. 5 дифтонг и долгая гласная слитные. Прочтение конца стк. 5 А. С. Русяевой, Ю. Г. Виноградовым и их прорись тут, судя по фото, проблематичны; их чтение, воспринятое и Л. Дюбуа – ἐν τῇ Χαλκήνῃ αἱ γυν[αῖκες], но я вижу на фото иной текст – ἐντῇ χαλκῇ νηλῇ, который верифицируется следующими данными. Во-первых, он более простой, без топонима, вычитывание которого в неясном контексте не приветствуется теорией да практикой эпиграфики; во-вторых, он перевязан во всех трех словах вин. падежом на -η, тройная повторяемость которого не может быть случайной; в-третьих, наше прочтение формульное, включающее и гомеровское νηλεῖ χαλκῶ (см. выше), и χαλκείοισι ἐντεσι Пиндара (Ol. IV, 22; оно же у Оппиана ἐντεσι χαλκείοις – Syneg. II, 67). Более того, указанный стих Пиндара: χαλκείοισι δ' ἐν ἐντεσι νικῶν δρόμων «победив в беге в медных доспехах» своим νικῶν может намекать и на вероятность нашего дополнения слова νίκας в стк. 2 (см. и ниже). А стих «Илиады»

¹⁰⁰ Полностью описание Страбона приведено выше.

¹⁰¹ Твердой уверенности в чтении после νηλῇ букв ΥΙ нет, ибо тут две длинные вертикальные линии и одна горизонтальная, прочерченные поверх всей надписи, видимо, повредили 1-2 буквы; посему дополнение υἱ[ῶι σῶ] условно.

¹⁰² Или νήσου, см. ниже о графемах ῶ и ου.

¹⁰³ Обратим внимание на созвучие τῇν | Ὑλαί|[ην τε], в переводе учитываем его: «*сию Гилею*».

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

(XIX, 384) ἐν ἔντεσι δῖος Ἀχιλλεύς «божественный Ахилл в вооружении» вполне служит подтверждением правомерности нашей связи героя исследуемого гимна с Ахиллом: ольвийский поэт явно пользовался формульным ресурсом «Илиады», относящимся к поэтике Ахилла. В ней со ст. XIX, 368 следует перечисление вооружения Ахилла, изготовленного Гефестом (Ἡφαίστος κάμει) для него, оно и защитное – шлем, щит да прочее, и наступательное – ξίφος ἀργυρόηλον χάλκεον «меч медный, с серебряными гвоздями (рукоятю)». Лексика стихов 368–384 κάμει -- ἐντεσι -- χάλκεον присутствует в стк. 4–5 ольвийского гимна, а связь ее с Ахиллом в «Илиаде» может верифицировать его присутствие в гимне. Точно так же этим ресурсом пользовался автор орфической «Литики» (ст. 676–677): ἐντεσι ... Ἀχιλλῆος, причем у него тут еще и νίκης, – тоже аргумент в пользу нашего дополнения слова νίκας в стк. 2; ἐντεσι с νίκην дал также поздний эпик Нонн Панопольский (I, 477–478). Формула χάλκεον ... κάμει «медное ... выковал» присутствует и в ст. VII, 220–221 «Илиады», где говорится о крытом медью огромном щите Аякса, сделанном искусным мастером Тихием, который жил в беотийской Гиле: Ὑλῃ ἐνι, и примечательно, что в стк. 4–6 ольвийского произведения наряду с теми же κάμει и χαλκῇ также присутствует топоним, более того, он созвучный и тоже с предлогом – ἐς Ὑλαί[ην]. Полагаем, приведенных параллелей достаточно для веского заключения, что наш неведомый по имени ольвийский поэт вдохновлялся в своих стихах 2–6 указанными пассажами «Илиады» XIX, 268–384 и VII, 220–221 (как позднее делал это и автор «Литики»).

Интересен гапакс ἐνθεῦθεν стк. 6 гимна. Хотя форма уникальная, как будто ясно, что это наречие ἐνθεῦθεν «отсюда, затем»; восточноионийская его форма ἐνθεῦτεν (*Herod.* I, 2; I, 75, со ссылкой на Фалеса; схолии к Гомеру, Свида) обусловлена перестановкой придыхания [Thumb, Scherer, 1959, S. 266]. Но у нас две *темы*, что понять непросто. Можно предположить, что это дальнейшая аспирация – после перестановки аспираты θ и глухого τ местами последнее тоже подверглось аспирации. Однако, во-первых, ни один из примеров в руководстве А. Тумба, А. Шерера не дает такого развития, во-вторых, для псилотической ионики VI в. да еще с дальней ассимиляцией глухого придыхательным это вообще немыслимо. Стало быть, требуется иное решение. Выше мы уже не раз отмечали частую в ионике, в том числе ольвийской эпиграфике, графическую передачу дифтонга ει через ε̄, что позволяет видеть тут поэтический глагол θεῖνω «поражать, убивать».¹⁰⁴ В гимне такая графическая передача определенно представлена в названии Ворυς|θε̄ стк. 8 (см. ниже). Это позволяет читать в стк. 6 ἐνθ' ε̄υ θε̄νε̄ς (= θεῖνεις) τίην «тогда ты благополучно поражаешь врага», что хорошо вписывается в контекст гимна: оружие выковано, переслано с острова Ахиллу и он поражает им неприятеля. Форма 2-го лица θε̄νε̄ς означает, что и та же форма ἐπιτέλλεις стк. 2 относится к Ахиллу, это заставляет дополнять в стк. 1 его имя (а не Фетиды и / или не ее эпитет Мать); выше мы дали и такой вариант: κριθ[άς, Ἀχιλεύς,

¹⁰⁴ Например, его употребил Пиндар, говоря об убийстве Гераклом Ликимния – *Oi.* VII, 28: θεῖων.

δός] «... хлеба дай, Ахилл».¹⁰⁵ Тем не менее, учитываем такое чтение как возможный вариант: поскольку ἐνθεῦθεν дает вполне связный смысл стк. 6, сочтем его вторую тету понятной опиской автора надписи.

В стк. 7–12 развивается вторая тема παρρησία гимна, в которой описываются события в Гилее. Мы уже не раз отмечали, что гимн в честь бога всегда мажорный и оптимистичный по настрою, поэтому негативное в этом пассаже – «порушенные алтари», «поврежденные деревья» – должно иметь на самом деле положительный контекст. На это указывает содержание предшествующего пассажа: оружие изготовлено и переслано с острова Ахиллу; далее по законам драматургии это оружие должно быть пущено в ход (известное театральное правило: если в первом акте ружье висит на стене, в следующем акте оно должно выстрелить), причем ввиду непременно мажорного духа гимна оно призвано победить. Это необходимое содержание, как сказано, дает чтение в стк. 6 ἐνθ' εὖ θεῖνεις (= θεΐνεις) τήν «тогда ты благополучно поражаешь врага». Однако мы отправили его в запас, так что таковой смысл следует встроить в лакуны конца стк. 6 – начала стк. 7. В лакуне конца стк. 6 места почти не осталось – после Ὑλαί[ην] дополняется лишь один краткий слог. Лакуна начала стк. 7 на 5–6 букв; условно дополняем в целом Ὑλαί[ην, ὅς || νίκησ',], что с предшествующими стк. 4–5 дает следующий контекст: «Муж священного острова выковал и || отослал, как подобает, оружие медное, безжалостное -- || Ахиллу оттуда в сию Гилею, и он победил». Связующее звено между этим и следующим далее текстом – наречие αὐτίς со следственным значением «снова, после, потом», оно указывает, что произошло после победы Ахилла. В свете изложенного читаем стк. 6–9 так:

[ἄρ' δ' Ἀχιλῆϊ ἐνθεῦθεν | ἐς τήν | Ὑλαί[ην, ὅς
νίκησ'] αὐτίς | οἱ βωμοὶ βεβλαμμένοι | ἔσταν
--] | -- \ | -- / -- | -- / -- | -- ~ \ | [-- ~
οἱ Μῆτιρὸς Θεῶν, | καὶ Βορυσθεῖ καὶ Ἡρακλ[εῖ
--] | -- / = \ | -- / ~ ~ | -- / \ \ | -- -- | [-- ~
ἦδη δ] ἔ τ α τόν, | αὐτὶ ἀπονοὶ δοῦλοι καταδδ[υτο·
--] | -- / ~ \ \ | -- / ~ ~ | -- / -- | -- / ~ ~ | -- [~]

«Ахиллу оттуда в сию Гилею, который || победил и вслед за сим порушенные алтари поднялись || – алтари Матери богов, а у посвященных Борисфену и Гераклу то, что || должно быть соединено, праздные рабы уже скрепляли вновь».

Дополненные формы νίκησ' и ἔσταν продолжают череду предшествующих аористов [ἔσαι], κάμε, [στεῖλε]. В ранней эпике глагол νικάω употребляется и с приращением – ἐνίκησε(v) (Ilias, III, 439 etc.), и без него – νίκησε(v) (Od. X, 46 etc.);

¹⁰⁵ Такой поворот содержания влечет за собой небольшую перестройку заполнения лакун: в стк. 2 вместо νίκας | νιοῦ дополняется νίκας σοῖο || ἔσαι – «твои победы воспеть»; в начале стк. 6 [σῶ δ' Ἀχιλῆϊ «тебе ж, Ахиллу» (в конце стк. 5 после νηλῆ, как сказано, чтение букв ΥΙ нетвердо, поэтому воздержимся от нового дополнения их).

у нас с элизией конечного гласного перед гласным началом наречия αὐτίς. *Иота* этого наречия по природе краткая, здесь долгая по положению перед членом οί, который этимологически происходит из οφεί, так что *иота* стоит перед двумя согласными (к примеру, в Od. I, 239: τῷ κέν | οί три долгих слога). В βεβλαμμένο[ι] конечный дифтонг краток, ибо находится в тесисе перед гласной следующего слова – ἔσταν. Посредством дополнения этого глагола встраиваем в положительный контекст «порушенные алтари» стк. 7: οἱ βω|μοὶ βεβ|λαμμένο[ι] ἔσταν] – они «поднялись». Среди основных значений глагола ἵστημι (базовое «ставить») числятся и строительные – «укреплять, возводить, сооружать»; именно этот смысл вкладываем в перевод «*поднялись*». Гласные в Θεῶν сливаются, образуя один долгий слог; *ипсилон* в Ворυσ|θεῖ тут краткий по общему правилу: если в названии 3 слога и более, гласные считаются долгими или краткими в зависимости от заданного размера, поскольку иначе оно не поместится в стих.

Стк. 8 по содержанию развивает сюжет стк. 7 о восстановлении разрушенных алтарей. Она интересна в качестве примера того, как изучение метрики позволяет уточнить текст стихотворной надписи. Ранее вслед за предшественниками я читал тут родительный падеж теонимов: [-- Μ]ητὺρὸς Θεῶν καὶ Βορυσθέ<νεος> καὶ Ἡρακλ[έος] «-- Матери богов, и Борисфена, и Геракла --». С учетом того, что в лакуне стк. 7–8 слева следует дополнить ок. 4–5 букв да еще сколько-нибудь в лакуне справа, для гексаметра текст излишне большой. Однако примечательно, что если не восстанавливать род. падеж имени Βορυσθέ<νεος>, то текст вполне укладывается в эпический размер. Иначе говоря, сохранившийся текст стк. 8 в метрическом отношении является гекзаметром:

[οἱ M]ητ|ρὸς Θεῶν, | καὶ Βορυσ|θεῖ καὶ | Ἡρακ|λ[εῖ]

«алтари Матери богов, а у посвященных Борисфену и Гераклу то, что --».¹⁰⁶

Здесь [Μ]ητρός – *gen. possessivus*; при ее имени артикль οἱ – заменитель слова βασιλείᾳ в повторе: «*αἱ τὰρι Μатери*». Речное имя Βορυσθένης третьего склонения, в том числе в ольвийских надписях [ОХБ, с. 16, № 14: *dat.* Βορυσθένει], так что Βορυσθε гимна – должная форма датива, окончание -ε которого = -ῆ = -ει. Подобное окончание представлено в votивной надписи на терракотовой симе третьей четверти VI в. из Ольвии: [Α]πόλλωνι Ἰηττῶνι Βορυσθένῃ «Аполлону Иетру Борисфену».¹⁰⁷ В содержательном плане эта параллель означает, что Борисфен гимна – это ипостась Аполлона Иетра (о нем скажем далее). Поскольку в полном виде имя Βορυσθένης со своими 4 гласными не помещалось в эпический размер, автор гимна, полагаем, употребил его краткую разговорную форму *Βορυσθής (она следует из этого дательного падежа Βορυσθεῖ), которая подобно полной форме названия шла по третьему склонению. Ничего необычного в предположении о краткой форме названия

¹⁰⁶ О дополнении ѣ «то, что» скажем в комментарии к следующей строке. О культе Матери и Борисфена в Ольвии см. [Русяева, 2010, с. 44, 56–62, лит.]; о культе Геракла речь уже велась.

¹⁰⁷ [Русяева, 2010, с. 44, № 1]; текст с моими поправками [ОХБ, с. 16 и прим. 5]. В ольвийских надписях раннего времени передача $\epsilon\iota$ через $\epsilon\bar{\iota}$ обычна, причем в разных позициях, в частности, в письме Ахиллора [ОХБ, с. 106, 204, 208, 210, 211, 287, 288, 298, 336].

нет, так как большие реки обязательно имеют наряду с полными именами также их сокращенные формы. У того же Ворυσθένης известны подсокращенные формы Ворσθένης на шите из Дура-Европос и Ὀρυσθένης у Равеннского Анонима (Cosmog. IV, 5).¹⁰⁸ Гуннское имя Днепра известно Константину Багрянородному (De adm. imp. 38) в полной форме Βαρούχ, а Иордану (Get. 269) в краткой – Var, без гуннского аффикса -ουχ. Также древнерусское имя этой реки Дъньпръ имело краткую форму Нъпръ, то же и в украинском языке – Дніпр и Ніпр [Словник літописних названь, 1985, с. 55]. У Волги в древности было иранское имя Rava, а Птолемею известна краткая стяженная его форма Ρᾱ (Geogr. V, 8, 12). Полные и сокращенные формы есть и у имен Дуная, Днестра позднеантичного времени да раннего Средневековья; закроем перечень взятым навскидку примером из античной метрополии: Σκάμανδρος и Κάμανδρος [Pape, Benseler, 1884, S. 1403], в этом сборнике названий полных форм и их гипокористиков тьма.

Поскольку связка καί соединяет равнозначные члены предложения, по дативу Ворυσθῆ̃ должен быть дополнен аналогичный датив также имени Геракла, тоже третьего склонения: Ἡρακλ[ῆ] «Гераклу». Таким образом, имя Матери стоит в родительном падеже, а Борисфена и Геракла – в дательном. В содержательном отношении это означает, что фраза о «поруганных алтарях» относится к алтарям Матери (как мы предположили, они восстановлены после подразумеваемого поражения врага), тогда как с алтарями, посвященными Борисфену и Гераклу, дело обстояло как-то иначе. Ввиду разницы падежей наделяем первое καί противительным значением – «а» («алтари Матери богов, а у Борисфена и Геракла. . . »).

Итак, разница в падежах имен богов указывает на различное состояние их алтарей: те, что посвящены Матери, были разрушены (βεβλαμμένο[ι]) и затем сооружены вновь ([ῆσταν] «поднялись»), а на алтарях Борисфена и Геракла, судя по упоминанию в следующей стк. 9 рабов, велись работы иного рода. В связи с этим обстоятельством дополняем в лакунах конца стк. 8 и начала стк. 9 [ῆ || ἦδη | δ]ῆ̃ τὰτὸν «то, что должно быть стянуто», – о починке алтарей Борисфена и Геракла. Здесь ῆ̃ «то, что» – эпический аккузатив указательного местоимения *sg.* и *pl.* всех трех родов; [δ]ῆ̃ = δεῖ «нужно, требуется, должно быть»;¹⁰⁹ adj. verb. τὰτὸς «растянутый, стянутый» (от глагола τεῖνω «тянуть»);¹¹⁰ Метрически [δ]ῆ̃ τὰτὸν образует дактиль (– ˘ ˘).¹¹¹

¹⁰⁸ Считается, что это испорченное написание вместо Ворυσθένης [Подосинов, 2002, с. 195, 271], однако начальная *βета* давным-давно звучала как губной спираント *v*, который легко сливался со следующим *ο* того же места образования, так что Ὀρυσθένης – вполне закономерное для раннего Средневековья написание.

¹⁰⁹ Как сказано, в ранних ольвийских надписях часта передача дифтонга *ει* через *эпсилон* (примеры [Dubois, 1996, p. 184; ОХБ, с. 16, 37, 106, 204, 208–211, 288, 298, 336, 632]).

¹¹⁰ У Аристотеля (Hist. anim. 519a 32) говорится о коже: οὔτε ἔστι σχιστὸν οὔτε τὰτὸν «ни слоистая, ни тянущаяся», т. е. стягивающаяся или растягивающаяся. Scholia vetera in Iliadem, II, 43: παρὰ τὸ τεῖνομαι τὰτὸς γίνεταί «от глагола τεῖνομαι образовано τὰτὸς».

¹¹¹ Раньше мы читали в стк. 9: --ἑτάτων, αὖ ἄπονοι δοῦλοι κατάδρ[εψαν --] «--ейшее, вновь праздные рабы ободрали *деревья* --», усматривая в --ἑτάτων окончание какого-то прилагательного превосходной

В статье 2015 г. я не уделил должного внимания краткости первой *альфы* и долготе второй в выражении δοῦλοι κατάδρ--, что не соответствовало гекзаметру, ибо воспроизвел сей текст вслед за предшественниками. Теперь ввиду метрического несоответствия пристальней всмотрелся в фото да прорись надписи и обнаружил, что буква после *дельты*, скорее, *О*, нежели *Р* по причине отсутствия ножки.¹¹² Это позволяет читать тут эпический имперфект катаδδου[то·] (от глагола катаδέω «связывать, соединять». В эпическом языке приращение часто опускается; таков, к примеру, имперфект δέοντο «связывали» глагола δέω (Ilias, XVIII, 553). Ионийский диалект в целом сохраняет неслитное εο (например, см. ниже *gen.* ἄφανεός стк. 10 или μυθεόμενος письма Ахиллодора [ОХБ, с. 204]), но часто и сокращает в *ο* [Thumb, Scherer, 1959. S. 250], так что чтение формы катаδδου[то] вполне оправдано. Этот глагол хорошо поясняет выявленную выше разницу в участии алтарей: «порушенные алтари» Матери «поднялись», т. е. сооружены заново, тогда как алтарю (алтарям) Борисфена и Геракла требовался только ремонт – его плиты заново перевязывали свинцовыми скрепами. В Ольвии VI–V вв. на теменосе Дельфиния алтари каменные (известняк), 12 тесаных плит алтаря V в. связаны свинцовыми скрепами длиной от 23 до 43 см [Карасев, 1964, с. 50], см. рис. 6. Чтение δοῦλοι καταδδου[то] дает также идеальный для гексаметра дактиль в 5-й стопе и усеченный в 6-й.

Итак, в стк. 7–9 велась речь о порушенных алтарях почитавшихся в Гилее божеств и их восстановлении; в следующих стк. 10–11 тема разрушений продолжена, поскольку ведется речь о «двух сотнях непригодных деревьев». Это продолжение общей для стк. 6–12 генеральной темы о положении дел в Гилее. Последняя стк. 12 написана над самым краем черепка, поэтому она длиннее предыдущих – включила также три стопы тринадцатого стиха гекзаметра. Таким образом, в надписи 12 строк, но 13 стихов гекзаметра; наш текст стк. 10–12:

10 [ἡδ]ἐ ἰ|ρουργίῃ ἰν' | Ἰητροῶ | φανέος | ἱρὸς ἔλ(ε)ιπεν¹¹³

$$[-] = | - = \backslash | = - \backslash | - \vee \vee \backslash | - \vee \vee | - \vee$$

[τ]ῶν πιτύ|ων κακὰ | ἱτῶν | δένδρων | διηκόσι|[α ὑγιῆ

$$-//^{\vee\vee}|-//^{\vee\vee}|--\backslash\backslash|--\backslash\backslash|=^{\vee\vee}||=^{\vee}$$

οἱ θη|ρευταὶ | τῶν ἱπ|πων ἡϋ|ρήκα|σι(ν) τὰ

степени; однако это проблематично, поскольку ϵ в окончании основ, как правило, принадлежит прилагательным на $-\eta\varsigma$, основа которых для образования степеней сравнения $-\epsilon\sigma$, так что приходится дополнять *сигму*: $-\epsilon(\epsilon)\tau\alpha\tau\omicron\nu$. Это дает дактиль ($\sim \sim$), но дополнение буквы излишне, если есть другое объяснение. Чтение $\kappa\alpha\tau\alpha\delta\rho[\epsilon\psi\alpha\nu]$ «ободрали *деревья*» соответствует упоминанию в стк. 11 двухсот «непригодных деревьев» (возможность разночтений обусловлена тем, что после буквы Р у скола сохранилась слегка наклонная черта, которая может принадлежать архаическим Е или А, но также другим буквам).

¹¹² На фото эта буква имеет вид *коппы* – ϕ: ножка примыкает к середине нижней дужки уплощенного эллипса. *Коппа* не употреблялась в ольвийских надписях, так что это *омикрон*.

¹¹³ Вариант ἔλπευ, см. ниже.

--| -| -| \ | --| -| --| -| --| --| --| ~
 κίνδυ|να ἴτυ|ρε[ύον|τα --]
 --| --| --| -| -| -| --|

«и там божественное священнодействие невидимого Иетра оставило здоровыми || две сотни поврежденных сосен, ивовых деревьев, || ловцы лошадей нашли || потрясающим образом вне опасности их --».

У издателей, Л. Дюбуа и в моей статье 2015 г. текст стк. 10–12 темный по смыслу, не связанный с предшествующим и последующим содержанием (см. все это выше, в начале заметки II). Предшественники вычитывали имя некоего Метрофана, появившегося ниоткуда и канувшего в никуда. Поскольку в гимне подобное неуместно, я прочел строку иначе: [-- τ]ε ἰουρυγίη μ' [Γ]ητρὸς φανεὸς ἰρὸς ἔλιπευ [Γ]«-- посредством священного обряда, совершенного неведомым жрецом Иетра, оставил меня --». Но и это чтение мало вразумительно, особенно неуместно местоимение μ' «меня». Букву М я вычитывал по прориси издателей, но порождаемая ею проблемность текста побудила обратиться к фото, где на самом деле ее нет: есть левая гаста и уголок вершиной вниз, но нет правой гасты, так что это обычное в данной надписи архаическое ν с поднятой кверху мелкой правой боковиной. В результате читаю тут вместе с предшествующей *иотой* наречие места ἴνα (*in crasi* – ἴν' Ἰητρὸς) «там». Далее вполне определенно вычитывается *gen.* (Γ)ητρὸς, причем скобки можно и не ставить, так как *иота* теонима уничтожена двойной вертикалью позднейшей ортогональной сетки. Точно таким образом в этой же строке уничтожены *иота* слова ἔλιπευ да вторая *иота* слова ἰουρυγίη, и никто не заключал их в скобки. При теониме эпитет – *gen.* ἀφανέος «невидимого», вполне понятный для Иетра, который *ab origine* божество ветра [ОХБ, с. 19–23]. Это атмосферный бог, податель всего нужного плодородию – ветра (имя его этимологически родственно нашему *вѣтеръ*), дождя, воды да прочего, так что ему самое место в Гилее, которая стала у ольвийцев сакральной зоной благодаря своим древесным зарослям: как сейчас Алешковские пески, так тогда это был древесный оазис посреди бескрайней степи, ландшафт которой точно характеризует имя расположенного на территории древней Гилеи нынешнего поселка Голая пристань. Гилея со своими рощами была у ольвиополитов олицетворением всех сил плодородия – верхнего мира (солнце, ветры, дождь, акватории), среднего – рощи, реки,¹¹⁴ и нижнего – почвенные воды. Сумму всех этих сил плодородия ольвиополиты олицетворяли в тамошних культах Матери, Ахилла, Геракла да Борисфена, который отождествлялся с Аполлоном-Иетром, о чем свидетельствуют вотивы третьей четв. VI в. из Ольвии.¹¹⁵ Эпитет (*gen.*) ἀφανέος дан с аферезой – φανεός, она встретится

¹¹⁴ Параллельное имя Гилеи Ἀβική поясняется глоссой Гесихия ἄβιν «ель, сосна», была тут и речка Ἀβιανός, т. е. «Сосновая» или «Ельня» (см. нашу статью в БИ. 2018, т. 36, с. 51–52).

¹¹⁵ Вотив третьей четв. VI в. из Ольвии: [Α]πόλλωνι Ἰητρῶι Βορυσθένει «Аполлону Иетру Борисфену» и амулет того же времени с Березани Βορυσθένης ἐμὶ Θένιος Ἰητρὸς «я емь Борисфенов Иетр Сопричастный» [ОХБ, с. 16, № 12, 13]. Можно читать и θένιος (т. е. это не эпikleза), перевод в этом случае таков: «я емь Иетр, сопричастный Борисфену».

нам также в 13 стихе гимна.¹¹⁶ Прилагательное *ierós* (ионич. *irós*) трех окончаний, но у Гесиода оно и двух окончаний [LSJ, s. v.], что соединяет его с *fem. ipourgín*, и все это делает чтение стк. 10 не только кристально ясным – [ἦδ]ἐ ἰπουργῖν ὕψ' Ἰητρὸ φανεὸς ἱρὸς ἔλ(ε)ιπευ «и там божественное священнодействие невидимого Иетра оставило», но также позволяет соединить стк. 10 со следующей строкой, упоминающей «плохие / непригодные деревья», в том смысле, что это священнодействие сохранило их («оставило ... здоровыми»). Поясняем это дополнением прилагательного ὕγιής «здоровый, целый».¹¹⁷

Полученный текст стк. 10 хорошо укладывается в гекзаметр, но последнее ее слово ἔλλιευ выпадает из-за краткости *иоты* – шестая стопа остается без долгого слога. Разъясним это обстоятельство. В гомеровском языке сей аорист употребляется и с краткой *иотой* (Piias, II, 106: ἔλλιεν), и с растяжением ее в долгий, например, в Od. IV, 734, где, как и в нашем случае, требовался долгий в 6-й стопе: ἔλλειπεν. Это указывает, что суть дела может заключаться в графической особенности – передаче ει через ῑ, что вообще-то является свойством аттического диалекта [Thumb, Scherer, 1959, S. 308], но представлено также в ольвийской эпиграфике архаического времени.¹¹⁸ Поэтому можно читать в стк. 10 ἔλλιεν (=ἔλλειπεν), однако простая арифметика подсказывает лучшее решение: в этом слове из 7 букв три Ε, и потому весьма вероятен пропуск среднего Ε, т. е. ἔλλιεν – описка вместо ἔλλειπεν; посему предпочтительней чтение ἔλλ(ε)ιπεν.

Ранее я следовал в чтении стк. 11 за предшественниками – [τ]ῶν πιῶων κακαί, τῶν δένδρων διήκόσι[α], и уже в который раз напрасно: κακαί не соответствует метрике гексаметра. Поэтому читаю πιῶων κακὰ | ἰῶων | δένδρων «непригодных сосен, ивовых деревьев», с ἰτέα «ива» (неслитная форма *gen. pl.* ἰτέων, слитная ἰῶων). *Neutr.* κακὰ ... διήκόσι[α] употреблено в соответствии со средним родом τὰ δένδρα «деревья». Слово ἰτέα «ива; щит из ивовых прутьев» фигурирует наряду с прочим в поэтическом лексиконе (Гомер, Эсхил, Еврипид и др.).

Последняя стк. 12, как сказано, включает два стиха гексаметра – полный 12-й и неполный 13-й: [ο]ι θη|ρευται | τῶν ἱπ|πων ἡ|ρήκα|σι(ν) τὰ || κίνδυ|να ἔν|τυρ|ε|ύον|τα -- «ловцы лошадей нашли || потрясающим образом вне опасности их --». После ἡ|ρήκασι издатели показали на прориси μετά, но на фото между ΣΙ и ΤΑ мало что видно, тем более что тут прошли вертикаль и горизонталь позднейшей ортогональной сетки.

¹¹⁶ Афереза (афайресис) – отпадение начального гласного при встрече с конечным гласным предыдущего слова, свойство поэтического языка [Kühner, Blass, 1890, S. 240–243] (к примеру, Hipponax, fr. 28: ὀδυνῇ πιαλεῖ вместо ἐπιαλεῖ). Неслитная форма gen. ἀφανέος встречается в ионийском языке Гиппократ (De capitis vuln. 14; De diaeta. 10).

¹¹⁷ Оно относится и к живому, и к предметному миру. Метрически слитная гласная в $\acute{\upsilon}\nu\eta\tilde{\iota}$ краткая по положению перед гласной следующего слова. Это последнее, артикль $\omicron\iota$, в данном случае считаем без *дигаммы*, в отличие от $\omicron\iota$ стк. 7; таков двойной узус эпического языка. Например, в Od. IV, 133: $\tau\acute{\omicron}\nu\ \rho\acute{\alpha}\ \omicron\iota\ |\ \acute{\alpha}\mu\acute{\iota}\rho\iota\tau\omicron\lambda\omicron\varsigma$ энклитика $\rho\acute{\alpha}$ краткая, ибо $\omicron\iota$ не считается *σφοι*.

¹¹⁸ Посвящение Ахиллу последней четв. VI в. Ἀχιλλῷ Σωτήρι [Dubois, 1996, p. 101]; i = εἰ письма Ахиллора ок. 500 г. (ср. *ἰάν* = *ἐάν* письма Апатурия того же времени) [ОХБ, с. 213, 233].

Полагаем, что и здесь, как в стк. 10, где им почудилось имя Метрофана, они приняли за М букву Ν.¹¹⁹ Это ν-ἐφέλκυστικόν должно быть тут для соответствия метрике, и потому, что перфектная форма ἡύρηκασιν (с приставным ν), судя по TLG, засвидетельствована (комм. Прокла к Платону: in Rem. publ., vol. II, p. 40, 29), а ἡύρηκασι, без этого ν, нет. Артиклю τὰ в конце стиха 12 соответствует в стихе 13 κίνδυνα ἔντυρε[ύοντα] «потрясающие опасности», где причастие ἐντυρε[ύοντα] (от глагола ἐντυρεύω) дано с афerezой – ἔντυρε[ύοντα].¹²⁰ Глагол ἐντυρεύω, эквивалент ἐνταράσσω «потрясать», поэтический и редчайший, его υ долгое [LSJ, s. v.]. При чтении κίνδυνα содержание стихов 12-13 непосредственно не связано с предыдущим и трактует какую-то тему, связанную с поисками, видимо, сбежавших из Гилеи лошадей. Но если усматривать в начале стк. 13 прилагательное ἀκίνδυνα «находящийся вне опасности, безопасный», тоже с афerezой – τὰ κίνδυνα, то это продолжение темы о спасенных деревьях: ловцы лошадей нашли спасенные Иетром деревья «потрясающим образом вне опасности».¹²¹

Выше мы отметили, что морфологически гимн обязательно завершается приветственным заключением – salutatio. Ольвийский гимн обрывается на παγγatio, но заключение должно было быть. Причина незавершенности проста – автору не хватило места, может быть, поэтому он замарал написанное ортогональной сеткой прочерков.

Рассмотрев построчно текст и его просодию, суммируем в целом полученное произведение (без просодики, которая в полной мере показана выше), еще раз отметив, что дополнения сделаны *exempli gratia*, в соответствии с нашим видением содержания:

[e. g. ὦ θεός, | ὕμ]νοθέ[τη μέλι | καὶ κριθ][ας μὲν ὀπ]αζε
δι' ὕμνῳ ο]ῦν ὡς ἐπιτέλλεις πέμπ[ων νίκας υἱοῦ
ἄσαι τὰς τῶπους θεοποιήτους πὲρ γ[ε λόγων μὲν
ροῇ] ρα κρηναίη · κάμε ἱρῶ φῶς νήσ[ου]¹²² τε
5 στεῖλε] δικαίως ἔντη χαλκῇ νηλῇ υἱ[ῶ σῶ
[ἄρ' δ' Ἀχι]λῆι ἐνθεῦθεν ἐς¹²³ τὴν Ὑλαί[ην, ὅς]
νίκης'] αὖτις οἱ βῶμοι βεβλαμμένο[ι ἔσταν]
[οἱ Μ]ητρὸς Θεῶν, καὶ Βορυσθεῖ καὶ Ἡρακλ[εῖ] ἔ
ἦδη δ]ε τατόν, αὖ ἄπονοι δοῦλοι καταδῶ[το·
10 [ἦδ]ε ἱρουργίη ἱν' Ἡτρῶ φανέος ἱρὸς ἔλ[ε]ιπεν¹²⁴

¹¹⁹ Там, где издатели показали Ε, на фото видна выщербина, из-за которой, видимо, Т сдвинуто правее.

¹²⁰ См. об афerezе в эпическом языке [Kühner, Blass, 1890, S. 240–243]. Геродиан (Rhet. Vol. III, 1, p. 18, 16; III, 2, p. 720, 28) привел формы существительного ὁ κίνδυνος у Сафо и Алкея: nom. κίνδυν, dat. κίνδυνι, acc. κίνδυνα, которые считаются гетероклитическими, как от nom. κίνδυν. Но в «Истории Александра» (228, 7, по TLG) дано множ. число среднего рода – πολλὰ κίνδυνα. В эпическом языке эолизмов предостаточно.

¹²¹ Причастие образа действия может переводиться наречным выражением [Нидерле, 1880, с. 229], так что понимаем ἔντυρε[ύοντα] как «потрясающим образом». Примеры с τὰ ἀκίνδυνα: Xen. Sympoed. VII, 1, 47; Aesch. In Timarchum, 45. Ср. и Pind. Pyth. II, 66: ἀκίνδυνον ἔπος ... ἐπαινέειν «славить не подверженную опасности песней».

¹²² Или νήσοδ, см. ниже о графемах ὀ и ου.

¹²³ Вариант: ἐνθ' εὖ θεῖνεις (= θείνεις) τὴν «тогда ты благополучно поражаешь врага».

¹²⁴ Вариант: ἔλιπεν.

[τ]ῶν πτύων κακὰ ἰτῶν δένδρων διηκόσι[α ὑγιῇ
ο]ἱ θηρευταὶ τῶν ἵππων ἡρώκασι(ν) τὰ
κίνδυνα¹²⁵ ἔντυρε[ύοντα --]

«о богиня, слагателю гимнов меда и хлеба дай же || за песнь-то, коль велишь ты, отсылая, победы сына || воспеть, богозданные весьма, сей песни слов потоком ключевым. Муж священного острова выковал и || отослал, как подобает, оружие медное, безжалостное, сыну || твоему Ахиллу оттуда в сию Гилею, который || победил, вслед за сим порушенные алтари поднялись || – алтари Матери богов, а у посвященных Борисфену и Гераклу то, что || должно быть соединено, праздные рабы уже скрепляли вновь; || и там божественное священнодействие невидимого Иетра оставило здоровыми || две сотни поврежденных сосен, ивовых деревьев, || ловцы лошадей нашли || потрясающим образом вне опасности их --».

Отдадим должное рассмотренной надписи – это не только уникальное для Северного Причерноморья поэтическое произведение, но уникам во всей греческой эпиграфике – другого подобного нет. В Ольвии и на Березани мы до сих пор располагали короткими, в 1-2, максимум 3 строки стихотворными граффити (мы собрали надписи VI–V вв. до н.э., от позднейшего времени таковых немного [Яйленко, 2020]), теперь в нашем распоряжении пространный поэтический текст. Пятистрочная эпитафия Мастора середины VI в. с Березани, тоже составленная гекзаметром [ОХБ, с. 308–310], и ольвийский гимн третьей четверти этого столетия представляют собой ценнейшее наследие поэтической культуры первых колонистов, которую они вынесли из метрополии, претендовавшей на роль родины Гомера. Анализ гимна как литературного произведения еще впереди – язык, стилистика, ритмика, лексика, метафоры и многое другое, что составляет суть филологической работы (тут мы сосредоточились лишь на вопросах текстологии и просодики). Разумеется, возможны отчасти иные варианты понимания и реконструкции текста, которые обогатят его содержание и откроют новые аспекты. Мы же выполнили здесь начальную часть работы, установив жанровую принадлежность этого поэтического памятника, его просодию и дав примерную реконструкцию текста.

Теперь немного арифметики по просодии. В гимне 31 дактиль, 40 спондеев, что свидетельствует о склонности автора к медленному ритму и торжественному слогу; существенную роль в такой ритмике сыграли слияния гласных – их 13, в среднем по одному на стих. Графических особенностей две – передача дифтонгов ει через ε̄ и ου через ὀ. Первая передача представлена в Βορυσθεῖ, Ἡρακλ[εῖ], [δ]εῖ, возможно, и в θεῖνεῖς (= θεῖνεις). Особенно важна передача ου через ὀ, поскольку она связана с хронологией надписи. Написаний ου в сохранном тексте 4: τῶπους, θεοποιήτους, δοῦλοι, ἱουρῳίη; графем ὀ в сохранном тексте 3: τῶπους, ἱρὀ, Ἱητρὀ. Это почти равное употребление ου и ὀ поразительно по соотношению. Вообще графема ὀ редка в ранних ионийских надписях, она обычна в аттическом алфавите

¹²⁵ Вариант: κίνδυνα.

(и ряде других) до самого конца V в., когда в Аттике был принят ионийский алфавит, и позднее, примерно до середины IV в.; тексты с одним лишь *ou* появляются с 368 г. [Threatte, 1980, p. 244–250]. Ориентируясь на эти данные, Л. Дюбуа пытался объяснить написание *ō* в рассмотренной надписи посредством омоложения ее датировки до са. 400, полагая, что автор надписи использовал древний черепок амфоры или ойнохой стиля Фикеллюра, датируемого 550–530 гг. [Dubois, 1996, p. 55–57]. Это абсолютно неприемлемое решение, поскольку графика надписи, как справедливо отметили издатели, полностью соответствует времени Фикеллюра. Достаточно указать на характерное «хвостатое» *P*, употребление которого не выходит за пределы VI в. Вопреки ионийской норме в надписях Ольвии графема *ō* часта и идет с 3-й четв. VI в.¹²⁶ Но образцы VI в. краткие, обычно это *gen. Ἱητρῶ* коротких посвящений, а в рассмотренном гимне это почти равноправная с написанием *ou* графика *ō*. Для надписей ионийского круга *σιε* – поразительный узус, который могу объяснить происхождением березанских да ольвийских колонистов с севера Ионии, пограничного с Эолией, и юга, пограничного с дорическим Шестиградием; на это указывают языковые особенности березанских надписей 650–500 гг. – письма Ахиллодора и граффито Идана [ОХБ, с. 156–157, 317–318].¹²⁷

Выше была уже отмечена важнейшая особенность ольвийского гимна – историзм; в отличие от свойственного этому поэтическому жанру традиционного мифологического содержания, в нем, как и одах Пидара, присутствует реальная современность: он написан в связи с разорением Гилеи каким-то врагом и воспекает освободившего ее бога, как мы предположили, Ахилла. Мифологическое и историческое содержание представлено в ольвийском гимне примерно поровну: мифологического характера стк. 1–6 (вступление, ковка оружия для божества, пересылка его в Гилею) и 10 (священнодействие Иетра, спасшего дерева; остальные 6 строк реального содержания – восстановление алтарей, пересчет деревьев. Следовательно, реален сам повод сочинения гимна – нашествие какого-то врага на Гилею. Датировка надписи 550–530 гг. дает время нашествия, а об имени противника,

¹²⁶ [ОХБ, с. 16, 17, 33–35, 37, 40, 43, 204, 206, 207, 233, 259, 286–288, 298, 312, 347, 361, 362, 405, 640].

¹²⁷ В связи с графемой *ō* = *ou* затронем вопрос о датировке только что опубликованного письма на свинцовой табличке из Мирмекия. По мнению издателей, его палеография указывает на конец IV в. – начало III в., скорее, на начало III в. Однако 4 случая написания дифтонга *ei* через *ē* и одно написание *ou* через *ō*, судя по аттическим датированным надписям, где такие наиболее поздние написание относятся к 325–320 гг., сдвигают дату письма в последнюю четверть IV в. [Бехтер, Бутягин, Дана, 2018, с. 935–936]. На мой взгляд, это невозможное решение, так как по шрифту, свойственному папирусным документам, письмо относится к III–II вв. до н. э. Из числа боспорских памятников малой эпиграфики более или менее ему близки нимфейские граффиты святилища Афродиты; я подробно рассмотрел их датировку и отнес к позднеэллинистическому времени: вторая половина III – II вв. до н. э. [Яйленко, 1995, с. 253–256]. Что до указанных написаний, в которых уважаемые издатели усмотрели графемы *ō* = *ou*, *ei* = *ē*, то природа их не графическая, а фонетическая: с III–II вв. до н. э. стал проходить процесс монофтонгизации дифтонгов [Crönert, 1903, p. 129 etc.; Mayser, 1906, S. 116–117 etc.], так что на самом деле эти написания иного рода – *ei* сузилось в краткое *e*, *ou* сузилось в краткое *o*. Налицо соответствие палеографии и фонетики мирмекийского письма позднеэллинистическому времени.

на наш взгляд, гадать не приходится – это царские скифы.¹²⁸ По словам Геродота (IV, 76), они нетерпимы к чуждым обычаям, особенно греческим, ослушников ждала смерть. Склонный к эллинофильству Анахарсис, брат царя Савлия, ездил в Кизик, где приобщился к обрядам в честь Матери богов; вернулся он в Гилею, где принял участие в радениях по Матери, но узнавший об этом царь Савлий убил его в Гилее. Подчеркнем, что это поведал Геродоту поверенный скифского царя Тимн, который излагал приезжему историку ольвийские версии разных событий [Народы нашей страны, 1982, с. 316], т. е. рассказ весьма близок к реальности. Его подтверждает и наша надпись упоминанием культа Матери богов в Гилее, что делает Анахарсиса вполне историческим лицом и дает конкретное время его жизни (см. о нем [Terzopoulou, 2015, pp. 169–182]), а также время правления владыки царских скифов Савлия. Целая россыпь ценнейших известий! Таким образом, упомянутый в гимне разгром Гилеи – это акция Савлия, убившего тут брата Анахарсиса. Савлий – отец Иданфирса, владыки царских скифов времени нашествия Дария в 512 г. В соответствии с указанной датировкой гимна к Гилее случилось это в третьей четверти VI века.

Греческая традиция перенесла на Анахарсиса черты мифологического персонажа Абариса, вследствие чего он тоже предстает мифической фигурой. Абарис одет по-скифски (*Himer. Decl.* 25, 2 = SC I, p. 870), связан с Аполлоном: согласно оратору IV в. Ликургу, он его жрец, наученный богом прорицать и исцелять, по стреле он связан с Аполлоном, ибо у него была стрела как символ Аполлона, так как этот бог – стрела (*apud Cosm. Hier. Syn.* 38. 509 = SC I, p. 717). Прозвище летавшего на стреле Абариса «Небесный ходок» (Αἰθροβάτης) тоже указывает на него, как на вочеловеченную ипостась Аполлона Иетра, перемещавшегося из местности в местность по небу. По какой-то причине греческая традиция сблизила Абариса с реальной исторической личностью, членом правящего дома царских скифов третьей четв. VI в. Анахарсисом (обычно оба считаются легендарными персонажами). Оба они северяне: Анахарсис – скиф, Абарис – гиперборей, оба путешествуют по Греции, у обоих в руках стрела, по-видимому, этот поразительный штрих и объединил два образа античных источников в один персонаж. Легендарная греческая традиция перенесла черты первоначального мифического Абариса не только на Анахарсиса – таковы и другие «клоны» Абариса: Пифагор (*Iambl. Vita Pyth.* 19, 91; 28, 135), Персей (в X Пифийской оде Пиндара он представлен двойником Аполлона Гиперборейского), Аристей – всех их также сочли вочеловеченным Аполлоном Гиперборейским. Наличие этих двойников указывает на первичность мифологического образа Абариса, свидетельством чего является и представление о его путешествиях верхом на стреле (см. обо всем этом [ОХБ, с. 29]). Итак, очень вероятная связь разгрома Гилеи с убийством тут Савлием Анахарсиса делает последнего вполне исторической фигурой.¹²⁹

¹²⁸ Ближайшими к Гилее были скифы-борисфениты и царские скифы: *Herod.* IV, 18; см. [Народы нашей страны, 1982, с. 233–235; Яйленко, 2013, с. 182–183].

¹²⁹ Этот пассаж о скифах мы воспроизвели из статьи 2015 г. Напротив, теперь дезавуируем сказанное

III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ

Текст и перевод этой надписи, хранящейся в ОАМ: ὁ δῆμος Παντακλῆν Κλεομβρότου τὸν εὐεργέτην Ἦρακλεῖ «народ Пантакла Клеомбротова, своего благодетеля, *посвятил* Гераклу». А. И. Иванчик [2015, с. 154–155], обнаружив в Херсонском музее аналогичную по тексту надпись (см. рис. 7 – фото той и другой), заключил, что вотив из ОАМ – подделка херсонского подлинника, на что указывает ее письмо «с преувеличенными апексами и высокими ро и ипсилон ... , который немислим в эллинистическую эпоху, да и для римской выйдет странно». На основании этих своих познаний в письме эллинистических да римских надписей он далее детально реконструировал историю создания одесского «фальшака» Гохманом да К°. Я видел оба камня, одесский да херсонский, ничего подозрительного не приметил ни в характере письма, ни в обработке камней. В ОХБ я дал фото вотива IOSPE I² 188 из Херсонского музея, а описание письма по камню из ОАМ [с. 414, прим. 25 и с. 416]; здесь добавлю, что прорись одесской надписи Латышев сделал по эстампажу, поэтому она неточна: надпись вырезана четким прямым шрифтом, прорись же более свободная, небрежная. Полагаю, наличие двух текстуально одинаковых надписей вполне объясняется принадлежностью Пантакла к роду потомственных стеностроителей Ольвии Клеомбров – Пантаклов (см. о нем [ОХБ, с. 489]). В нем были соименные дед да внук Клеомброт Пантаклов: дед выстроил во второй четв. III в. оборонительную башню, которую посвятил Гераклу и народу (IOSPE I² 179), внук соорудил в последней четв. III в. башню с прясом стены (Ib. 180). Согласно надписи № 188, демос посвятил статую Пантакла Гераклу, а его титул эвергет тоже выказывает в нем стеностроителя, и Геракл был божеством этого рода. Пантакл Клеомбров надписи № 188, судя по ее письму, – сын Клеомброта-внука, действовавший, стало быть, в первой половине II в. В Каталоге ольвийских граждан IOSPE I² 201 последней трети III в. – начала II в. Латышев с основанием читал в столбце II, стк. 32 Παντακλῆς Κ[λεομβρότου ?], и это либо Пантакл надписи № 188, либо другой, тогда они соименные дед и внук или дядя и племянник. Эта соименная пара вполне могла получить от народа ольвиополитов почести за свою эвергесию в виде двух памятников с одинаковой надписью, один из которых одесский, другой херсонский. Я аргументировал изложенную хронологию указанных надписей [ОХБ, с. 413–415, 498–503], с нею можно соглашаться или не соглашаться, но бесспорна принадлежность надписей IOSPE I² 179, 180 к раннему III в., а № 201, 188 к

там о «рабах с Борисфена». Это выражение из фанагорийского анонимного письма последней трети VI в., которое Ю. Г. Виноградов понял как указание на покупку рабов фанагорийцами в Ольвии. Я неосторожно воспринял эту идею, но она бессмысленна – какого лядя фанагорийцам переться за рабами на край света, коли под боком у них тьма варваров, в том числе тех же скифов, у которых они могли покупать пленных и пр. После проработки указания Стефана Византийца (s. v. Βορυσθένης), что Борисфен есть также «у озера Меотиды и Танаиса», и отождествления его с Керченским проливом (при известном античной географии тождестве Танаиса с рекой Кубань; я изложил все это в ДБ. 2015. Т. 19, с. 395–396), стало понятно, что именно отсюда и происходили фанагорийские «рабы с Борисфена».

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

позднему III или раннему II в.; вопреки В. В. Латышеву, не подлежит сомнению, что такая разница в письме между IOSPE I² 179 и 180 исключает связь обеих с одним и тем же человеком, если он не Мафусаил. По письму № 179 близок Каллиникову декрету, который мы датировали второй четвертью III в. [ОХБ, с. 444-445]; Латышев вообще отнес ее к последней четверти IV в. А № 180 с его минускулярным письмом близок КATALOGу ольвийских граждан и Протогеновскому декрету, которые в первую половину III в. никак не втащить; рассмотрев характер письма их и просопографию, в том числе соответствие официалам двух датированных делосских декретов, я датировал Каталог последней третью или концом III в., Протогеновский декрет – двумя первыми десятилетиями II в. [ОХБ, с. 483, 498–503]. Бесспорна и констатируемая В. В. Латышевым принадлежность перечисленных 3-4 лиц в IOSPE I² 179, 180, 188, 201 к одному роду ольвийских эвергетов. Ввиду изложенных данных и при учете двух излюбленных в роду имен Клеомброт да Пантакл несомненно соотношение Клеомброта надписей 179 и 180 как соименных деда и внука, а Пантакла Клеомбротова № 188 и 201 – как соименных дяди да племянника. Поскольку и деятельность семейства, судя по надписям № 179, 180, также 188 (она посвящена тому же Гераклу), сосредоточена на строительстве оборонительных сооружений, поскольку за это представители семьи получали почести от народа ольвиополитов (№ 179: за сооружение фортификации «отечество вознаграждает бессмертными почестями» Клеомброта), вполне вероятно постановка почетных памятников двум соименным благодетелям. А текстуальная их одинаковость обусловлена формулой почетно-посвятительных надписей, принятой в Ольвии III в. до н. э. Точно такова по формуляру надпись IOSPE I² 187: [ὁ δῆμος] Εὐρησίβιον Δημητρίου Διὶ Βασιλεῖ || [ἄρετῆς] ἔνεκεν καὶ εὐνοίας τῆς εἰς αὐτὸν «[народ] *посвятил* Евресивия Деметриева Зевсу Царю за его *доблесть* и благосклонность к себе». Здесь в стк. 1 та же формула, что и в № 188 (в стк. 2 она расширена мотивировочной санкцией, которая отсутствует в № 188).¹³⁰

Теперь рассмотрим упомянутую аргументацию Иванчика, и не откажу себе да читателю в удовольствии вновь процитировать ее, ибо она наглядно являет уровень знаний ее автора: письмо надписи № 188 «с преувеличенными апексами и высокими ро и ипсилон (высота букв 1,6 – 2,6 см, высота ро и ипсилон 5,0 см), который немыслим в эллинистическую эпоху, да и для римской выглядит странно». Так вот, «немыслимые» члену-корреспонденту «преувеличенные апексы» свойственны ряду ольвийских надписей, укажу только те, что снабжены хорошими фото в сб. «Надписи Ольвии», присовокупив для вящей объективности датировки издателей: № 46 (не позднее II в. до н.э.), № 53 (конец II в. – начало III в. н.э.), № 95 (II в. н.э.), № 124 (III–II вв. до н.э.), № 181 (III в. н.э.). Как видно, крупные апексы встречаются в надписях III–II вв. до н.э. и II–III вв. н.э., т. е., вопреки

¹³⁰ Это почетно-посвятительный тип надписей: по винительному падежу почетная, по присутствию имени божества посвятительная.

Иванчику, и эллинистического, и римского времени, так что их «немыслимость» да «странность» – всего лишь свойство его куцых познаний в ольвийской эпиграфике, и не только ольвийской: это самая обычная декорация надписей II–III вв. Обратим внимание и на то, что в пределах эллинистической эпохи крупные апексы свойственны именно III–II вв., к которым и относится комплекс надписей, связанных с семейством Клеомбродов – Пантаклов. Чтобы поставить точку в вопросе об апексах, прилагаю фото датированной надписи – нимфейского декрета в честь Митридата Евпатора, в котором они такие же крупные и тоже в форме «птичек» (рис. 8), как и в вотиве из ОАМ. Таково и посвящение его сына Фарнака (см. фото В. П. Толстикова: ПИФК. 2015, № 1, с. 272). Одинаково украшение мачты буквы Р слова ΕΥΕΡΓΕΤΗΝ горизонтальными штришками сверху да снизу и в одесской надписи, и в нимфейском декрете.

Теперь о разнице по высоте букв в ольвийских документах, тоже «немыслимой» Иванчиком. По сб. «Надписи Ольвии» это свойство следующих надписей (см. их фото в НО): № 38 (высота букв 0,012 м, *омикрон*, *тета* 0,008 – 0,01 м, *иота* 0,015 м; иначе говоря, одни буквы выше других в половину; II в. до н. э.), № 41 (высота букв 0,010 – 0,013 м; конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.), № 49 (высокие Φ, Ψ, причем они выходят за пределы и верхней и нижней линеек строки; конец II в. – начало III в. н. э.), № 91 (*сигма* в два раза выше остальных букв; I в. н. э.), № 148 (Ψ в 2 раза длиннее соседней буквы, причем ножка опущена глубоко вниз, как в IOSPE I² 188; ок. III в. н. э.). Сошлюсь также на фото и прориси В. В. Латышева: IOSPE I² № 165 (вразброс одни буквы вдвое крупнее других; IV в. до н. э.), № 207 (то же; II в. н. э.). Как видно, примерно та же хронология, что и у надписей с крупными апексами – и эллинизм, и римское время.

Большой удар по построениям Иванчика наносит фрагмент НО 125 (см. рис. 9): [Κλεο]μβρότ[–], датированный издателями временем «не ранее конца III – II вв. до н. э.», и в котором буквы ΒΡ (высота 0,027 м) выше соседних букв почти в два раза (высота буквы Μ 0,017 м, *омикрона* 0,015 м), причем их нижние половины опущены под нижнюю линейку строки, – как и в одесском экземпляре IOSPE I² 188. Обратим внимание и на роскошную декоративную ленточку, украшающую тут мачту буквы Ρ, и этот масштабный декор (остальные буквы тоже хорошо апексированы) вполне верифицирует крупные апексы IOSPE I² 188. Фрагмент НО 125 (сохранились остатки и второй строки), во-первых, своей датировкой издателей НО полностью соответствует моей датировке IOSPE I² 188 – первая половина II в., во-вторых, дает уж которого по счету Клеомброта, или Клеомбродовича этого времени. Издатель сего фрагмента Е. И. Леви (кстати, археолог, а не эпиграфист, каковым позиционирует себя Иванчик) квалифицированно характеризовала его: «надпись, судя по ее расположению [на поле плиты, – В. Я.] и по упоминанию имени в первой строке, очевидно, относится к числу посвященных». Итак, это вероятное посвящение Клеомброта или Пантакла Клеомбродовича: сохранился только верхний край плиты, остальные края отбиты, поэтому можно читать в стк. 1 [Παντακλῆς Κλεο]μβρότ[ου] или [Κλεό]μβρότ[ος Παντακλέους]. Вряд ли стоит сомневаться, в том, что

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

посвящение сделано фамильному богу Гераклу и что сей отпрыск семейства тоже был стеностроителем.

Резюмируем: нам известны как минимум 3, как максимум 5 представителей данной фамилии, и употребление ею этих двух излюбленных личных имен делает вполне вероятным наличие двух почетно-посвятительных надписей соименным деду и внуку либо дяде и племяннику. Посмотрим, есть ли хронологическая разница в письме одесского да херсонского памятников и, если есть, какова она, на примере стк. 1 – $\acute{o}$ $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma$ (см. рис. 7)? В херсонском экземпляре член $\acute{o}$ отделен промежутком на 1 букву от слова $\delta\eta\mu\acute{o}\varsigma$, в надписи ОАМ они даны впритык, и в этом нет ничего необычного – точно так они написаны, например, и в Каллиниковом декрете второй четверти III в. (IOSPE I² 25+32; о дате [ОХБ, с. 444-445]). Одинакова в обеих надписях своеобразной формы *дельта* с чуть меньшей да более вертикальной правой боковиной относительно левой, которая немного длиннее и более пологая. Это хорошее указание, во-первых, на подлинность обоих экземпляров, поскольку таких тонкостей начертания букв изготовители поддельных надписей не демонстрируют, во-вторых, на хронологическую их близость. *Омикрон* одесской надписи крупнее, чем в херсонской, ножки М расставлены чуть шире, а вот *сигмы* существенно разные, но обе формы равно употребительны в ольвийской эпиграфике III–II вв. до н. э. У херсонской *сигмы* усики не горизонтальные, а диагональные, причем нижний чуть длиннее, верхний уголок слегка отодвинут назад относительно нижнего; это форма середины IV–III вв., употребленная в проксениях НО 4, 6, 11, IOSPE I² 22 и других надписях. Одесская *сигма* ощутимо позднейшая: усики горизонтальные, верхний длиннее нижнего и выдвинут вперед; такая представлена в надписях НО 25, 26, 75, IOSPE I² 37 и др. второй половины III – II вв. до н. э. Но обе формы *сигмы* бытовали в III в.; при этом крупный *омикрон* экземпляра ОАМ препятствует отнесению его далеко в глубь II в.¹³¹ Из приведенных данных следует отнести принадлежность херсонского да одесского экземпляров ко второй пол. III в. или раннему II в. до н.э.,¹³² так что они могут быть синхронными или разделены промежутком в половину столетия, т. е. в 1-2 поколения.

Подводим итог: одесская надпись вполне аутентичный памятник III в., а привидевшаяся Иванчику ее неподлинность является следствием недостаточного знания им ольвийской эпиграфики. Я уже отмечал плохое издание им ольвийского Стефанова декрета II в. до н. э. [ОХБ, с. 642–655], так что его напраслина в отношении вотива IOSPE I² 188 лишь дорисовывает картину. Она в общем понятна: Иванчик сперва прибрал в свои руки материально весьма выгодный французский проект по переизданию корпуса IOSPE, а уж потом стал заниматься эпиграфикой.¹³³

¹³¹ Обоснование датировок этих надписей читатель найдет в ОХБ по указателю их номеров.

¹³² Нет смысла вдаваться в подробности письма их стк. 2-3, ибо они дадут тот же результат.

¹³³ Дабы читатель не заподозрил меня в зависти – мол, эту работу должен делать я, дам справку. В конце 1980-х или начале 1990-х антиковедческий институт из Бордо Ausonius прислал в Институт все-

У этой истории с IOSPE I² 188 есть и забавный аспект. А. Аврам и тут отличился – изложив идею Иванчика, он спросил: а как же быть с фрагментом Н. И. Николаева, идентичным по содержанию, он тоже фальшивка или дублет ? [Bull. ép. 2016, 345]. Речь идет о мелком осколке, в одной строке которого буквы HN, в другой – GETHN; Николаев не без оснований сблизил его с IOSPE I² 188 и прочел: [Ο ΔΗΜΟΣ ? ΠΑΝΤΑΚΛ?]HN | [ΚΛΕΟΜΒΡΟΤΟΥ ΤΟΝ ΕΥΕΡ?]GETHN | [ΗΡΑΚΛΕ]Ι ? При этом реконструкцию имени Пантакла Николаев аргументировал посредством приписки Латышеву указания, что нехарактерное окончание вин. падежа -ην представлено только в IOSPE I² 188. Инженер Николаев, любитель ольвийской эпиграфики, не только не знает греческого языка, но по незнанию и латыни не смог разобраться даже с комментарием Латышева.¹³⁴ Все это я изложил с понятно отрицательной оценкой [ОХБ, с. 484], тут снова отмечу лишь, что по титулу [εὐερ]γέτην Николаев правильно уловил принадлежность фрагмента к тому типу надписей, что и IOSPE I² 188. Но не более того, ибо окончание имени чествуемого -ην может принадлежать любому из числа 1 и даже 3-го склонений на -ης, так что каждый носитель подобного имени из Каталога ольвийских граждан мог быть почтен данной надписью, а таковых пруд пруди – Φιλωνίδης, Νικόκλῆς, Λεοντομένης, Φιλτῆς, Λεωνίδης и мн. др., а уж из первых кандидатов, конечно, Προτογένης. Ничего этого не понял А. Аврам, тиражирующий в Bull. ép. бесчисленные статьи Николаева, хотя даже начинающий эпиграфист из Оксфорда Г. Кантор догадался, что тот плодит туфту [SEG 58, 763]. Как видно, ниву ольвийской эпиграфики дружно пашут равно умелые А.И. Иванчик, А. Аврам, Н.И. Николаев. Исполать вам, оратаи, а ты, бедная Ольвия, когда же снова будешь «Счастливая»?

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Расторгуева В. С. (ред.). Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. Москва: Наука, 1979. С. 272–364.
Азбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. Москва: Наука, 1992. 237 с.

общей истории письмо с предложением включиться в работу над этим проектом. Ученый секретарь института Н. П. Калмыков сперва ознакомил с письмом Т. В. Блаватскую и меня. Несмотря на большие материальные выгоды, которые сулил проект (поездки во Францию, командировки по нашей стране, зарплата и пр.), мы с Татьяной Васильевной как патриоты-лапотники (надписи наши, поэтому лезть сюда иностранцам незачем) отказались. Зато к проекту да его выгодам охотно подключился Ю. Г. Виноградов, он что-то делал по Ольвии, после его смерти в 2000 г. проект и Ольвию прихватил Иванчик, в результате получив работу в Бордо и статус эпиграфиста, хотя таковым ни в коем случае не являлся: по библиографическому своду В. Кожокару вполне видно, что все его статьи по эпиграфике опубликованы после 2000 г. [Соjсаgи, 2014, р. 69, 98, 225, 253, 402].

¹³⁴ Я заинтересован в том, чтобы ольвийской эпиграфикой занимались энтузиасты, такие как Н.И. Николаев. Ему нужно уйти года на три «в затвор» – ничего не писать, выучить греческий да латынь, просмотреть и обдумать опубликованные ольвийские надписи разных типов. Лишь после этого снова писать, тогда статьи станут профессиональными. Пишет ведь интересные статьи по нумизматике Боспора В. Л. Строкин, хоть и не имеет исторического образования.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

- Алексеева Е. М. Антропоморфные «надгробия» некрополя Горгииппии // ДБ. 2018. Т. 22, с. 9–23.
- Белова Н. С. Посвятительная надпись из Кеп // ВДИ. 1970, № 2. С. 67–72.
- Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2014 г. // Аристей. 2015. Т. 12. С. 192–217.
- Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2015 г. Аристей. 2016. Т. 14. С. 233–245.
- Белоусов А. В., Сапрыкин С. Ю. Еще раз о публикации надписей с городища Артезиан на Боспоре // Аристей. 2018. Т. 18. С. 246–269.
- Бехтер А. П. Предварительные замечания к IOSPE II². Эпиграфические памятники из фондов Херсонского музея // ВДИ. 2013. № 1. С. 9–20.
- Бехтер А. П., Бутягин А. М., Дана М. Свинцовое письмо из Мирмекия // ВДИ. 2018, № 4. С. 931–948.
- Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. Москва: Наука. 1962. Т. 3. С. 3–31.
- Буйских С. Б. Бейкушское граффити с изображением гоплита // БЧ. 2008. Вып. IX. С. 37–42.
- Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. Москва: Наука, 1989. 284 с.
- Винокуров Н. И. Новые изображения всадников на Боспоре // ДБ. 2002. Т. 5. С. 70–85.
- Гаврилов А. К., Павличенко Н. А., Кейер Д. В. К полемике вокруг КБН-альбома // ВДИ. 2008. № 2, с. 155–168.
- Глушец Л. Н. Изображения богини на троне в коллекции терракот Керченского историко-культурного заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь: Историко-культурный заповедник, 2006. Вып. 1. С. 99–121.
- Денисова М. Н. Фетида у Алкмана и Гомера: развитие двух образов // Аристей. 2016, с. 47–62.
- Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН, 1965, с. 797–831.
- Емец И. А. Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти // Эпиграфический вестник. Москва (без изд-ва). 1995. Вып. 2. С. 40–60.
- Иванова А. П. Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины // КСИИМК. 1951. Вып. 39. С. 27–35.
- Иванчик А. И. О некоторых поддельных надписях Ольвии и Тиры // Археологія і давня історія України. Київ: Спілка археологів України, 2015. Вып. 1, с. 147–157.
- Карасев А. Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Ольвия. Москва, Ленинград: Наука, 1964. С. 27–130.
- Матковская Т. А., Тохтасьев С. Р. Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. 2006. Т. 1. С. 179–210.
- Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Москва: Наука, 1982. 455 с.
- Нидерле Г. Синтаксис греческого языка. Москва: Наследники братьев Салаевых, 1880. Ч. 2. 336 с.
- Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев: Наукова думка, 1993. 140 с.
- Платон. Сочинения в трех томах. Москва: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. 687 с.
- Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Москва: Индрик, 2002. 487 с.
- Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. 165 с.
- Русяева А. С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время. Киев: Наукова думка, 1987. С. 134–154.
- Русяева А. С. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994. № 4. С. 99–106.
- Русяева А. С. Ольвия и Гилея // Древнее Причерноморье. Одесса: КСОО, 1994а. С. 95–99.
- Русяева А. С. Святилище Ахилла на Тендре // ВДИ. 2006 (4), с. 98–123.
- Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: Фонд «Деметра», 2010. 287 с.
- Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В. 2014. Городище Артезиан в Восточном Крыму // ВДИ. 2014. № 3. С. 134–162.
- Скржинская М. В. Происхождение двух этногонических мифов в Скифском логосе Геродота //

Боспорские исследования, вып. XXXIX

- Казанский Н. Н. (ред.). Индоевропейское языкознание и классическая филология. Санкт-Петербург: Наука, 2011. С. 469–476.
- Словник літописних назв. 1985. Стрижак О. С. (ред.). Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ: Наукова думка, 1985. 254 с.
- Снытко И. А. О культе Ахилла в Нижнем Побужье в античную эпоху // БФ. 2009, с. 365–371.
- Снытко И. А. Еще раз о культе Геракла в Нижнем Побужье VI–III вв. до н. э. // Гаврилюк Н. О. и др. (ред.). Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). Київ: Стародавній світ, 2017. С. 195–201.
- Тахо-Годи. 1988. Тахо-Годи А. А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. Москва: Изд-во МГУ, 1988. С. 5–55.
- Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.
- Толстой И. И. Статьи о фольклоре. Москва, Ленинград: Наука, 1966. 249 с.
- Топоров В. Н. Об архаичном слое в образе Ахилла // Акимова Л. И. (ред.). Образ – смысл в античной культуре. Москва: Гос. музей изобразит. искусств, 1990. С. 64–95.
- Хайнд Дж. Ахилл и Елена на Белом острове в Евксинском Понте: «сторона В» Портлендской вазы // ВДИ. 1994. № 3. С. 121–126.
- Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. Москва: АСТ, 2006. 591 с.
- Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. в эпиграфических источниках. Москва: Наука, 1982. 312 с.
- Яйленко В. П. Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры 1987. Москва: Наука, 1988. С. 54–60.
- Яйленко В. П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Голубцова Е. С. (ред.). Эллинизм: экономика, политика, культура. Москва: Наука, 1990. С. 249–309.
- Яйленко В. П. 1998. Человек в античной Ольвии (очерк социальной истории) // Л. П. Маринович (ред.). Человек и общество в античном мире. Москва: Наука, 1998. С. 90–129.
- Яйленко В. П. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 2006. Т. 9. С. 340–413.
- Яйленко В. П. Малоазийские «гастарбайтеры» на Боспоре V–III вв. до н. э. // ДБ. 2009. Т. 13. С. 477–538.
- Яйленко В. П. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. Москва: Гриф, 2010. 739 с.
- Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. Москва: Onebook, 2013. 347 с.
- Яйленко В. П. Ольвийский гимн VI в. до н. э. // БИ. 2015. Т. 31. С. 88–99.
- Яйленко В. П. О публикации надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму // МАИАСК. 2017. Т. 9. С. 471–483.
- Яйленко В. П. Стихотворные граффити Ольвии VI–V вв. до н. э. 1920 (в печати).
- Avakian G. Ştiri nouă din Tyras. II. Graffiti // Cronica numismatică şi arheologică. Bukarest, 1927. T. VII/67–68, p. 4–17; T. VII/69–70, p. 23–32 (p. 1–35 отдельного оттиска).
- Avakian G. Ştiri nouă din Tyras II // Comisiunea monumentelor istorice. Sectia din Besarabia. Chişinău, 1931. Anuar 3. P. 105–114.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. T. 3. P. 610–962.
- Cojocaru V. Noi date despre cultul lui Achille în spaţiul Nord-Vest Pontic // Archeologia Moldovei. 2003. T. 23/24, p. 289–295.
- Cojocaru V. Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica & prosopographica. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2014. 560 p.
- Cojocaru V. Instituţia proxeniei în spaţiul pontic. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2016. 338 p.
- Dillon M. Girls and Women in Classical Greek Religion. London & New York: Routledge, 2002. 436 p.
- Dubois, 1996. Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbis du Pont. Genève. 208 p.
- Ebert, 1972. Ebert J. Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen. Berlin: Akademie-Verlag, 1972. 280 S.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

- Erdemir H.* Woolen Textiles // Cadwallader A., Trainor M. (eds.). *Colossae in Space and Time*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, pp. 104–129.
- Friedländer P.* *Epigrammata*. Berkeley; Los Angeles : University of California Press, 1948. 198 p.
- Gardthausen V.* *Griechische Palaeographie*. Leipzig: Veit & Comp, 1913. Bd. 2. 516 S.
- Grossman J. B.* *Greek Funerary Sculpture: Catalogue of the Collections at the Getty Villa*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2001. 159 p.
- Hansen B.* *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. B. 1958. 321 S.
- Hedreen G.* The Cult of Achilles in the Euxine // *Hesperia*, 1991. Vol. 60 (pt. 3), p. 313–330.
- Ivanova A. P.* *Kerchenskaya stela s izobrazheniem vsadnika i sidiaschei zhenschiny* // KSIIMK. 1951. Vyp. 39, pp. 27–35.
- Janko R.* The Structure of the Homeric Hymns: A Study in Genre // *Hermes*. 1981. Bd. 109. Hft. 1, pp. 9–24.
- Kinkel*, 1877. *Epicorum Graecorum fragmenta*. Ed. G. Kinkel. Lipsiae: Teubner, 1877. 322 S.
- Kuhner R., Blass F.* *Ausführliches Grammatik der griechischen Sprache*. Hannover: Hahn, 1890. T. I, Bd. 1. 686 S.; 1892. T. I, Bd. 2. 00 S.
- Lang M.* *Graffiti and Dipinti* // *The Athenian Agora*. Princeton. 1976. Vol. 21. 116 p.
- Mayser E.* *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Lipsiae: Teubner, 1906. 538 S.
- Meiggs R., Lewis D.* *A Selection of Greek Historical Inscriptions*. Oxford: Clarendon Press, 1969. 308 p.
- Mihailov G.* *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Serdicae: Academia litterarum, 1958. Vol. II. 257 p. Vol. III, fasc. 1. 1961. 305 p.
- Pape W., Benseler G. E.* *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884. 1710 S.
- Percy W. A.* *Pederasty and Pedagogy in Archaic Greece*. Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1996. 260 p.
- Pinney G. F.* Achilles Lord of Scythia // Moon W. G. (ed.). *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison: University of Wisconsin Press, 1983, p. 127–146.
- Rich A.* *Dictionnaire des antiquités romaines et grecques*. Paris: Firmin Didot, 1861. 740 p.
- Richardson N.* Constructing a Hymnic Narrative: A Tradition and Innovation in the Longer Homeric Hymns // Faulkner A., Hodkinson O. (eds.). *Hymnic Narrative and the Narratology of Greek Hymns*. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 19–30.
- Roehl H.* *Inscriptiones Graecae antiquissimae*. Berlin: de Gruyter, 1882. 216 p.
- Russjaeva, Vinogradov*, 1991. Russjaeva A. S., Vinogradov Ju. G. Der “Brief des Priesters” aus Hylaia // *Gold der Steppe*. Archäologie der Ukraine. Schleswig: Archaeologisches Landesmuseum. S. 201.
- Smoot G.* *The Mytoses of Akhilleus*. New Brunswick (New Jersey), 2008 (электронный ресурс).
- Threatte L.* *The Grammar of Attic Inscriptions*. Berlin, New York: de Gruyter, 1980. T. 1. 737 p.
- Thumb A., Scherer A.* *Handbuch der griechischen Dialekte*. Heidelberg: Winter, 1959. Bd. 2. 436 S.
- Terzopoulou D.* Anacharsis: the Travels of a Wise Scythian Man through Greek History // Adam-Veleni P., Tsangari D. (eds.). *Greek Colonization. New Data, Current Approaches*. Athens: Alpha bank, 2015, pp. 169–182.
- Zgusta L.* *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha: Československa Akademie věd, 1955. 467 s.
- Zgusta L.* *Kleinasiatische Personennamen*. Prag: Tschechoslowakische Akademie der Wissenschaften, 1964. 701 S.

REFERENCES

- Abaev V. I. Skifo-sarmatskie narechia. Rastorgueva V. S. (Ed.). *Osnovy iranskogo yazykoznanija. Drevneiranskije yazyki*. M. : Nauka, 1979, p. 272–364.
- Agbunov M. V. *Antichnaia geografia Severnogo Prichernomoria*. M. : Mysl' Publ., 1992, 236 p.
- Alekseeva E. M. Antropomorfnye “nadgrobja” nekropolia Gorgippii. *DB*. 2018. T. 22, pp. 9–23.
- Avakian G. Știri nouă din Tyras. II. Graffiti. *Cronica numismatică și arheologică*. Bukarest, 1927. T. VII/67–68, p. 4–17; T. VII/69–70, pp. 23–32 (pp. 1–35 of the offprint).

Боспорские исследования, вып. XXXIX

- Avakian G. Ştiri nouă din Tyras II. *Comisiunea monumentelor istorice. Sectia din Besarabia*. Chişinău, 1931, Anuar 3, pp. 105–114.
- Belousov A. V. Grecheskaya i rimskaya epigrafika Severnogo Prichernomoria 2014. *Aristei*, 2015. T. 12, pp. 192–217.
- Belousov A. V. Grecheskaya i rimskaya epigrafika Severnogo Prichernomoria 2015. *Aristei*, 2016, T. 14, pp. 233–245.
- Belousov A. V., Saprykin S. Yu. Esche raz o publikatsii nadpisei s gorodischa Artezian na Bospore // *Aristei*. 2018. T. 18, pp. 246–269.
- Belova N. S. Posviatitelnaya nadpis' iz Kep. *VDI*, 1970, № 2, pp. 67–72.
- Bekhter A. P. Predvaritelnye zamechaniya k IOSPE II². Epigraficheskie pamiatniki iz fondov Khersonskogo muzeia. *VDI*, 2013, N 1, pp. 9–20.
- Bekhter A. P., Butiagin A. M., Dana M. Svintsovoe pismo iz Mirmekia. *VDI*, 2018, 4, pp. 931–948.
- Boltunova, A. I., Knipovich, T. N. Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore. *Numizmatika i Epigrafika*, 1962, T. 3, pp. 3–31.
- Buiskikh S. B. Beikushskoe graffiti s izobrazheniem goplita. *BCh*, IX, 2008, pp. 37–42.
- Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. T. 3, pp. 610–962.
- Cojocaru V. Noi date despre cultul lui Achille în spaţiul Nord-Vest Pontic. *Archeologia Moldovei*, 2003, T. 23/24, pp. 289–295.
- Cojocaru V. *Bibliographia classica orae Septentrionalis Ponti Euxini. Vol. I. Epigraphica, numismatica & prosopographica*. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2014, 560 p.
- Cojocaru V. *Instituţia proxeniei în spaţiul pontic*. Cluj-Napoca: Editura MEGA, 2016, 338 p.
- Denisova M. N. Fetida u Alkmana i Gomera: razvitie dvukh obrazov. *Aristei*. 2016, pp. 47–62.
- Dillon M. *Girls and Women in Classical Greek Religion*. London & New York: Routledge, 2002. 436 p.
- Dovatur A. I. Kratkii ocherk grammatiki bosporskikh nadpisei. *KBN*, 1965, pp. 797–831.
- Dubois L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève: Librairie Droz, 1996, 208 p.
- Ebert J. *Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1972. 280 S.
- Emec I. A. Klassifikatsiia i shrift bosporskikh graffiti i dipinti. *Epigraficheskij Vestnik*, 1995. Vyp. 2, pp. 40–60.
- Erdemir H. Woolen Textiles // *Cadwallader A., Trainor M. (eds.). Colossae in Space and Time*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, pp. 104–129.
- Friedländer P. *Epigrammata*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1948. 198 p.
- Gardthausen V. *Griechische Palaeographie*. Leipzig: Veit & Comp, 1913. Bd. 2. 516 S.
- Gavrilov A. K., Pavlichenko N. A., Keier D. V. K polemike vokrug KBN-al'boma. *VDI*. 2008, N 2, pp. 155–168.
- Glushets L. N. Izobrazhenia bogini na trone v kollektsii terrakot Kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Kertch: Istoriko-kul'turnyi zapovednik, 2006. Vyp. 1, pp. 99–121.
- Grossman J. B. *Greek Funerary Sculpture: Catalogue of the Collections at the Getty Villa*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum, 2001. 159 p.
- Hansen B. *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1958, 321 S.
- Hedreen G. The Cult of Achilles in the Euxine. *Hesperia*, 1991, Vol. 60. Pt. 3, pp. 313–330.
- Hind J. Akhill i Elena na Belom ostrove v Evksinskom Ponte: "storona B" Portlendskoi vazy. *VDI*, 1994, № 3, pp. 121–126.
- Ivanchik A. I. O nekotorykh poddelnykh nadpisiakh Olvii i Tiry. *Archeologia i davnia istoria Ukrainy*, 2015. Vyp. 1, pp. 147–157.
- Janko R. The Structure of the Homeric Hymns: A Study in Genre. *Hermes*, 1981, Bd. 109. Hft. 1, pp. 9–24.
- Karasev A. N. Monumentalnye pamiatniki Olviiskogo temenosa. *Gajdukevich V. F. (ed.). Olbia*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1964, pp. 27–130.
- Kinkel, 1877. *Epicorum Graecorum fragmenta*. Ed. G. Kinkel. Lipsiae: Teubner, 1877, 322 S.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

- Kühner R., Blass F. *Ausführliches Grammatik der griechischen Sprache*. Hannover: Hahn, 1890. T. I, Bd. 1. 645 S.; 1892. T. I, Bd. 2. 652 S.
- Lang M. Graffiti and Dipinti. *The Athenian Agora*. Princeton. 1976. Vol. 21. 116 p.
- Matkovskaja T. A., Tohtas'ev S. R. Maloizvestnye i neizdannye stely Kerchenskogo lapidaria. *Nauchnyy sbornik Kerchenskogo zapovednika*, I. Kertch: Istoriko-kul'turnyi zapovednik, 2006, pp. 179–210.
- Mayser E. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Lipsiae: Teubner, 1906. 538 S.
- Meiggs R., Lewis D. *A Selection of Greek Historical Inscriptions*. Oxford: Clarendon Press, 1969, 308 p.
- Mihailov G. *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Serdicae: Academia litterarum, 1958. Vol. II. 257 p. Vol. III, fasc. 1. 1961. 305 p.
- Narody nashei strany v "Istorii" Gerodota*. Moscow: Nauka, 1982, 455 p.
- Niderle G. *Sintaksis grecheskogo yazyka*. Moscow: Nasledniki bratiev Salaevykh, 1880, T. 2, 336 p.
- Okhotnikov S. B., Ostroverkhov A. S. *Sviatilische Akhilla na ostrove Levke (Zytnom)*. Kiev: Naukova dumka, 1993, 140 p.
- Pape W., Benseler G. E. *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884, 1710 S.
- Percy W. A. *Pederasty and Pedagogy in Archaic Greece*. Urbana, Chicago: University of Illinois Press, 1996, 260 p.
- Pinney G. F. Achilles Lord of Scythia. Moon W. G. (ed.). *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison: University of Wisconsin Press, 1983, p. 127–146.
- Plato. *Sochinenia v trekh tomakh*. Moscow: Mysl'. 1971. T. 3, pt. 1. 687 p.
- Podosinov A. V. *Vostochnaia Evropa v rimskoi kartograficheskoi traditsii*. Moscow: Indrik, 2002, 487 p.
- Rich A. *Dictionnaire des antiquités romaines et grecques*. Paris: Firmin Didot, 1861. 740 p.
- Richardson N. Constructing a Hymnic Narrative: A Tradition and Innovation in the Longer Homeric Hymns. Faulkner A., Hodkinson O. (eds.). *Hymnic Narrative and the Narratology of Greek Hymns*. Leiden, Boston: Brill, 2005, pp. 19–30.
- Roehl H. *Inscriptiones Graecae antiquissimae*. Berlin: de Gruyter, 1882, 216 p.
- Rusiaeva A. S. *Antichnye terrakity Severo-Zapadnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, 1982, 165 p.
- Rusiaeva A. S. Epigraficheskie pamiatniki. Kryzhitskii S. D. (ed.). *Kultura naselenia Olvii i ee okrugy v arkhaischeskoe vremia*. Kiev: Naukova dumka, 1987, pp. 134–154.
- Rusiaeva A. S. Osnovnye cherty i osobennosti kulturno-istoricheskogo razvitiia Nizhnego Pobuzhia v period kolonizatsii. *VDI*, 1994, № 4, pp. 99–106.
- Rusiaeva A. S. Olvia i Gilea. *Drevnee Prichernomorie*. Odessa: KSOAO, 1994a, pp. 95–99.
- Rusiaeva A. S. Sviatilische Akhilla na Tendre. *VDI*, 2006, N 4, pp. 98–123.
- Rusiaeva A. S. *Graffiti Ol'vii Pontiiskoi*. Symferopol': Fond "Demetra", 2010, 287 p.
- Russjaeva A. S., Vinogradov Ju. G. Der "Brief des Priesters" aus Hylaia. R. Müller-Wille und andere (eds.). *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine*. Schleswig: Archaeologisches Landesmuseum, 1991, S. 201.
- Saprykin S. Ju., Vinokurov, N. I., Belousov, A. V. Gorodische Artezian v Vostochnom Krymu. *VDI*, 2014, N 3, pp. 134–162.
- Sheinina E. Ya. *Entsiklopedia simvolov*. Moscow: AST, 2006, 591 p.
- Skrzhinskaya M. V. Proiskhozhdenie dvukh etnogonicheskikh mifov v Skifskom logose Gerodota. Kazanskii N. N. (ed.). *Indoevropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaiia filologia*, Sankt-Peterburg: Nauka, 2011, pp. 469–476.
- Smoot G. *The Mytoses of Akhilleus*. New Brunswick (New Jersey), 2008 (electronic resource).
- Strizhak O. S. (ed.). *Etimologichnyi slovník litopisnykh geografichnykh nazv*. Kiev: Naukova dumka, 1985, 254 p.
- Snytko I. A. O kul'te Akhilla v Nizhnem Pobuzhie v antichnuii epokhu. *BF*, 2009, pp. 365–371.
- Snytko I. A. Esche raz o kul'te Gerakla v Nizhnem Pobuzhie VII–III vv. do n. e. Gavriuliuk N. O. *Pivnichne Prichernomorie za antychnoi doby (na poshanu S. D. Kryzhitskogo)*, Kyiv: Starodavnyi svit, 2017, pp. 195–201.

Боспорские исследования, вып. XXXIX

- Takho-Godi A. B. Antichnaia gimnografia. *Takho-Godi A. B. (ed.). Antichnye gimny*. Moscow: Izd-vo MGU, 1988, pp. 5–55.
- Terzopoulou D. Anacharsis: the Travels of a Wise Scythian Man through Greek History. *Adam-Veleni P., Tsangari D. (eds.). Greek Colonization. New Data, Current Approaches*. Athens: Alpha bank, 2015, pp. 169–182.
- Tolstoj I. I. *Grecheskie graffiti drevnih gorodov Severnogo Prichernomor'ja*. Leningrad: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1953, 154 p.
- Tolstoj I. I. *Statii o folklore*. Moscow, Leningrad: Nauka, 1966, 249 p.
- Toporov V. N. Ob arkhaiskom slove v obraze Akhilla. *Akimova L. I. (ed.). Obraz-smysl v antichnoi kulture*. Moscow: Gos. muzei izobrazitelnykh iskusstv, 1990, pp. 64–95.
- Threatte L. *The Grammar of Attic Inscriptions*. Berlin, New York: de Gruyter, 1980, T. 1, 737 p.
- Thumb A., Scherer A. *Handbuch der griechischen Dialekte*. Heidelberg: Winter, 1959, Bd. 2, 436 S.
- Vinogradov Ju. G. *Politicheskaya istoria Olvijskogo polisa*. Moscow: Nauka, 1989, 284 p.
- Vinokurov N. I. Novye izobrazhenia vsadnikov na Bospore. *DB*, 2002, T. 5, pp. 70–85.
- Yailenko V. P. *Grecheskaya kolonizatsia VII–III vv. do n. e. v epigraficheskikh istochnikakh*. Moscow: Nauka, 1982, 312 p.
- Yailenko V. P. Nachalnoe shkolnoe obrazovanie v antichnykh grecheskikh gorodakh Severnogo Prichernomoria. *Lihachev, D. S. (ed.). Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologija*. 1987. Moscow: Nauka, 1988, pp. 54–60.
- Yailenko V. P. Olvia i Bospor v ellinisticheskuiu epokhu. *Golubcova, E. S. (ed.). Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow: Nauka, 1990, pp. 249–309.
- Yailenko V. P. Chelovek v antichnoi Olvii. *Marinovich L. P. Chelovek i obschestvo v antichnom mire*, Moscow: Nauka, 1998, pp. 90–129.
- Yailenko V. P. Posviatitelnye graffiti Pantikapea i okrug. *DB*, 2006, T. 9, pp. 340–413.
- Yailenko V. P. Maloasijskie “gastarbaitery” na Bospore V–III vv. do n. e.? *DB*, 2009, T. 13, pp. 477–538.
- Yailenko V. P. *Tysiacheletnii Bosporskii reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n. e. – V v. n. e.* Moscow: Grif i K°, 2010, 739 p.
- Yailenko V. P. *Oчерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III vv. do n. e.* Moscow: Onebook, 2013, 347 p.
- Yailenko V. P. Olviiskii gimn VI v. do n. e. *BI*, 2015, T. 31, pp. 88–99.
- Yailenko V. P. *Istoriia i jepigrafika Ol'vii, Chersonesa i Bospora VII v. do n. e. – VII v. n. e.* Sankt-Petersburg: Nestor-Istoria, 2017, 1023 p.
- Yailenko V. P. O publikatsii nadpisei s gorodisha Artezian v Vostochnom Krymu. *MAIASK*. 2017. T. 9, pp. 471–483.
- Yailenko V. P. Stikhotvornye graffiti Ol'vii VI–V vv. do n. e. 1920 (forthcoming).
- Zgusta L. *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha: Československa Akademie věd, 1955, 467 p.
- Zgusta L. *Kleinasiatische Personennamen*. Prag: Tschechoslowakische Akademie der Wissenschaften, 1964, 701 S.

Яйленко В.П. Эпиграфические заметки...

Резюме

Статья включает заметки I–III. В первой критически рассмотрена публикация С. Ю. Сапрыкиным и А. В. Белоусовым [ВДИ, 2014, № 3, с. 139–151] надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму – 2 граффити на керамическом черепке, а также эпитафия и рельеф надгробной стелы. Автор дает иные текст, интерпретацию, датировку надписей и рельефа. Вторая заметка уделена текстологии и просодике надписи на черепке стиля Фикеллюра (550–530) из Ольвии, это гимн к сакральной зоне Гилее из 13 сохранившихся стихов гекзаметра. Третья заметка уделена критике мнения А. И. Иванчика о поддельном характере надписи IOSPE I² 188 из Одесского музея: по всем параметрам она подлинная.

Ключевые слова: Артезиан, Ольвия, надписи, рельеф, критика, текстология, просодика, комментарий.

Summary

The article includes 3 notes. I. The author has critically revised the published by S. Yu. Saprykin and A. V. Belousov [VDI, 2014, N 3, p. 139–151] inscriptions from Fortress Artezian in East Crimea – two graffiti on ceramic fragment, also epitaph and relief of the funeral stele. The author has given another text, interpretation and dating of the inscriptions, also of the relief. The note II deals with textology and prosody of graffiti on ceramic fragment of Fikellura style (550–530) from Olbia; it is poetic hymn to the sacred region Hylaea, including 13 hexametric verses. In the note III the author criticizes an attribution of the Olbian inscription IOSPE I² 188 from Odessa museum by A.I. Ivanchik as forgery: from all points of view it is authentic.

Key words: Artezian, Olbia, inscriptions, relief, criticism, textology, prosody, commentary.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яйленко Валерий Петрович,
доктор исторических наук, профессор,
независимый исследователь, Москва,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yailenko Valery, DSc, Prof.
Independent researcher, Moscow,
8(499)6763156,
valeryjailenko@gmail.com

Рис. 1. Граффито на внутренней стороне черепка, прорись
[Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, рис. 3].

Рис. 1а. Граффито на внутренней стороне черепка
(фото Н. И. Винокурова).

Рис. 16. Граффито на внутренней стороне черепка
(фото Н. И. Винокурова).

Рис. 2. Граффито на внешней стороне черепка
[Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, рис. 5].

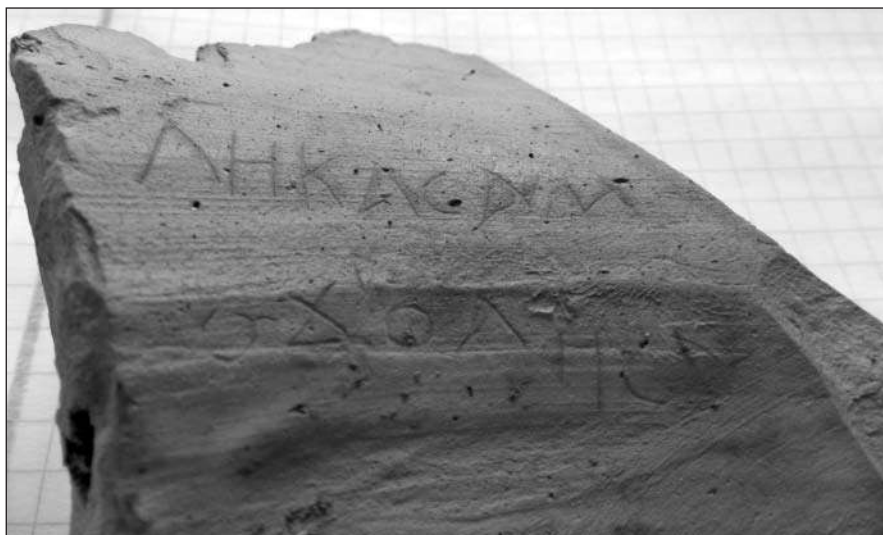

Рис. 2а. Граффито на внешней стороне черепка
(фото Н. И. Винокурова).

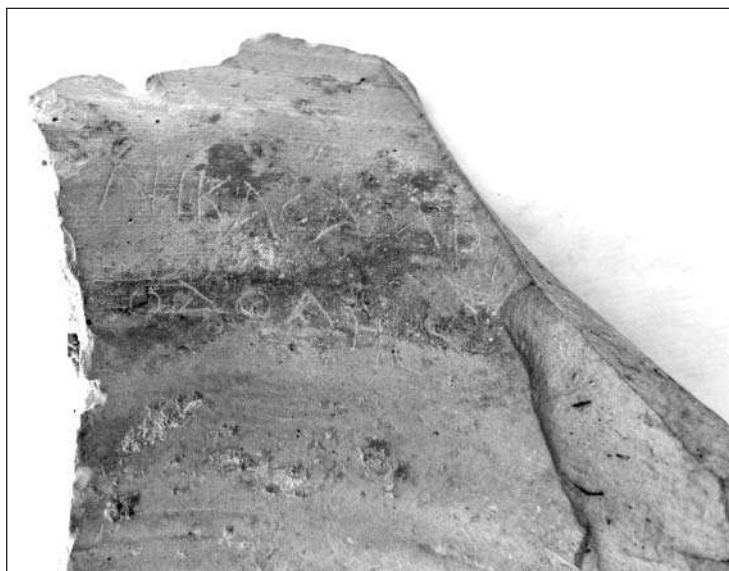

Рис. 2б. Граффито на внешней стороне черепка
(фото Н. И. Винокурова).

Рис. 3. Рельеф и надпись надгробной стелы [Сапрыкин, Винокуров, Белоусов, 2014, рис. 6].

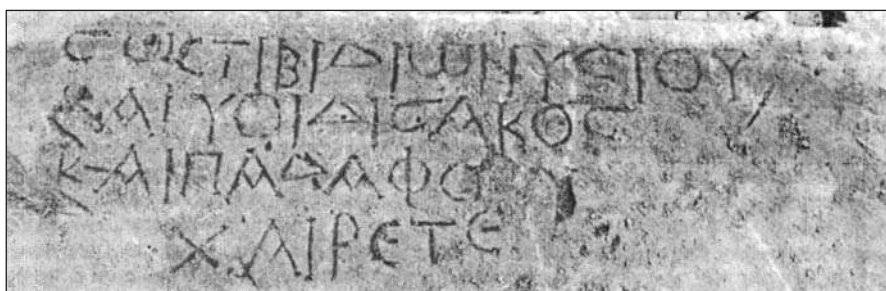

Рис. 3а. Эпитафия Состибия
(фрагмент фото Н. И. Винокурова [2002, с. 85]).

Рис. 4. Гимн Гилее.
[Russjaeva, Vinogradov, 1991].

Рис. 5. Природа Кинбурна сегодня
(фото Елены Снытко).

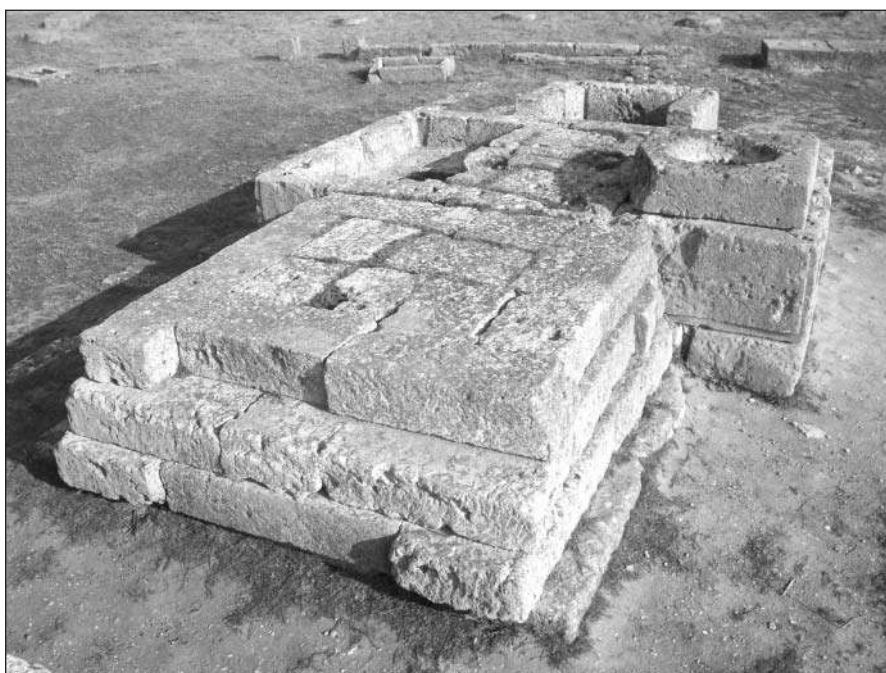

Рис. 6. Алтарь на теменосе Дельфиния в Ольвии
(фото И. А. Снытко).

Рис. 7. Вверху: надпись IOSPE I² 188, Херсонский музей.
Внизу: то же, ОАМ (фото А. И. Иванчика).

Рис. 8. Декрет нимфейцев в честь Митридата Евпатора (фото Керченского музея).

Рис. 9. Фрагмент НО 125 (фото НО).